

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

1/2017

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

к. ю. н., доц. **О. Г. Алексеева**; д. ю. н., проф. **А. С. Барабаш**; к. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **В. С. Белых**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Д. В. Винницкий**; к. ю. н. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Л. Я. Драпкин**; к. ю. н., доц. **Д. В. Жернаков**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Невинский**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., доц. **О. Н. Родионова**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н., проф. **Ю. Н. Стариков**; д. ю. н., проф. **И. А. Тарханов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; проф. **Хуан Даосю** (Китай); проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. V. Fedorov** (candidate of law, assoc. prof.)

O. G. Alekseeva (candidate of law, assoc. prof.); **A. S. Barabash** (doctor of law, prof.); **Yu. S. Bezborodov** (candidate of law, assoc. prof.); **V. S. Belykh** (doctor of law, prof.); **L. Yu. Vasilevskaya** (doctor of law, prof.); **D. V. Vinnitskiy** (doctor of law, prof.); **O. G. Geymur** (candidate of law, assoc. prof.); **S. Yu. Golovina** (doctor of law, prof.); **L. Ya. Drapkin** (doctor of law, professor); **D. V. Zhernakov** (candidate of law, assoc. prof.); **S. K. Zagaynova** (doctor of law, prof.); **T. V. Zametina** (doctor of law, prof.); **S. V. Kodan** (doctor of law, prof.); **I. Ya. Kozachenko** (doctor of law, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of law) (Finland); **A. N. Kokotov** (doctor of law, prof.); **T. V. Kondrashova** (candidate of law, prof.); **T. E. Loginova** (candidate of law, assoc. prof.); **I. P. Malinova** (doctor of philosophy, prof.); **V. P. Motrevitch** (doctor of history, prof.); **V. V. Nevinskiy** (doctor of law, prof.); **V. V. Nikishin** (doctor of law, prof.); **D. V. Osintsev** (doctor of law, prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. B. Polyakov** (doctor of law, assoc. prof.); **V. F. Popondopulo** (doctor of law, prof.); **O. N. Rodionova** (candidate of law, assoc. prof.); **R. K. Rusinov** (candidate of law, prof.); **P. I. Savitskiy** (doctor of law, prof.); **Yu. N. Starilov** (doctor of law, prof.); **I. A. Tarkhanov** (doctor of law, prof.); **V. L. Tolstykh** (doctor of law, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of law, prof.) (Germany); **M. Yu. Fedorova** (doctor of law, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207

Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,

редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20. electronic.ruzh.org.

E-mail: ruzh@usla.ru.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Безбородов Ю. С. (Екатеринбург)* Наднациональность, суверенитет и конвергенция:
соотношение правовых категорий 5

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Дерюгин Р. А. (Екатеринбург)* Тактические особенности производства
следственного действия, предусмотренного ст. 186¹ Уголовно-процессуального кодекса РФ 18
- Скоблик К. В. (Красноярск)* Прогностические и познавательные решения
в российском уголовном процессе 23
- Смирнов В. Н. (Екатеринбург)* Защита по назначению – конституционная гарантия
или фикция? 31

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Кузнецов Е. Н. (Екатеринбург)* Эволюция права на исполнение актов
юрисдикционных органов в системах континентального и общего права 39
- Жабреев М. В. (Екатеринбург)* Способы образования юридических лиц:
теория, практика и нормативное регулирование (окончание) 50
- Вихарев А. А. (Екатеринбург)* Последствия доктринальных дискуссий
о самостоятельности семейного права как отрасли права 64
- Зыков С. В. (Новосибирск)* Об отнесении доменных имен к объектам
интеллектуальных прав 72

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Иванчина Ю. В. (Екатеринбург)* Влияние экономики на эволюцию
и современное состояние функций трудового права 79

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

- Черепанов М. М., Пугачев А. В. (Екатеринбург)* Принцип невмешательства
органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов 91
- Домченко А. С. (Челябинск)* Проблемы осуществления российской прокуратурой
надзора за законностью нормативных правовых актов органов исполнительной власти 105

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИИ

- Тихоненко В. В., Вислинский М. Д. (Екатеринбург)* Сравнительный анализ
методических подходов и экономическая эффективность результатов
государственной оценки земель населенных пунктов под промышленными объектами
для целей налогообложения (на примере АО «Уралэлектромедь») 117
- Ивашук И. С. (Москва)* Перспективы совершенствования
охраны земель сельскохозяйственного назначения посредством развития
механизмов правового регулирования использования земельных участков 126

ПРОБЛЕМНЫЕ ЛЕКЦИИ

- Малинова И. П. (Екатеринбург)* История и философия науки (окончание) 133

МУЗЕЙ ИСТОРИИ СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ

- Насибуллин Р. А. (Екатеринбург)* Григорий Баев – директор и заведующий
кафедрой теории и истории государства и права Свердловского юридического института 144
- Студенческий исследовательский проект
«Книга Памяти СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ»: идея, воплощение, перспективы 160

CONTENTS

INTERNATIONAL LAW

- Bezborodov Yu. S. (Yekaterinburg)* Supranationality, sovereignty and convergence:
the ratio of legal categories5

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Deryugin R. A. (Yekaterinburg)* Tactical features of the investigative action
provided by art. 186¹ of the RF Criminal Procedure Code18
- Skoblik K. V. (Krasnoyarsk)* Prognostic and cognitive decisions
in the Russian criminal procedure23
- Smirnov V. N. (Yekaterinburg)* Appointed protection – the constitutional guarantee or fiction?31

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Kuznetsov E. N. (Yekaterinburg)* The evolution of the right to execution
of jurisdictional acts in the systems of continental and common law39
- Zhabreev M. V. (Yekaterinburg)* The ways of establishing legal entities: theory, practice
and normative framework (the end)50
- Vikharev A. A. (Yekaterinburg)* Effects of doctrinal disputes about family
law as a branch of law64
- Zykov S. V. (Novosibirsk)* On the assignment of domain names to objects
of intellectual property rights72

LABOUR AND SOCIAL LAW

- Ivanchina Yu. V. (Yekaterinburg)* The economy influence on the evolution
and the current state of the labour law functions79

PROCURACY SUPERVISION

- Cherepanov M. M., Pugachev A. V. (Yekaterinburg)* The principle of non-interference
of public prosecutor's offices in operative-economic activity of supervised subjects91
- Domchenko A. S. (Chelyabinsk)* Problematic issues of the Russian prosecutor's office
supervision over the legality of normative legal acts of bodies of executive power105

LEGAL ASPECTS OF ECOLOGY

- Tikhonenko V. V., Vislinskiy M. D. (Yekaterinburg)* The comparative analysis
of methodical approaches and economic efficiency of the state assessment
results concerning populated lands, located under the industrial facilities, for taxation purposes
(by the example of JSC «Uralelectromed»)117
- Ivashhuk I. S. (Moscow)* Perspectives of the improvement of agricultural lands
protection through the development of mechanisms of legal regulation of land use126

PROBLEM LECTURES

- Malinova I. P. (Yekaterinburg)* History and philosophy of science (the end)133

MUSEUM OF HISTORY OF SLI - USLA – USLU

- Nasibullin R. A. (Yekaterinburg)* Gregory Baev – director and head of the department
of theory and history of state and law of the Sverdlovsk Law Institute144
- The students' research project «The SLI – USLA – USLU Book of Memory»:
an idea, implementation, prospects160

**НАДНАЦИОНАЛЬНОСТЬ, СУВЕРЕНИТЕТ И КОНВЕРГЕНЦИЯ:
СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ****Безбородов Юрий Сергеевич**

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного
и европейского права Уральского государственного
юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: Yuriy.bezborodov@gmail.com

Анализируются как сами правовые категории «наднациональность» и «суверенитет», так и их соотношение. Названы основные подходы, существующие в отечественной и зарубежной доктрине международного права относительно наднациональности и суверенитета. Рассмотрены их взаимосвязь и влияние друг на друга, обозначены перспективы их эволюции относительно процессов международно-правовой конвергенции.

Ключевые слова: наднациональность, конвергенция, суверенитет

**SUPRANATIONALITY, SOVEREIGNTY AND CONVERGENCE:
THE RATIO OF LEGAL CATEGORIES****Bezborodov Yuriy**

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: Yuriy.bezborodov@gmail.com

The legal categories «supranationality» and «sovereignty» and their relationship are analyzed, as well as the basic approaches that exist in the domestic and foreign doctrine of international law concerning the sovereignty and supranationality. Their relationship to and influence on each other are considered and their perspectives on the processes of evolution of the international legal convergence are marked.

Key words: supranationality, sovereignty, convergence

Рассматривая конвергенционные процессы в международно-правовом ключе, сталкиваясь с необходимостью отдельного анализа таких базовых категорий, как наднациональность и суверенитет, которые непосредственно влияют на все международно-правовые процессы, связанные с универсализацией и конвергенцией.

Термин «наднациональность»¹ является предметом оживленных дискуссий в современной правовой науке², какого-либо единого подхода к его пониманию до сих пор не выработано. Для целей настоящего исследования предлагаем считать термины «наднациональность» и «надгосударственность» синонимами.

Существует мнение, что термин «наднациональность» появился как концентрированное выражение федералистских устремлений «отцов» западноевропейской интеграции – Жана Моне и Робера Шумана. «В основу построения и функционирования право-

¹ В отечественной литературе для описания рассматриваемого явления используются как термин «наднациональность», так и понятие «надгосударственность». Несмотря на широкое распространение в русскоязычной литературе первого, следует отдать предпочтение второму, поскольку он выступает более корректным переводом французского «supranationalité», английского «supranational», немецкого «überstaatlich» и точнее передает суть явления.

² Данное явление исследовали В. А. Василенко, Дж. Кунц, Г. И. Тункин, М. А. Королев, В. И. Муравьев, Е. А. Шибаева, И. И. Лукашук, Ю. М. Колосов, Т. Н. Нешатаева и др.

вого механизма ЕСУС была положена идея, согласно которой риск развязывания новой войны между странами Западной Европы будет существенно снижен, если институтам экономического сообщества передать значительные полномочия по управлению угольной и сталелитейной промышленностью»¹.

Юридическое закрепление термин «наднациональный» получил в ст. 9 Договора о создании Европейского сообщества по углю и стали 1951 г.: «Члены Верховного органа полностью независимы при осуществлении своих функций в общих интересах объединения. Выполняя свои обязанности, они не обращаются за инструкциями и не руководствуются указаниями какого-либо правительства или органа. Они воздерживаются от любых действий, не совместимых с наднациональным характером их функций»². Таким образом, в Договоре об учреждении ЕСУС под наднациональностью понималась независимость членов Верховного органа от указаний или воздействий государств-членов. Однако юридического определения понятия «наднациональность» Парижский договор не содержал. Кроме того, после вступления в силу в 1967 г. изменений в Договор об учреждении ЕСУС ст. 9 была отменена, в результате чего термин «наднациональный» был изъят из коммунитарного права.

После исключения термина «наднациональность» из Договора рассматриваемое явление, тем не менее, не исчезло. Его стали выводить на основе толкования учредительных договоров и иных правовых актов ЕС, а также исходя из практики ряда ключевых органов Сообществ, прежде всего Комиссии и Суда ЕС.

В доктринальном плане впервые термин «наднациональность» был упомянут еще в учебнике «Введение в право Европейского союза» Дж. Шоу, ссылающемся на труд М. Вольфа «Мировое правительство» 1916 г., «в котором указано, что существование наднациональных организаций не ограничивает приоритетную и принципиальную роль государств в мировой политической системе»³.

Вот несколько мнений относительно наднациональности:

1) Дж. Кунц и Г. Шермерс еще в начале 50-х гг. определяющим в наднациональности считали передачу государствами-членами части своих суверенных полномочий международной организации и наделение ее соответствующей компетенцией по их реализации. По их словам, международное право в целом должно быть наднациональным. Оно не может быть правом между, а только над государствами⁴. Дж. Кунц и Г. Шермерс называли наднациональными некоторые международные организации системы ООН: Международную организацию гражданской авиации, Международную метеорологическую организацию, Всемирный почтовый союз и др.⁵;

2) М. А. Королев утверждает, что наднациональность возникает тогда, когда образование получает возможность обязывать своими действиями свои государства-члены, не заручаясь их согласием на это в каждом отдельном случае, т. е. приобретает по отношению к ним определенный объем самостоятельных распорядительных полномочий⁶;

3) Е. А. Шибаева полагает, что вопрос о наднациональности в международном праве – это вопрос о соотношении суверенитета государств-членов с полномочиями созданного ими внутриорганизационного механизма. Вступление государств в какую-либо между-

¹ Шпакович О. Н. Наднациональность в праве международных организаций // Вестн. междунар. организаций. 2012. № 2. С. 135.

² URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:11951K/TXT:EN:NOT>.

³ Цит. по: Шпакович О. Н. Указ. соч. С. 134.

⁴ Толстухин А. Э. О наднациональном характере Европейского Союза // Московский журн. междунар. права. 1997. № 4. С. 4.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Королев М. А. Наднациональность с точки зрения международного права // Московский журн. междунар. права. 1997. № 2. С. 5.

народную организацию влечет за собой добровольную передачу ими данной организации своих суверенных прав. Делегирование прав и полномочий государства органам международной организации является сутью института наднациональности¹;

4) по мнению О. Ю. Водяникова, наднациональность – это «характеристика автономной правовой системы объединения государств, которая инкорпорирует в качестве подсистем системы национального права таких государств, выступая одновременно как их составляющая. То есть если рассматривать такую автономную систему с точки зрения национального права государств объединения, то наднациональность проявляется в автономии отдельных структурных частей такого права, которые, не теряя операционной связи с таким правом, развиваются автономно и гармонизированы с подобными частями других государств объединения»²;

5) А. С. Фещенко понимает под наднациональностью совокупность полномочий, которыми государства наделяют определенный международный орган для целенаправленного регулирования их взаимоотношений, причем эти полномочия имеют приоритетный характер по отношению к соответствующей компетенции государств-членов, включая возможность принятия обязательных для них решений³;

6) Л. Фалалеева полагает, что наднациональность – это фундаментальный признак интеграционного объединения государств, имеющего собственную автономную правовую систему, созданную путем передачи государствами-членами ряда своих суверенных прав в пользу объединения. Эти права осуществляются институциональными органами, принимающими обязательные для государств-членов решения, подавляющее большинство которых оказывает прямое действие на их внутренний правовой порядок⁴;

7) Л. Л. Грицаенко считает, что целесообразнее говорить о наличии в межправительственных организациях наднационального элемента, а не о наднациональности самих межправительственных организаций. Причем в случае с Европейским союзом наднациональность заключается в отказе государств-членов в определенных сферах от части своих суверенных прав в пользу институтов этого интеграционного объединения. Наднациональный уровень власти выше государственного, наднациональное объединение не зависит от государств-участников, его волеизъявление имеет прямое действие на их территории⁵;

8) французские юристы П. Ретер и И. Комбако утверждают, что главным элементом наднациональности является способ принятия решений именно в органах международных организаций. Принятие решений большинством голосов, полагают они, позволяет говорить о наднациональном характере международного органа⁶;

9) П. Пескаторе для определения наднациональности предлагает несколько критериев: признание общности интересов, существование эффективной власти, ее автономный характер⁷;

10) К. Фон отмечает, что наднациональная организация должна иметь следующие признаки: институты организации формируются из международных чиновников, не

¹ Шибачева Е. А. К вопросу о наднациональном характере универсальных международных организаций // Сов. журн. междунар. права. 1992. № 4. С. 45.

² Водяников О. Ю. Наднациональность в европейском праве // URL: <http://iir-mp.narod.ru/subjects/eu/superstate.htm>.

³ Фещенко А. С. Наднациональность в деятельности международных организаций // Сов. ежегодник междунар. права. 1987. М., 1988. С. 170.

⁴ Шпакович О. Н. Указ. соч. С. 138.

⁵ Грицаенко Л. Л. Институційний механізм Європейського Союзу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2010.

⁶ Смирнова К. В. Джерела права Європейського Союзу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2005.

⁷ Там же.

имеющих императивных мандатов от своих правительств; решения в них принимаются большинством голосов; акты, которые принимает организация, имеют прямое действие на территории государств-членов¹;

11) по мнению А. Н. Талалаева, наднациональность основана на ряде признаков: право органа организации обязывать своих членов без их согласия и против их согласия, путем принятия обязательных решений большинством голосов; право своими решениями обязывать и уполномочивать физических или юридические лица или государственные органы государств-членов непосредственно, без трансформации этих решений в национальное право государств; право наделять непредставительские органы, т. е. органы, состоящие из независимых от государств международных чиновников, полномочиями принимать решения в соответствии с первым и вторым пунктами; право органа и организации на вмешательство в важные вопросы, связанные с внутренней компетенцией государств².

Отсутствие единства научных взглядов обусловлено, с одной стороны, неоднозначностью трактовки термина «наднациональность» в тех немногих документах, где он применяется, а с другой – разницей методологических приемов, используемых при его изучении³. Одни воспринимают наднациональность как принцип международного права, другие – как правовое явление, которое постоянно эволюционирует, способствуя дальнейшему развитию интеграционных процессов и правовой конвергенции.

Если обобщить основные научные подходы, сформировавшиеся в настоящее время и обосновывающие наднациональность, то получим, что наднациональность представляется⁴:

как идеальная система проведения переговоров между нациями, осуществляемых в пределах соответствующих органов, благодаря которым государства получают контроль над процессами принятия решений (Ф. Шариф);

как система перекладывания ответственности и рисков с национальных органов на наднациональные (Дж. Маджоне, М. МакЛарен, К. Х. Ладор);

как направленность национальной политики на формирование межгосударственного единства, а не ограничение национального государства (И. Вейлер, А. Сомек);

как верховенство над правовой системой государства, являющееся исключением из общего состояния национально-правового регулирования отношений, поскольку выступает лишь средством преодоления кризисов, с которыми сталкиваются государства (К. Шмитт, М. Хардт, А. Негри);

как форма интеграции, международной по своей природе, при которой каждое государство за счет внешней политики стремится достичь как можно большей выгоды и власти (Ю. Тихомиров, И. Вейлер, Ф. Майер).

Надо отметить, что только последние два подхода рассматривают наднациональность в международно-правовом ключе, как того требует ее природа.

В настоящее время наиболее полно концепция наднациональности реализовалась в рамках европейской интеграции. В. А. Василенко применительно к Европейским сообществам выделяет следующие признаки наднациональности: 1) владение органами сообществ исключительной компетенцией в областях, определенных в учредительных актах и ранее относившихся к суверенной прерогативе государств-членов; 2) правоспособность главного представительного органа сообществ, в котором государства-члены

¹ Смирнова К. В. Указ. соч.

² Талалаев А. Н. Право международных договоров. Договоры с участием международных организаций. М., 1989.

³ Неешатаева Т. Н. Международные организации и право. М., 1999. С. 67–73.

⁴ Кулеба Д. І. Принцип наднаціональності у міжнародному праві. Київ, 2011.

имеют неравное количество голосов, расширять их компетенцию; 3) право органов сообществ, действующих в рамках своей компетенции, обязывать своих членов без их согласия и против их согласия путем принятия обязательных постановлений большинством голосов; 4) право органов сообществ, действующих в рамках своей компетенции, заключать с третьими государствами от имени сообществ договоры, которые обязательны для государств-членов; 5) право органов сообществ, действующих в рамках своей компетенции, обязывать и уполномочивать своими постановлениями и международными договорами физических и юридические лица или органы государств-членов непосредственно без трансформации этих постановлений и международных договоров в национальные правовые порядки; 6) наделение непредставительских органов сообществ, т. е. органов, состоящих из международных чиновников, полномочиями принимать обязательные для государств-членов постановления, касающиеся вопросов и действий¹.

Если же абстрагироваться от европейского опыта и взглянуть на наднациональность в универсальном аспекте, то среди ее черт можно выделить следующие: передача государствами части своих полномочий международной организации²; право организации вмешиваться в вопросы, относящиеся к внутренней компетенции государств; право организации создавать нормы прямого действия не только для государств-членов и органов организации, но и для физических и юридических лиц государств-членов.

Исходя из этого назовем элементы (признаки) наднациональности.

1. Верховенство. Наднациональная власть является иерархически более высокой по сравнению с государственной властью, что следует в первую очередь из примата права межгосударственного объединения над внутригосударственным правом.

Такое положение справедливо для права Европейского союза. Наднациональность предполагает сознательное ограничение государствами ряда своих прав и делегирование отдельных полномочий наднациональным организациям, чьи нормативные акты имеют большую юридическую силу, чем акты национального законодательства. Концепция верховенства права ЕС над национальным правом нашла наиболее полное выражение в решении по делу *Costa v. ENEL* 1964 г., где Суд Европейских сообществ сформулировал два важнейших заключения применительно к соотношению права ЕС и национального права государств-участников. Во-первых, последние сообщая и недвусмысленно передали часть своих суверенных прав созданному ими Сообществу и не вправе совершить обратное путем последующих односторонних действий, идущих вразрез с установленным в рамках ЕС правовым порядком. Во-вторых, никакое государство-участник не может ставить под сомнение статус права ЕС как системы, единообразно и в целом применимой в отношении Сообщества³. В развитие последнего из приведенных положений Суд ЕС в решении по делу *Internationale Handelsgesellschaft* 1970 г. особо подчеркнул, что «действительность того или иного акта Сообщества не может быть затронута, а его эффективное применение на территории государства-участника ЕС не может быть поставлено под угрозу в результате заявления о том, что данный акт противоречит основополагающим правам и свободам, закрепленным в национальной конституции, или же идет вразрез с принципами внутригосударственного устройства»⁴. Кроме того, в настоящее время имеет место признание этой доктрины государствами-членами, в том числе их высшими судебными инстанциями⁵.

¹ Василенко В. А. Основы теории международного права. Киев, 1988.

² Международное право: учеб. / под ред. Л. Н. Шестакова, А. Н. Талалаева, Е. А. Шибяевой. М., 1999. С. 112.

³ URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61964CJ0006>.

⁴ URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61970CJ0011>.

⁵ Капустин А. Я. Международно-правовые проблемы природы и действия права Европейского Союза: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 41–42.

Относительно Содружества Независимых Государств ни о чем подобном не говорится ни в учредительных документах, ни в решениях судебных органов, ни в решениях высших судебных органов государств-участников СНГ. Скорее наоборот, в учредительных документах Содружества отрицается наднациональный характер СНГ. Такое положение сформулировано в категорической форме в Алма-Атинской декларации, где закреплено, что Содружество «не является ни государством, ни надгосударственным образованием»¹. В ст. 1 Устава СНГ это положение сформулировано схожим образом: «Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями»².

Данный вопрос урегулирован в разд. 6 Договора «О создании Союзного государства»: согласно ч. 2 ст. 60 Договора в случае коллизии нормы закона или декрета Союзного государства и нормы внутреннего закона государства-участника преимущественную силу имеет норма закона или декрета Союзного государства. Там же закреплено, что это положение не применяется к коллизии норм закона или декрета Союзного государства и норм, содержащихся в конституциях и конституционных актах государств-участников³. Подобные нормы содержатся в актах Союзного государства, регламентирующих деятельность его органов⁴.

2. Прямое действие. Правовые акты наднациональной международной организации должны иметь нормативную силу и прямое действие на территории государств-участников. Такое положение отражено в учредительных договорах и судебных прецедентах Европейского союза. В решении от 13 июля 1972 г. по делу о произведениях искусства, обладающих исторической ценностью, Суд ЕС среди прочего указал, что «предоставление Сообществу прав и полномочий со стороны государств-членов в соответствии с положениями Договора о ЕЭС влечет за собой не подлежащее пересмотру ограничение их суверенных прав, которое не может быть юридически оспорено никакими ссылками на нормы внутреннего права, какой бы ни была их природа»⁵.

Когда возникает конфликт нормы права ЕС с нормой национального права, предшествующей ей по времени, Суд рассматривает последнюю как неприменимую. Например, в решении по делу *Walt v. Wilhelm* от 13 февраля 1969 г. Суд указал: «В силу принципа верховенства права ЕС положения договоров и акты институтов Сообществ, имеющие прямое действие, делают неприменимым всякое противоречащее им положение существующего национального права»⁶. Анализ решений позволяет сделать вывод, что право ЕС обладает прямым действием на территории государств-членов, причем это касается как учредительных договоров, так и актов органов ЕС, т. е. его субъектами непосредственно являются помимо государств физические и юридические лица.

Практики судебных органов СНГ по данному вопросу нет, поскольку не существует судебных органов с надлежащей компетенцией. Этот вопрос не был поставлен на повестку дня Экономического суда в рамках предоставления консультационного заключения, не решен он и в учредительных документах. Вывод о том, что акты СНГ не имеют прямого действия на территории государств-участников, вытекает из положения о подчиненном характере права Содружества и подкрепляется тем, что даже в рамках углубленной экономической интеграции, для которой было учреждено Евразийское эко-

¹ Алма-Атинская декларация (Алма-Ата, 21 декабря 1991 г.) // Рос. газ. 1991. 24 дек.

² URL: <http://cis.minsk.by/page.php?id=180>.

³ URL: <http://rg.ru/2008/05/26/dogovor-dok.html>.

⁴ О Статуте и Регламенте Высшего Государственного Совета Союзного государства: постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 27 июня 2000 г. № 7 // Сб. нормат. правовых документов Союзного государства за 2000 г.; О Положении о Совете Министров Союзного государства: постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 27 июня 2000 г. № 12 // Там же.

⁵ CJCE. 13.07.72. Commission des CE // Republique Italienne, aff. 48–71. Rec. 1972. P. 534.

⁶ URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61968CJ0014>.

номическое сообщество, решения органов ЕврАзЭС исполняются Договаривающимися Сторонами путем принятия необходимых национальных нормативных правовых актов в соответствии с национальным законодательством¹.

В отличие от учредительных актов СНГ, ст. 60 Договора о создании Союзного государства России и Белоруссии четко закрепляет, что законы и декреты, принимаемые органами Союзного государства, предназначены для общего применения, обязательны во всех частях и после их официального опубликования подлежат прямому применению на территории каждого государства-участника. Постановления также обязательны во всех своих частях для того государства, физического или юридического лица, которому они адресованы.

3. **Независимость.** Наднациональные полномочия международной организации предполагают независимость от воли государств-членов организации. В Договоре о создании Европейского сообщества по углю и стали было зафиксировано: «Члены Верховного органа полностью независимы при осуществлении своих функций в общих интересах объединения. Выполняя свои обязанности, они не обращаются за инструкциями и не руководствуются указаниями какого-либо правительства или органа. Они воздерживаются от любых действий, не совместимых с наднациональным характером их функций. Каждое государство-член обязуется уважать наднациональный характер деятельности членов Верховного органа и не будет предпринимать попыток влиять на них при выполнении ими задач»². Подобные полномочия в настоящее время предоставлены Комиссии и Парламенту Европейского союза, члены которых представляют прежде всего интересы Союза и его граждан в целом.

Согласно Уставу СНГ органы Содружества формируются исключительно посредством органов и должностных лиц государств-участников, народы членов СНГ не принимают участия в этих процедурах.

Договор «О создании Союзного государства» предполагает данный элемент наднациональности, закрепляя в ст. 39, что Палата представителей Парламента Союзного государства формируется из депутатов, избираемых на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании.

Итак, наднациональность – это качество определенных международно-правовых норм, возникшее под воздействием процессов глобализации и заключающееся в наделении государствами других субъектов международного права способностью создавать нормы права, характеризующиеся не только общеобязательностью для самих государств, но и верховенством и прямым действием в отношении субъектов, находящихся под юрисдикцией государств. В этом смысле наднациональность можно назвать особой разновидностью (методом) международно-правового регулирования общественных отношений. Кроме того, в данном исследовании мы говорим о наднациональности как разновидности организационных форм сотрудничества государств, потому что она признается прежде всего свойством международных организаций. Однако есть и другие формы наднациональности: неинституциональные и национальные³.

¹ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (Астана, 10 октября 2000 г.) // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 632.

² Цит. по: Муравьев В. И. Буржуазная юридическая наука о наднациональном характере права Европейских сообществ // Международные отношения и международное право: Вестн. КГУ. 1979. Вып. 8. С. 86. Можно утверждать, что именно в этом Договоре под наднациональностью понималась независимость членов Верховного органа от указаний или воздействий государств-членов.

³ Национальная наднациональность предполагает верховенство юрисдикции одного государства над другим. Неинституциональная наднациональность подразумевает принятие сторонами обязательств для осуществления ими своей компетенции в рамках международного договора без создания органов или орга-

В доктринальном плане спорен и интересен вопрос о том, ведет ли наднациональность к ограничению государственного суверенитета или же она выступает объективным следствием трансформации концепта «суверенитет» под воздействием процессов глобализации. На международно-правовую конвергенцию существенно влияют все эти явления: и наднациональность, и суверенитет, и глобализация. Если наднациональность ускоряет процессы конвергенции, то суверенитет затормаживает их. «Вопрос об определении границ государственного суверенитета является наиболее дискуссионным в эпоху глобализации, тем более что в науке существует взгляд, согласно которому передача компетенции международной организации – это не ограничение суверенитета, а наоборот – одно из его проявлений. Будучи по природе государственно-правовой категорией, суверенитет одновременно является основным политико-юридическим свойством государства как субъекта международного права»¹. На самом деле между наднациональностью и суверенитетом нет противоречий, ведь наднациональность – порождение суверенитета: государства добровольно отдают часть своих полномочий международной организации и становятся членами такой организации, создаваемой на основе договора². Введение в структуру международной организации и ее правопорядка отдельных наднациональных элементов не обязательно ведет к ограничению суверенитета государств-членов этих организаций, обеспечивая, тем не менее, определенный рост эффективности функционирования организации. Наднациональный характер организации означает не потерю государствами-членами своего суверенитета, а лишь передачу своих полномочий совместно созданной международной организации.

Ряд авторов полагают, что распространение интеграционных процессов требует новому поставить вопрос о государственном суверенитете, который значительно «размылся» за последнее время и даже исчерпал себя³. Излишняя сконцентрированность государств на собственном суверенитете зачастую мешает оперативно реагировать на проблемы мирового масштаба (терроризм, экологические угрозы). В таких сложных глобальных вопросах наднациональное регулирование позволило бы добиться больших успехов.

Бессмысленно подвергать сомнению высказывание И. Д. Левина о том, что «международное право есть не формально-логическое отрицание суверенитета, а напротив, его универсализация, его возведение в общий принцип, регулирующий отношения между независимыми государствами. Принцип суверенитета есть не отрицание международного права, а выявление специфического характера этого права как права международного, в отличие от права национального»⁴.

Передача государством своих полномочий (прав) международной организации – основной вопрос всей теории наднациональности. Ответ на него зависит лишь от того, какой философии придерживается исследователь или иной субъект толкования. Страх перед положительным ответом на этот вопрос в начале XXI в. обусловлен опасением обосновать таким образом правомерность потери государством суверенитета. Однако передача полномочий государством является реализацией его суверенитета и международной правосубъектности, а не отказом от них⁵. Совершенно правильна и формулировка о договорной основе передачи полномочий. Ведь, как утверждает В. А. Василен-

низаций с наднациональными полномочиями. Некоторые авторы считают Европейскую ассоциацию свободной торговли примером неинституциональной наднациональности.

¹ Мецзякова О. М. Наднациональность в праве Европейского союза и проблема суверенитета: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

² Там же.

³ См., например: Явич Л. С. О философии права на XXI век. М., 2000. С. 12.

⁴ Левин И. Д. Суверенитет. М., 2000. С. 113.

⁵ Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000.

ко, «государство, заключая договор, не ограничивает своего суверенитета или свободы, а наоборот, реализует их, поскольку действует в собственных интересах»¹.

Членство в международной организации, в частности в Европейском союзе, подразумевает и нередко влечет за собой необходимость внесения изменений в конституцию той или иной страны накануне ратификации международного договора, который предусматривает передачу полномочий государства в пользу организации. Такие изменения вносят не для закрепления возможности передачи, а ради участия в международной организации или устранения противоречий между конституцией и соответствующим международным договором. Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) является примером данной модели. Опыт функционирования ЕАСТ показывает, что успешная интеграция не обязательно связана с формированием наднациональных органов.

Особенность наднациональности состоит в праве международной организации вмешиваться во внутреннюю компетенцию государства. В связи с этим необходимо упомянуть, что принцип невмешательства во внутренние дела тесно связан с принципом суверенного равенства государств. Содержание принципа невмешательства во внутренние дела означает запрет государствам и международным организациям вмешиваться во внутренние дела государств и народов в любых формах: вооруженным, экономическим, дипломатическим путем, посредством шпионской или диверсантской деятельности, открыто или косвенно со стороны одного государства, нескольких государств или под прикрытием международной организации. Так, согласно п. 7 ст. 2 Устава ООН Организация не имеет права «на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства»².

Таким образом, концепция невмешательства не означает, что государства могут произвольно относить к своей внутренней компетенции любые вопросы. Международные обязательства государства, в том числе обязательства по Уставу ООН, – критерий, позволяющий правильно подходить к решению этого вопроса.

Следует подробнее остановиться на таком до конца не исследованном концепте, как «суверенитет», природа которого не полностью изучена и не закреплена ни в международном, ни в национальном (российском) праве. О. М. Мещерякова считает (и с ней трудно не согласиться), что суверенитет – свойство, предполагающее территориальное верховенство и независимость государства на международной арене³. Территориальное верховенство означает, что государство полновластно в пределах своей территории, поскольку над государством нет более высокой, подчиняющей его себе власти, и характеризует также свойство государственной власти, действующей от лица государства, обязывая тем самым государство как таковое. Независимость государства в международных отношениях может быть ограничена обязательствами, добровольно взятыми на себя в договорах. Поэтому можно сделать вывод, что международные обязательства и нормы наднациональных органов государств ограничивают их суверенитет. Но это неверное утверждение, основанное на «размытости» категорий «суверенитет» и «наднациональность».

¹ Василенко В. А. Указ. соч.

² URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html>. Однако следует иметь в виду, что некоторые события, происходящие в пределах того или иного государства, могут квалифицироваться, например Советом Безопасности ООН, как не относящиеся исключительно к внутренней компетенции государства. Так, если Совет Безопасности ООН констатирует, что они угрожают международному миру и безопасности, то такие события перестают считаться внутренним делом данного государства, действия ООН в отношении этих событий не будут вмешательством во внутренние дела государства.

³ Мещерякова О. М. Наднациональность в функционировании институтов Европейского Союза в контексте Лиссабонского договора // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 6.

М. А. Королев считает, что «сущностную сторону понятия „суверенитет“ следует отличать от того объема суверенных прав, которыми обладает государство»¹. По его мнению, суверенитет – это совокупность прерогатив, поэтому сам суверенитет не ограничивается, ограничиваются лишь прерогативы. Значит, здесь разногласия касаются вопроса не об ограничении государственного суверенитета, а о его определении.

А. А. Моисеев исходит из того, что «суверенитет» и «государственная власть» – это различные понятия. Он утверждает: «Ограничение свободы действий государства, вытекающее из его международно-правовых обязательств, представляет собой не ограничение государственного суверенитета, а ограничение правоспособности государства, т. е. ограничение в осуществлении определенных прав. А рамки реализации государственных прав обусловлены прежде всего взаимной заинтересованностью государств уважать суверенитет и права других государств»². А. А. Моисеев также придерживается точки зрения, что «власть государства и его международная правоспособность в отличие от суверенитета и международной правосубъектности первичного субъекта международного права носят относительный характер и имеют границы реализации, обусловленные внутренним законодательством и международным правом». Таким образом, если исходить из того, что государственная власть и государственный суверенитет – это различные категории, то с выводами А. А. Моисеева трудно не согласиться. Ведь государства действительно являются первичными субъектами международного права и от передачи компетенций они не утрачивают суверенитет. Они всегда могут проявить суверенную волю, «забрав» назад свои компетенции. Государственный суверенитет А. А. Моисеев определяет так: «Суверенитет (государственный) – это неотчуждаемое юридическое качество независимого государства, символизирующее его политико-правовую самостоятельность, высшую ответственность и ценность как субъекта международного права; необходимое для исключительного верховенства государственной власти и предполагающее неподчинение власти другого государства; возникающее или исчезающее в силу добровольного изменения статуса независимого государства как цельного социального организма; обусловленное правовым равенством независимых государств и лежащее в основе современного международного права»³.

Свобода действий государства в международных отношениях, будучи одним из признаков суверенитета, на самом деле не беспредельна, а ограничивается свободой других государств. Это свобода совершения лишь действий, не нарушающих суверенитет (территориальное верховенство и независимость в международных отношениях) других государств. Только так может пониматься суверенитет. Система государств, каждому из которых присуще свойство суверенности, существует параллельно с международным правом, создаваемым самими государствами в процессе их международного общения для решения тех проблем, которые отдельно взятое государство не может решить в одиночку. Поскольку есть система государств, суверенитет может пониматься лишь как свойство каждого из них.

Государственная власть не может быть автономной, так как государства, а не их органы, признаются субъектами международного права. За действия или бездействие государственных органов ответственность несет государство. Поэтому международное право не может отрицать государственный суверенитет, но определенные ограничения государственного суверенитета – следствие того, что государства создают международное

¹ Королев М. А. Указ. соч. С. 5.

² Моисеев А. А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 19.

³ Там же. С. 8.

право, формируя тем самым международно-правовые рамки для проявления своих суверенных прав.

Итак, международное право создается суверенными государствами, которые, проявляя суверенную волю в достижении определенных целей и задач, а также в целях упорядочения международных отношений, ограничивают свой суверенитет. В международном праве выражены объединенные усилия государств (основных его субъектов), направленные на обеспечение развития в рамках суверенной государственности.

В теоретическом плане в корреляции между наднациональностью и суверенитетом нет никаких противоречий и коллизий. Под воздействием конвергенционных процессов наднациональность проистекает из суверенитета, изменяя его природу, но пока не подменяет его. Хотя на европейском континенте правовая конвергенция в форме интеграции достигла более значительных результатов, чем где бы то ни было: произошло «размытие» не только государственных границ, но и государственного суверенитета – все в пользу новой наднациональной правовой системы. Европейское право (в Европе) практически слилось с конституционным¹. Поэтому есть веские основания полагать, что впоследствии эта тенденция – «размытия» и даже исчезновения суверенитета – распространится за пределы европейского региона и будет иметь универсальный характер.

Библиография

CJCE. 13.07.72. Commission des CE // Republique Italienne, aff. 48–71. Rec. 1972.

Flaminio Costa v. ENEL. Judgment of the Court of 15 July 1964 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61964CJ0006>.

Internationale Handelsgesellschaft mbH v. Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel. Judgment of the Court of 17 December 1970 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61970CJ0011>.

Walt Wilhelm and others v. Bundeskartellamt. Judgment of the Court of 13 February 1969 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61968CJ0014>.

Алма-Атинская декларация (Алма-Ата, 21 декабря 1991 г.) // Рос. газ. 1991. 24 дек.

Василенко В. А. Основы теории международного права. Киев, 1988.

Водяников О. Ю. Наднациональность в европейском праве // URL: <http://iir-mp.narod.ru/subjects/eu/superstate.htm>.

Грицаєнко Л. Л. Інституційний механізм Європейського Союзу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2010.

Договор о создании Европейского сообщества по углю и стали 1951 г. // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:11951K/TXT:EN:NOT>.

Договор о создании Союзного государства // URL: <http://rg.ru/2008/05/26/dogovor-dok.html>.

Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (Астана, 10 октября 2000 г.) // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 632.

Европейское право: учеб. и практикум для академ. бакалавриата / под ред. А. И. Абдуллина, Ю. С. Безбородова. М., 2016.

Капустин А. Я. Международно-правовые проблемы природы и действия права Европейского Союза: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

Королев М. А. Наднациональность с точки зрения международного права // Московский журн. междунар. права. 1997. № 2.

Кулеба Д. І. Принцип наднаціональності у міжнародному праві. Київ, 2011.

Левин И. Д. Суверенитет. М., 2000.

Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000.

Международное право: учеб. / под ред. Л. Н. Шестакова, А. Н. Талалаева, Е. А. Шибяевой. М., 1999.

Мещерякова О. М. Наднациональность в праве Европейского союза и проблема суверенитета: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

¹ Подробнее см.: Европейское право: учеб. и практикум для академ. бакалавриата / под ред. А. И. Абдуллина, Ю. С. Безбородова. М., 2016.

Мещерякова О. М. Наднациональность в функционировании институтов Европейского Союза в контексте Лиссабонского договора // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 6.

Моисеев А. А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.

Муравьев В. И. Буржуазная юридическая наука о наднациональном характере права Европейских сообществ // Международные отношения и международное право: Вестн. КГУ. 1979. Вып. 8.

Нешатаяева Т. Н. Международные организации и право. М., 1999.

О Положении о Совете Министров Союзного государства: постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 27 июня 2000 г. № 12 // Сб. нормат. правовых документов Союзного государства за 2000 г.

О Статуте и Регламенте Высшего Государственного Совета Союзного государства: постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 27 июня 2000 г. № 7 // Сб. нормат. правовых документов Союзного государства за 2000 г.

Смирнова К. В. Джерела права Европейского Союза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2005.

Талалаев А. Н. Право международных договоров. Договоры с участием международных организаций. М., 1989.

Толстухин А. Э. О наднациональном характере Европейского Союза // Московский журн. междунар. права. 1997. № 4.

Устав ООН (глава 1) // URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html>.

Устав Содружества Независимых Государств // URL: <http://cis.minsk.by/page.php?id=180>.

Фещенко А. С. Наднациональность в деятельности международных организаций // Сов. ежегодник междунар. права. 1987. М., 1988.

Шибачева Е. А. К вопросу о наднациональном характере универсальных международных организаций // Сов. журн. междунар. права. 1992. № 4.

Шпакович О. Н. Наднациональность в праве международных организаций // Вестн. междунар. организаций. 2012. № 2.

Явич Л. С. О философии права на XXI век. М., 2000.

Bibliography

Alma-Atinskaya deklaraciya (Alma-Ata, 21 dekabrya 1991 g.) // Ros. gaz. 1991. 24 dek.

CJCE. 13.07.72. Commission des CE // Republique Italienne, aff. 48–71. Rec. 1972.

Dogovor o sozdanii Evropejskogo soobshhestva po uglu i stali 1951 g. // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:11951K/TXT:EN:NOT>.

Dogovor o sozdanii Soyuznogo gosudarstva // URL: <http://rg.ru/2008/05/26/dogovor-dok.html>.

Dogovor ob uchrezhdenii Evrazijskogo ehkonomicheskogo soobshhestva (Astana, 10 oktyabrya 2000 g.) // CZ RF. 2002. № 7. St. 632.

Evropejskoe pravo: ucheb. i praktikum dlya akadem. bakalavriata / pod red. A. I. Abdullina, Yu. S. Bezborodova. M., 2016.

Feshhenko A. S. Nadnacional'nost' v deyatel'nosti mezhdunarodnykh organizacij // Sov. ezhegodnik mezhdunar. prava. 1987. М., 1988.

Flaminio Costa v. ENEL. Judgment of the Court of 15 July 1964 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61964CJ0006>.

Gricaenko L. L. Institucijnij mexanizm Evropejs'kogo Soyuzu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kiiv, 2010.

Internationale Handelsgesellschaft mbH v. Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel. Judgment of the Court of 17 December 1970 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61970CJ0011>.

Kapustin A. Ya. Mezhdunarodno-pravovye problemy prirody i dejstviya prava Evropejskogo Soyuz: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. М., 2001.

Korolev M. A. Nadnacional'nost' s tochki zreniya mezhdunarodnogo prava // Moskovskij zhurn. mezhdunar. prava. 1997. № 2.

Kuleba D. I. Princip nadnacional'nosti u mizhnarodnomu pravi. Kiiv, 2011.

Levin I. D. Suverenitet. М., 2000.

Lukashuk I. I. Globalizaciya, gosudarstvo, pravo, XXI vek. М., 2000.

Meshheriyakova O. M. Nadnacional'nost' v funkcionirovanii institutov Evropejskogo Soyuz v kontekste Lissabonskogo dogovora // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. 2011. № 6.

Meshheryakova O. M. Nadnacional'nost' v prave Evropejskogo soyuza i problema suvereniteta: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2010.

Mezhdunarodnoe pravo: ucheb. / pod red. L. N. Shestakova, A. N. Talalaeva, E. A. Shibaevoy. M., 1999.

Moiseev A. A. Sootnoshenie suvereniteta i nadgosudarstvennosti v sovremennom mezhdunarodnom prave (v kontekste globalizacii): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2007.

Murav'ev V. I. Burzhuaznaya yuridicheskaya nauka o nadnacional'nom xaraktere prava Evropejskix soobshhestv // Mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo: Vestn. KGU. 1979. Vyp. 8.

Neshataeva T. N. Mezhdunarodnye organizacii i pravo. M., 1999.

O Polozhenii o Sovete Ministrov Soyuznogo gosudarstva: postanovlenie Vysshego Gosudarstvennogo Soveta Soyuznogo gosudarstva ot 27 iyunya 2000 g. № 12 // Sb. normat. pravovykh dokumentov Soyuznogo gosudarstva za 2000 g.

O Statute i Reglamente Vysshego Gosudarstvennogo Soveta Soyuznogo gosudarstva: postanovlenie Vysshego Gosudarstvennogo Soveta Soyuznogo gosudarstva ot 27 iyunya 2000 g. № 7 // Sb. normat. pravovykh dokumentov Soyuznogo gosudarstva za 2000 g.

Shibaeva E. A. K voprosu o nadnacional'nom xaraktere universal'nyx mezhdunarodnyx organizacij // Sov. zhurn. mezhdunar. prava. 1992. № 4.

Shpakovich O. N. Nadnacional'nost' v prave mezhdunarodnyx organizacij // Vestn. mezhdunar. organizacij. 2012. № 2.

Smirnova K. V. Dzherela prava Evropejs'kogo Soyuzu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kiev, 2005.

Talalaev A. N. Pravo mezhdunarodnyx dogovorov. Dogovory s uchastiem mezhdunarodnyx organizacij. M., 1989.

Tolstuxin A. Eh. O nadnacional'nom xaraktere Evropejskogo Soyuzu // Moskovskij zhurn. mezhdunar. prava. 1997. № 4.

Ustav OON (glava 1) // URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html>.

Ustav Sodruzhestva Nezavisimyx Gosudarstv // URL: <http://cis.minsk.by/page.php?id=180>.

Vasilenko V. A. Osnovy teorii mezhdunarodnogo prava. Kiev, 1988.

Vodyannikov O. Yu. Nadnacional'nost' v evropejskom prave // URL: <http://iir-mp.narod.ru/subjects/eu/superstate.htm>.

Walt Wilhelm and others v. Bundeskartellamt. Judgment of the Court of 13 February 1969 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61968CJ0014>.

Yavich L. S. O filosofii prava na XXI vek. M., 2000.

**ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 186¹
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ****Дерюгин Роман Александрович**

Адъюнкт кафедры криминалистики
Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург),
e-mail: athletics_93@mail.ru

Описан порядок проведения следственного действия, предусмотренного ст. 186¹ УПК РФ, рассмотрены некоторые дискуссионные вопросы, касающиеся получения сведений об абонентах и (или) абонентских устройствах. Кроме того, приведены точки зрения исследователей по поводу таких понятий, как «тактика», «технология» и «комплексность», применительно к рассматриваемому следственному действию. Автор подчеркивает необходимость углубленного изучения вопросов, касающихся тактики производства получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Констатируется целесообразность соблюдения определенной тактики при осуществлении следственного действия, предусмотренного ст. 186¹ УПК РФ.

Ключевые слова: сотовая связь, абонент, абонентское устройство, тактические особенности, технология, оператор связи

**TACTICAL FEATURES
OF THE INVESTIGATIVE ACTION
PROVIDED BY ART. 186¹
OF THE OF RF CRIMINAL PROCEDURE CODE****Deryugin Roman**

Ural Law Institute of the MIA of Russia (Yekaterinburg),
e-mail: athletics_93@mail.ru

The order of carrying out is outlined and also some debatable questions concerning obtaining information about subscribers and (or) subscriber devices are considered. Besides, points of view of researchers concerning such concepts as «tactics», «technology» and «complexity» in relation to the considered investigative action are given. The author emphasizes need of more profound studying of the questions concerning tactics of production of obtaining information on connections between subscribers and (or) subscriber devices. A conclusion about expediency of observance of certain tactics of the investigative action provided by art. 186¹ of RF Criminal Procedure Code is made.

Key words: cellular, subscriber, the subscriber device, tactical features, technology, telecommunications operator

В 2010 г. в Уголовно-процессуальный кодекс РФ была введена ст. 186¹, регламентирующая процедуру получения сведений о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Это следственное действие предоставляет возможность получить сведения о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами, номерах абонентов, другие данные, позволяющие идентифицировать абонентов, а также сведения о номерах и месте расположения приемо-

передающих базовых станций. Внесение в УПК РФ изменений было predetermined не только необходимостью совершенствования правоприменительной практики, но и высоким уровнем развития телекоммуникационных технологий, ростом количества пользователей сотовых сетей. Так, в 2015 г. зарегистрировано на 9 млн абонентов (активных SIM-карт) больше, чем в предыдущем году¹.

Активными пользователями сотовой связи являются представители всех социальных слоев, ведь использование мобильного телефона стало неотъемлемой частью современной жизни. Не исключение и преступная деятельность. Разнообразие доступных функций не могло не привлечь внимания преступников. С помощью мобильного телефона сегодня можно не только разговаривать, но и отправлять и получать SMS, MMS и EMS, выходить в Интернет и пр. Все это обуславливает необходимость разработки тактико-криминалистических рекомендаций по повышению эффективности получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Поэтому необходимо согласиться с А. А. Цыкорой, который утверждает, что отдельные положения ст. 186¹ УПК РФ сформулированы недостаточно четко, допускается двоякое толкование и возможность принятия в связи с этим правоприменителями спорных процессуальных и тактических решений. Однако пока законотворцы будут совершенствовать указанную норму, следователям необходимо результативно расследовать преступления с учетом нынешней ее редакции².

На практике возникают ситуации, когда совершаемое преступление напрямую связано с использованием сотового телефона. Так, мобильные устройства могут быть средствами организации и совершения преступления, сокрытия следов преступления, злоумышленники могут осуществлять мошеннические действия с использованием сотового телефона. По данным Генпрокуратуры РФ на сентябрь 2015 г. отмечен рост мошеннических действий и «мобильного мошенничества»³. Нередко мобильные устройства сами являются предметом посягательства, например при хищениях, часто мобильный телефон содержит значимые для уголовного дела сведения. В сложившихся ситуациях должно проводиться следственное действие, предусмотренное ст. 186¹ УПК РФ («Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами»).

Для наиболее эффективного использования данного следственного действия следователь должен придерживаться определенной тактики его проведения. Отдельные авторы считают, что к некоторым следственным действиям, в частности к предусмотренному ст. 186¹ УПК РФ, термин «тактика» неприменим. Так, Р. С. Белкин пишет, что «в условиях расследования о тактике в полном смысле следует говорить именно тогда, когда она служит средством преодоления оказываемого следователю противодействия»; при этом «технология – наиболее целесообразный и эффективный способ осуществления неких трудовых операций в должной последовательности, когда исполнителю не оказывается противодействие»⁴. Исходя из логики Р. С. Белкина, к получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами скорее применим термин «технология», нежели «тактика», так как при производстве данного следственного действия нет противодействия сторон. С ним солидарен О. Я. Баев, утверждающий, что «тактика как способ действий существует там и только там, где есть необходимость

¹ Тенденции российского рынка мобильной связи (Сотовые данные 2015) // URL: <http://acm-consulting.com>.

² Цыкора А. А. Некоторые проблемы производства следственного действия «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» // Известия Тульского гос. ун-та. 2013. № 3-2. С. 239.

³ URL: <http://lifenews.ru/news/160528>.

⁴ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 85.

предупреждать и (или) преодолевать непосредственное или опосредованное противодействие оптимальному достижению интересов в этих условиях субъекта»¹. Мы считаем получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами следственным действием, поэтому, на наш взгляд, необходимо оперировать термином «тактика», как и применительно ко всем остальным предусмотренным УПК РФ следственным действиям.

Согласно общим положениям криминалистической тактики для всех следственных действий характерна стадийность, т. е. необходимо соблюдение определенной последовательности при производстве следственного действия. По общему правилу в любом следственном действии выделяют три этапа (подготовительный, рабочий и заключительный). Следственное действие, предусмотренное ст. 186¹ УПК РФ, не исключение, однако поскольку оно является сложным, комплексным, то этапы необходимо делить на стадии.

Подготовительный этап получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами условно можно разделить на две стадии.

На первой изучаются материалы уголовного дела, устанавливаются известные данные об абоненте или абонентском номере, при этом особенно важно как можно больше знать о лице, чьи соединения будут проверяться. Необходимо определить цели и задачи данного следственного действия, а также решить, целесообразно ли вообще его проведение, спрогнозировать возможные результаты.

Действия второй стадии выполняются, когда становится известно о регистрации абонента у того или иного оператора связи. Выносится постановление о возбуждении перед судом ходатайства о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Следователь в постановлении указывает, какие именно сведения необходимы для уголовного дела (детализация вызовов, данные SIM-карты, геолокация устройства, идентификационный номер IMEI либо иные), с согласия руководителя следственного органа постановление направляется в суд. В случае принятия судом решения о необходимости получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами постановление и копия решения направляются в соответствующую организацию связи. Руководитель организации связи, куда они были направлены, обязан предоставить интересующую следователя информацию (ч. 3 ст. 186¹ УПК РФ).

На рабочем этапе осуществляется деятельность не только следователя, но и сотрудника организации мобильной связи. Данный этап можно представить в виде двух последовательных стадий.

1. После получения организацией связи от следователя постановления и копии судебного решения конкретный сотрудник в рамках своей компетенции и технических возможностей оборудования производит действия технического характера. Затем систематизирует и отправляет информацию следователю. Информация, поступающая от мобильного оператора, может быть зафиксирована на любом материальном носителе и предоставляется в печатанном виде с сопроводительным письмом, в котором указывается период времени и номера абонентов или абонентских устройств.

2. Следователь, получив сведения от оператора, выполняет ряд процессуальных действий, а также принимает некоторые тактические решения, касающиеся хода дальнейшего расследования. Полученный носитель следователь осматривает в присутствии понятых, а при необходимости с участием специалиста, тогда подробно описываются все технические действия, связанные с просмотром информации. Бывают случаи, когда информация имеет особое значение для следствия, тогда для фиксации хода следственного

¹ Баев О. Я. Основы криминалистики: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 196–197.

действия возможно применение специальных технических средств фиксации (фото- или видеосъемка). Результатом осмотра является протокол осмотра документов, в котором указывается наиболее значимая для уголовного дела, по мнению следователя, информация. Другие участники процессуального действия могут в этом же протоколе либо отдельно от него указать замечания. Протокол может быть составлен непосредственно после осмотра всего массива предоставленной информации либо по ходу ее изучения.

Необходимо отметить, что в УПК РФ осмотр предметов и документов назван одним из видов самостоятельного следственного действия (следственного осмотра). При производстве следственного действия, предусмотренного ст. 186¹ УПК РФ, осмотр документов выступает частью рабочего этапа, соответственно, составление протокола осмотра документов будет относиться не к заключительному, а к рабочему этапу. Это подтверждает комплексный характер рассматриваемого следственного действия.

На заключительном этапе следователь фиксирует сведения, полученные от оператора связи, и составляет постановление об их признании и приобщении к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. Данный процессуальный документ будет итоговым, завершающим рассматриваемое следственное действие. Изученные материалы приобщаются в полном объеме на основании постановления следователя и хранятся в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления с ними посторонних лиц и обеспечивающих их сохранность.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – комплексное следственное действие, так как все его этапы и стадии, будучи отдельными самостоятельными действиями, выполняются в рамках одного следственного действия, в определенном едином комплексе, неразрывно связаны друг с другом. В. Ю. Стельмах также указывает, что рассматриваемое следственное действие «является комплексным, представляя собой единый процессуальный комплекс, включающий в себя три самостоятельных действия (само получение информации, осмотр носителя с информацией и принятие решения о приобщении в качестве вещественного доказательства), которые должны производиться в обязательном порядке в последовательности, указанной в законе»¹.

Среди исследователей еще не сформировалось единой точки зрения о тактике проведения рассматриваемого следственного действия. Развитие программного обеспечения сотовых телефонов и повсеместное распространение мобильной связи, а также рост числа абонентов обуславливают необходимость контроля и получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Кроме того, сведения об абонентах могут сыграть существенную роль при оценке судом достоверности показаний фигурантов по делу, местонахождения похищенного имущества, установлении иных значимых фактических обстоятельств происшествий.

Библиография

Баев О. Я. Основы криминалистики: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.

Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.

Генпрокуратура подтвердила рост преступности в России в 2015 году // URL: <http://lifenews.ru/news/160528>.

Стельмах В. Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013.

Тенденции российского рынка мобильной связи (Сотовые данные 2015) // URL: <http://acm-consulting.com>.

¹ Стельмах В. Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 18.

Цыкора А. А. Некоторые проблемы производства следственного действия «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» // Известия Тульского гос. ун-та. 2013. № 3-2.

Bibliography

Baev O. Ya. Osnovy kriminalistiki: kurs lekcij. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2003.

Belkin R. S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossijskoj kriminalistiki. M., 2001.

Cykora A. A. Nekotorye problemy proizvodstva sledstvennogo dejstviya «Poluchenie informacii o soedineniyah mezhdubonentami i (ili) abonentskimi ustroystvami» // Izvestiya Tul'skogo gos. un-ta. 2013. № 3-2.

Genprokuratura podtverdila rost prestupnosti v Rossii v 2015 godu // URL: <http://lifenews.ru/news/160528>.

Stel'max V. Yu. Poluchenie informacii o soedineniyah mezhdubonentami i (ili) abonentskimi ustroystvami: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2013.

Tendencii rossijskogo rynka mobil'noj svyazi (Sotovyedannye 2015) // URL: <http://acm-consulting.com>.

ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Скоблик Константин Владимирович

Ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
аспирант Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск),
e-mail: 8923362@gmail.com

Обращение к философии, психологической теории решений и теории управления позволило иначе взглянуть на сущность уголовно-процессуального решения, традиционно понимаемую через форму (правоприменительный акт). На этой основе разработаны новые для процессуальной науки понятия прогностических и познавательных решений, определены их признаки. Проанализирован процесс принятия таких решений. Сделан вывод о том, что этот процесс основан на информационной модели и связанном с ней понятии ситуации неопределенности. Использование категорий вероятности и достоверности дало возможность показать различия в основаниях принятия решений. Проведенное исследование направлено на построение модели должной уголовно-процессуальной деятельности, исходя из которой возможны последовательные изменения УПК РФ и практики его применения.

Ключевые слова: сущность и форма решения в российском уголовном процессе, прогностическое и познавательное решения в российском уголовном процессе, информационная модель принятия решения, ситуация неопределенности

PROGNOSTIC AND COGNITIVE DECISIONS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Skoblik Konstantin

Siberian Federal University (Krasnoyarsk),
e-mail: 8923362@gmail.com

Law enforcement act is a traditional way of the criminal procedure decision (the criminal procedure decision form). The criminal procedure decision essence is newly studied with help of philosophy, psychological decision-making theory, management theory. Moreover, the new concepts of prognostic and cognitive decisions have been constructed, their features are defined. The decision-making process is also analyzed. It is based on information model and situation of uncertainty. Using the concepts of «probability» and «reliability» showed the different decision base of each decision. The aim of the research was to work out an optimal model for the subsequent change of the Russian criminal justice system.

Key words: essence and form of decision in the Russian criminal procedure, prognostic and cognitive decisions in the Russian criminal procedure, information model of decision-making, situation of uncertainty

Анализ уголовного процесса как деятельности позволяет не только рассмотреть его через понятия цели, субъекта, метода, способа и средства, но и подойти к использованию в нем уже разработанной управленцами и психологами теории принятия решений. Обращение к ней позволяет представить любую деятельность, в том числе деятельность по доказыванию обстоятельств ст. 73 УПК РФ, как систему действий по принятию решений и их последующей реализации.

Таким образом, в уголовном процессе могут быть выделены и дополнительно изучены процессы принятия уголовно-процессуальных решений и их реализации и сами при-

нятые и реализованные решения. Безусловно, отдельное исследование всего указанного возможно и необходимо для построения идеальной модели уголовно-процессуальной деятельности. Однако независимо от того, что именно изучается: вид уголовно-процессуального решения, процесс его принятия или процесс его реализации, – перечисленное связано с понятием уголовно-процессуального решения.

Стремясь определить последнее, мы заметили, что в рамках доктрины уголовно-процессуальные решения понимают в основном только как правоприменительные акты¹. Приоритет здесь отдается их форме², а не сущности³.

Так, уголовно-процессуальные решения определяют как «правовые акты, выраженные в установленной законом процессуальной форме...»⁴; «решение, принимаемое в досудебных стадиях... которое оформляется в виде законного, обоснованного и мотивированного постановления, а также обвинительного заключения (акта)...»⁵; «...ее (правоприменительной деятельности. – К. С.) результат, осуществляемый уполномоченными на то органами и облеченный в предусмотренную уголовным законом процессуальную форму»⁶.

Причина преобладания в указанных и других построенных сходным образом определений правовой формы над сущностью кроется, вероятно, в преимущественном использовании процессуалистами в этом вопросе дедуктивного метода исследования, состоящего только в применении родового понятия правоприменительного акта, разработанного теорией права, к видовому по отношению к нему понятию уголовно-процессуального решения. Критикуя подобный подход, О. Я. Баев пишет: «...в ряде случаев под решением понимают не столь выбор как таковой, а форму, в которой этот результат выбора той или иной из возможных альтернатив выражается. Именно так обстоит дело, в частности, с решениями в сфере уголовного судопроизводства... Однако, думается, такой подход к определениям этого понятия неточен в целом... Далеко не все из них (уголовно-процессуальные решения. – К. С.) облакаются в форму правоприменительных, правовых актов в узком значении этого термина»⁷.

¹ Лупинская П. А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1972. С. 11. Ф. Н. Фаткуллин признавал приговор «...индивидуальным актом применения норм права, в котором по существу разрешается предъявленное обвинение...» (цит. по: Мартынич Е. Г. Основы формирования приговора в советском уголовном процессе. Кишинев, 1989. С. 20). См. также: Блинова-Сычкарь И. В., Миликова А. В. Понятие «принятие решения» в уголовном судопроизводстве // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2008. № 5. С. 110; Профатилова Н. В. Оценка следователем достаточности доказательств при принятии основных процессуальных решений по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 46–47; Костовская Н. В. Оценка доказательств при принятии процессуальных решений по уголовному делу судом первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 8.

² Ю. М. Грошевой понимал акт социалистического правосудия прежде всего как «...процессуальный документ, в котором суд от имени государства в установленной законом процессуальной форме осуществляет задачи социалистического правосудия...» (Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 106).

³ Под ней мы понимаем «совокупность глубинных связей, отношений и внутренних законов, определяющих основные черты и тенденции развития материальной системы» и не только (Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1991. С. 444).

⁴ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

⁵ Профатилова Н. В. Указ. соч. С. 46–47. Приведенное определение несколько некорректно, поскольку содержит ошибку круга: понятие уголовно-процессуального решения раскрывается через понятие «решение» без пояснения последнего (Гусев С. С., Караваев Э. Ф., Карпов Г. В. и др. Логика / под ред. А. И. Мигунова, И. Б. Микиртумова, Б. И. Федорова. М., 2010. С. 85).

⁶ Блинова-Сычкарь И. В., Миликова А. В. Указ. соч. С. 110.

⁷ Баев О. Я. Уголовно-процессуальные решения и решения в уголовном судопроизводстве // Вестн. Воронежского гос. ун-та. 2009. № 1. С. 330–332.

Процитированный автор – один из немногих¹, кто использует для конструирования понятия уголовно-процессуального решения, как и мы, знания из других областей, но при этом наш ход мыслей отличается. Т. А. Гумеров, А. О. Крюченкова, не демонстрируя то, каким образом из перечисляемых ими словарных и энциклопедических определений следует их определение решения, предлагают дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 36.2: «Решение – процесс выбора способа действия, в пределах своей компетенции, необходимого для достижения поставленной цели»². Уже упомянутый О. Я. Баев, сосредоточиваясь на анализе процесса принятия решений и их форме, после рассмотрения различных определений понятий «решение», «акт», «процессуальный акт» не выводит набор признаков уголовно-процессуального решения, а переходит к анализу специфики процесса его принятия в отличие от принятия решений в других областях человеческой практики (экономика, управление и т. д.)³.

А. Н. Чашин, как и Т. А. Гумеров и А. О. Крюченкова, не показывая процесса наполнения понятия «решение в уголовном судопроизводстве» содержанием, трактует его как «результат мыслительной деятельности субъекта уголовного процесса, приводящий к какому-либо процессуально-значимому выводу или процессуальным действиям»⁴. Это определение обнаруживает непонимание автором того, что вывод и есть результат мыслительной деятельности, а потому последний не может приводить к первому. Кроме того, подобной дефиницией решение отрывается от действия, поскольку допускается случай, когда оно как результат мыслительной деятельности приводит только к выводу, а не действию. Мы же выделяем в качестве одного из существенных признаков решения его связь именно с действием.

Показав недостатки работ, основанных на подходе, схожем с нашим, обратимся к разработке собственного родового понятия «решение в российском уголовном процессе» и к наполнению содержанием видовых по отношению к нему понятий прогностического и познавательного решения.

Анализ литературы по психологии и теории управления показал отсутствие единого мнения относительно термина «решение» и связанность его одновременно с несколькими понятиями.

Н. Н. Соколов говорит о множестве различных трактовок разбираемого понятия: «Решение – это результат мыслительной деятельности человека, приводящий к какому-либо выводу или к необходимым действиям, например полное бездействие, разработка какого-либо действия или выбор действия из набора альтернатив и его реализация. Решение – это: а) нахождение определенного варианта действий; б) сам процесс деятельности; в) ее конечный результат»⁵. В. С. Диев полагает: «Решение – процесс и результат выбора цели и способа ее достижения – является связующим звеном между познанием и тем или иным вариантом поведения, действия человека»⁶.

Исходя из того что решение независимо от его понимания – то, без чего невозможно действие, основа его совершения, полагаем первое определение Н. Н. Соколова и определение В. С. Диева довольно плодотворными, поскольку они подчеркивают связь решения с действием. Применительно к уголовному процессу – связь уголовно-процес-

¹ См. также: Гумеров Т. А., Крюченкова А. О. Решения следователя на досудебных стадиях // Вестн. экономики, права и социологии. 2014. № 1. С. 85–88.

² Там же. С. 87.

³ Баев О. Я. Указ. соч. С. 333.

⁴ Чашин А. Н. Доказывание и принятие решений в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. М., 2012. С. 7.

⁵ Соколов Н. Н. Разработка управленческих решений. Введение в курс лекций. М., 2012. С. 7.

⁶ Диев В. С. Проблема выбора и принятия решений в междисциплинарном контексте // Вестн. Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2. С. 42.

суального решения с процессуальным действием. Это первый существенный признак решения.

Следующий существенный признак – это связь решения с целями деятельности, которые определяют его назначение. Принятое решение, реализуясь через действие, либо начинает деятельность, либо продолжает, способствуя или нет достижению ее целей, либо завершает ее. В связи с этим важно утверждение Г. В. Сориной: «Определение цели деятельности, во-первых, является одной из важнейших задач процесса принятия решений, во-вторых, уже сформулированная, выделенная цель выступает в качестве ведущей основы для принятия последующих мотивированных решений и осуществления соответствующих действий субъекта»¹. Относительно российского уголовного процесса это означает, что его цели, достигаемые принятием и реализацией уголовно-процессуальных решений, задаются публичным началом и соответствующим этому началу назначением уголовно-процессуальной деятельности. Так, «...органы государственной власти должны установить картину прошлого в полном объеме, выявить и защитить законные интересы всех участвующих в уголовном процессе и на основе баланса интересов принять социально значимое решение»².

Безусловно, решение обладает множеством признаков, но, стремясь фиксировать только существенные из них, мы отмечаем способность решения устранять для лица, его принимающего, проблему³, обусловившую необходимость его принятия. В этом плане промежуточные и окончательные уголовно-процессуальные решения отвечают на вопрос, поставленный субъектом уголовного процесса с целью разрешения познавательной проблемы⁴.

Описав признаки решений в российском уголовном процессе (основа совершения процессуального действия, подчиненность целям деятельности, способность устранять проблемную ситуацию), разделим решения на прогностические и познавательные, используя критерий цели. И. Я. Фойницкий, рассуждая о познании прошлого и будущего, замечал: «Практическая истина имеет содержанием не общие законы, а отдельные факты и явления, ею удостоверяемые или отвергаемые. Эти факты и явления могут лежать или в прошедшем, или в будущем; в первом случае мы стремимся познать, произошли ли известное явление и группа явлений и как произошли, во втором мы предсказываем, что они произойдут или не произойдут в будущем»⁵. Таким образом, различия двух видов решений происходят из нацеленности познавательного процесса на познание прошлого, а прогностического – на предвосхищение будущего. Оговоримся, познавательная деятельность – основа как познавательного решения, так и прогностического, но в первом случае она завершена, во втором же познание не доводится до конца в силу объективных причин.

Познавательное уголовно-процессуальное решение (решение об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении уголовного дела или уголовного преследования, привлечении лица в качестве обвиняемого, составлении обвинительного заключения (обвинительного акта), постановлении приговора в части установления обстоятельств, подлежащих доказыванию⁶, и т. п.) фиксирует в силу ст. 73 УПК РФ знание о том, что было в прошлом.

¹ Сориная Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. М., 2005. С. 127.

² Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2009. С. 29.

³ О связи решения с проблемной ситуацией пишут и в теории управления. См., например: Магданов П. В. Управленческое решение: понятие и определение // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2011. № 8. С. 64.

⁴ О разрешении посредством принятия решения познавательных проблем, возникающих в деятельности ученого, см.: Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979. С. 424–425.

⁵ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 173.

⁶ Сделанное уточнение при отнесении приговора к познавательным решениям основано на мнении Лайош Надь: «Приговор по уголовному делу отчасти обращен в прошлое – решения по установлению фак-

В случае же с прогностическим решением знание о будущем не может быть получено и возможен лишь его прогноз. Эта ограниченность усложняет принятие решений об избрании меры пресечения¹, назначении конкретного вида и размера наказания. Для их принятия нужно хотя бы в самых общих чертах определять: 1) какая версия вероятнее всего отразит возможное будущее (например, предугадывается поведение подозреваемого, обвиняемого); 2) как соотносится это будущее с целями уголовно-процессуальной деятельности, способствует их достижению или нет (положительно, нейтрально или негативно скажется предугаданное поведение подозреваемого, обвиняемого на установлении обстоятельств ст. 73 УПК РФ); 3) что необходимо сделать, чтобы предвосхищенное негативно сказывающееся на доказывании будущее не стало действительностью, а способствующее ему стало ей (в частности, если предугаданное поведение подозреваемого, обвиняемого нежелательно, то каким образом его предотвратить, какая мера пресечения должна быть избрана).

Далее, процесс принятия как прогностических, так и познавательных решений основан на информационной модели и связанном с ней понятии ситуации неопределенности².

Т. В. Корнилова поясняет: «Осведомленность человека, принимающего решения, включает состоявшуюся ориентировку и на ситуационные факторы, и на собственные возможности. С состоянием ума связывает понятие неопределенности Стив Лонгфорд (Longford, 2001). Он придерживается следующего понимания: неопределенный – это неизвестный, не установленный, не заданный, находящийся под вопросом, не вызывающий уверенности. Повышение неопределенности может быть связано как с недостаточностью знаний (информации), так и с ее избыточностью»³.

У. Т. Моррис пишет: «На основе неявного, субъективного опыта и явных сведений, аккумулированных в „справочно-информационном фонде фирмы“, в уме руководителя формируется первая концепция будущего решения... Первоначальная концепция может отличаться ясностью и отсутствием значительной неопределенности в случаях, когда проблема выбора шаблонна или хорошо известна... Но первоначальная концепция может быть и неясной, вызывать сомнения, страдать от недостатка информации – короче, она может характеризоваться высокой степенью неопределенности»⁴. Из процитированного следует зависимость, согласно которой увеличение количества относимой и достоверной информации, но не до уровня ее переизбытка, уменьшает состояние неопределенности⁵.

тических обстоятельств дела реконструируют совершившиеся события... Часть приговора, в которой назначается наказание, *обращена в будущее*, она устанавливает уголовную санкцию с учетом ее действия в будущем, прогнозируя эффективное достижение целей наказания» (Надь Л. Приговор в уголовном процессе. М., 1982. С. 149).

¹ О прогностическом характере деятельности при избрании мер пресечения см.: Барабаш А. С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы рос. права. 2015. № 12. С. 187.

² О. В. Степаносова подчеркивает: «Необходимость принимать решения в условиях неопределенности как неполной информированности (из-за невозможности полной ориентировки или дефицита времени), анализировать последствия выборов (в том числе и не поддающиеся рациональному прогнозу), учитывать сложные сетевые и динамические изменения в ситуации – все это выступает на первый план в практике принятия решений в современном все более усложняющемся мире...» (Степаносова О. В. Интуитивные компоненты в процессе принятия решения: дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. С. 4).

³ Корнилова Т. В. Риск и принятие решений: психология неопределенности: моногр. по проекту РГНФ № 14-4693004. С. 22 // URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/144693004.pdf>.

⁴ Моррис У. Т. Наука об управлении. Байесовский подход // URL: <http://baguzin.ru/wp/?p=6867pdf>. О категориях «неопределенность» и «определенность» см. также: Терентьев Н. Ю. Определение и классификация решений // Проблемы учета и финансов. 2013. № 4. С. 81.

⁵ О связи неопределенности с количеством информации в ситуации принятия правового решения пишет и Ю. П. Боруленков: «Решение принимается в условиях неопределенности, когда невозможно оценить

Можно подытожить, что при каждом принятии познавательного уголовно-процессуального решения должностное лицо переводит ситуацию неопределенности, выражающуюся в незнании прошлого, в противоположную ситуацию знания. Этот результат и позволяет принять решение. Для достижения такого результата необходимо восполнить недостаток относимой и достоверной информации о прошлом, т. е. достигнуть достаточности.

Иное наблюдается с прогностическими решениями. В процессе их принятия посредством прогноза, основанного на информации из настоящего, субъект заполняет им отсутствие относимой и достоверной информации о будущем, следовательно, ситуация неопределенности в этом случае окончательно неустраима, а ответы на вопросы, характерные для решений этого вида, только приблизительны. Сложность же достижения достаточности при их принятии увеличивается по причине, озвученной выше: связанность не с уже свершившейся, а с еще только развивающейся действительностью¹. Подобный ее характер позволяет выводить только вероятностные суждения², неизбежен прогноз, содержащий возможность, могущую стать действительностью³. Прогноз означает «суждение о будущих событиях, последствиях того или иного решения, на основе которого формируются критерии выбора той или иной альтернативы, тех или иных действий в наличной ситуации»⁴.

В случае с познавательными решениями достаточность (по причине поиска информации именно о прошлой действительности) формируется в других условиях. В силу этой разницы неопределенность при их принятии устраняется полностью, что позволяет выводить не вероятностные суждения о будущем, а достоверные о прошлом.

Описав таким образом прогностические и познавательные решения, сформулируем их определения. Прогностическое решение в российском уголовном процессе – основанный на предвосхищении будущих действий и событий вариант процессуального действия, влияющий на достижение целей публичного уголовного процесса, определяемых его назначением и началом. Познавательное решение – основанный на знании прошлого проект процессуального действия, влияющий на достижение целей публичного уголовного процесса, определяемых его назначением и началом.

Библиография

Баев О. Я. Уголовно-процессуальные решения и решения в уголовном судопроизводстве // Вестн. Воронежского гос. ун-та. 2009. № 1.

Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2009.

Барабаш А. С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы рос. права. 2015. № 12.

Блинова-Сычкарь И. В., Миликова А. В. Понятие «принятие решения» в уголовном судопроизводстве // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2008. № 5.

вероятность потенциальных результатов. Это имеет место, когда требующие учета факторы настолько новы и сложны, что невозможно получить достаточно релевантной информации, могущей помочь объективно определить вероятность, либо имеющаяся ситуация не подчиняется известным закономерностям» (Борунков Ю. П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): моногр. М., 2014. С. 193).

¹ Но из этого не следует вывод о легкости познания прошлого. Ведь оно, будучи недоступным, непосредственно познается только из изменчивого настоящего.

² Уже упомянутый И. Я. Фойницкий писал: «Предсказание событий или групп их возможно на основании закона причинности с большей или меньшей точностью, обыкновенно же при этом достигается лишь *вероятность* (выделено нами. – К. С.), а не полная достоверность» (Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 173).

³ О переходе в праве возможности в действительность см.: Матузов Н. И. Возможность и действительность в правовой сфере // Известия вузов. Правоведение. 2000. № 3. С. 16–30; Ушанова Н. В. Возможность и действительность в российской правовой системе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

⁴ Степаносова О. В. Указ. соч. С. 4.

Боруленков Ю. П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): моногр. М., 2014.

Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979.

Гумеров Т. А., Крюченкова А. О. Решения следователя на досудебных стадиях // Вестн. экономики, права и социологии. 2014. № 1.

Гусев С. С., Караваев Э. Ф., Карпов Г. В. и др. Логика / под ред. А. И. Мигунова, И. Б. Микиртумова, Б. И. Федорова. М., 2010.

Диев В. С. Проблема выбора и принятия решений в междисциплинарном контексте // Вестн. Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2.

Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979.

Корнилова Т. В. Риск и принятие решений: психология неопределенности: моногр. по проекту РГНФ № 14-4693004 // URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/144693004.pdf>.

Костовская Н. В. Оценка доказательств при принятии процессуальных решений по уголовному делу судом первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

Лупинская П. А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1972.

Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

Магданов П. В. Управленческое решение: понятие и определение // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2011. № 8.

Мартыничук Е. Г. Основы формирования приговора в советском уголовном процессе. Кишинев, 1989.

Матузов Н. И. Возможность и действительность в правовой сфере // Известия вузов. Правоведение. 2000. № 3.

Моррис У. Т. Наука об управлении. Байесовский подход // URL: <http://baguzin.ru/wp/?p=6867pdf>.

Надь Л. Приговор в уголовном процессе. М., 1982.

Профатилова Н. В. Оценка следователем достаточности доказательств при принятии основных процессуальных решений по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

Соколов Н. Н. Разработка управленческих решений. Введение в курс лекций. М., 2012.

Сорина Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. М., 2005.

Степаносова О. В. Интуитивные компоненты в процессе принятия решения: дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.

Терентьев Н. Ю. Определение и классификация решений // Проблемы учета и финансов. 2013. № 4.

Ушанова Н. В. Возможность и действительность в российской правовой системе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1991.

Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Спб., 1910. Т. 2.

Чашин А. Н. Доказывание и принятие решений в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. М., 2012.

Bibliography

Baev O. Ya. Ugolovno-processual'nye resheniya i resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestn. Voronezhskogo gos. un-ta. 2009. № 1.

Barabash A. S. Celi i osnovaniya izbraniya mery preseceniya v ugolovnom processe // Aktual'nye problemy ros. prava. 2015. № 12.

Barabash A. S. Publichnoe nachalo rossijskogo ugolovnogo processa. SPb., 2009.

Blinova-Sychkar' I. V., Milikova A. V. Ponyatie «prinyatie resheniya» v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestn. Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 5. Yurisprudenciya. 2008. № 5.

Borulenkov Yu. P. Yuridicheskoe poznanie (nekotorye metodologicheskie, teoreticheskie i prakseologicheskie aspekty): monogr. M., 2014.

Chashin A. N. Dokazyvanie i prinyatie reshenij v ugolovnom sudoproizvodstve: ucheb. posobie. M., 2012.

Diev V. S. Problema vybora i prinyatiya reshenij v mezhdisciplinarnom kontekste // Vestn. Tomskogo gos. un-ta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2013. № 2.

Filosofskij slovar' / pod red. I. T. Frolova. M., 1991.

Fojnickij I. Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva: v 2 t. Spb., 1910. T. 2.

Groshevoj Yu. M. Sushhnost' sudebnyx reshenij v sovetskom ugolovnom processe. Har'kov, 1979.

Gumerov T. A., Kryuchenkova A. O. Resheniya sledovatelya na dosudebnykh stadiyax // Vestn. ehkonomiki, prava i sociologii. 2014. № 1.

Gusev S. S., Karavaev Eh. F., Karpov G. V. i dr. Logika / pod red. A. I. Migunova, I. B. Mikirtumova, B. I. Fedorova. M., 2010.

Kornilova T. V. Risk i prinyatie reshenij: psixologiya neopredelennosti: monogr. po proektu RGNF № 14-4693004 // URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/144693004.pdf>.

Kostovskaya N. V. Ocenka dokazatel'stv pri prinyatii processual'nykh reshenij po ugovnomu delu sudom pervoy instancii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2010.

Kozeleckij Yu. Psixologicheskaya teoriya reshenij. M., 1979.

Lupinskaya P. A. Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2010.

Lupinskaya P. A. Zakonnost' i obosnovannost' reshenij v ugovnom sudoproizvodstve. M., 1972.

Magdanov P. V. Upravlencheskoe reshenie: ponyatie i opredelenie // Vestn. Orenburgskogo gos. un-ta. 2011. № 8.

Martynchik E. G. Osnovy formirovaniya prigovora v sovetskom ugovnom processe. Kishinev, 1989.

Matuzov N. I. Vozmozhnost' i dejstvitel'nost' v pravovoj sfere // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. 2000. № 3.

Morris U. T. Nauka ob upravlenii. Bajesovskij podxod // URL: <http://baguzin.ru/wp/?p=6867pdf>.

Nad' L. Prigovor v ugovnom processe. M., 1982.

Profatilova N. V. Ocenka sledovatelem dostatochnosti dokazatel'stv pri prinyatii osnovnykh processual'nykh reshenij po ugovnym delam: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008.

Sokolov N. N. Razrabotka upravlencheskix reshenij. Vvedenie v kurs lekcij. M., 2012.

Sorina G. V. Prinyatie reshenij kak intellektual'naya deyatel'nost'. M., 2005.

Stepanosova O. V. Intuitivnye komponenty v processe prinyatiya resheniya: dis. ... kand. psixol. nauk. M., 2004.

Terent'ev N. Yu. Opredelenie i klassifikaciya reshenij // Problemy ucheta i finansov. 2013. № 4.

Ushanova N. V. Vozmozhnost' i dejstvitel'nost' v rossijskoj pravovoj sisteme: dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2009.

ЗАЩИТА ПО НАЗНАЧЕНИЮ – КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ ИЛИ ФИКЦИЯ?

Смирнов Владимир Николаевич

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: vsmirnov@gmail.com

Рассмотрен вопрос реализации конституционного права обвиняемого на защиту, в том числе за счет государства. Указано, что она ограничена федеральным законодательством, а расходы на обязательное участие адвоката, как правило, возлагаются на подсудимого. Сделан вывод: скудные ставки оплаты услуг адвокатов отрицательно сказываются на полноте проводимой ими защиты.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, адвокат, процессуальные издержки, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, Министерство юстиции, Федеральная палата адвокатов РФ

APPOINTED PROTECTION – THE CONSTITUTIONAL GUARANTEE OR FICTION?

Smirnov Vladimir

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: vsmirnov@gmail.com

The article deals with the implementation of the defendant's constitutional right to protection, at the state's expense as well. In the author's opinion, it is restricted by federal legislation, and the defendant is usually required to pay costs for binding lawyer's participation. There is a following conclusion: poor payments for lawyer's services have a negative impact on the completeness of his protection.

Key words: qualified legal assistance, lawyer, procedural costs, Judicial Division of the Supreme Court of the Russian Federation, Ministry of Justice, Federal chamber of lawyers of the Russian Federation

Статья 48 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ч. 4 ст. 16) провозглашает право подозреваемого, обвиняемого на защиту и право «пользоваться помощью защитника бесплатно... когда это предусмотрено настоящим Кодексом и иными федеральными законами». Рассматриваемая норма – фундамент более широкой конституционной гарантии права на судебную защиту, о которой говорится в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ. Данная гарантия есть конституционная обязанность государства обеспечить помощь, в том числе по уголовным делам, за счет государства в определенном законом порядке.

Согласно ч. 5 ст. 50 и чч. 4–6 ст. 132 УПК РФ расходы на защитника, назначенного органом судопроизводства, компенсируются за счет средств федерального бюджета: 1) если подозреваемый или обвиняемый отказался от защитника, но отказ не был принят и защитник участвовал в уголовном деле по назначению; 2) если лицо реабилитировали (оправдали); 3) если осужденный является имущественно несостоятельным и если

взыскание процессуальных издержек (полностью или частично) существенно повлияет на материальное положение лиц, находящихся на его иждивении.

Процессуальные издержки также не взыскиваются с подсудимого в случае особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ч. 10 ст. 316 УПК РФ) и при заключении соглашения о сотрудничестве (ч. 1 ст. 317¹ УПК РФ).

Таким образом, чтобы получить бесплатного защитника, надо от него предварительно отказаться (ч. 4 ст. 132). В других же ситуациях государство компенсирует участие назначенного защитника тем обвиняемым, которые согласились признать свою виновность. Что касается бесплатной защиты имущественно несостоятельных обвиняемых или имеющих на своем обеспечении иждивенцев, то подобных прецедентов в судебной практике нам наблюдать не приходилось.

Заметим, что законодательство РСФСР более определенно регулировало данную сферу. Статьи 47 и 322 УПК РСФСР 1960 г. прямо возлагали оплату оказанной обвиняемому юридической помощи на него самого. Освободить подозреваемого, обвиняемого полностью или частично от оплаты юридической помощи были вправе органы дознания и предварительного следствия, прокурор, суд, в производстве которых находилось дело (ст. 47 УПК РСФСР), а также заведующий юридической консультацией и президиум коллегии адвокатов.

При освобождении гражданина от оплаты юридической помощи заведующим юридической консультацией или президиумом коллегии оплата труда адвоката производилась из средств коллегии.

При освобождении гражданина от оплаты юридической помощи органом предварительного следствия, прокурором или судом расходы по оплате труда адвоката относились в установленном порядке на счет государства (ст. 22 Положения об адвокатуре 1980 г.).

Вознаграждение за труд адвоката, выступавшего по назначению, взималось с подсудимого в пользу юридической консультации по таксе, одинаковой с расценками на защиту по соглашению¹. Разницы в полноте осуществляемой адвокатами защиты (хоть по соглашению, хоть по назначению) не существовало. Проблемы появились в начале 90-х гг., когда финансовое обеспечение судов перешло от Министерства юстиции Судебному департаменту при Верховном Суде России: средств на оплату труда защитников не стало, а работать бесплатно они отказывались.

Выход из сложившейся ситуации нашла Свердловская областная коллегия адвокатов. Она разработала Закон о гарантиях юридической помощи населению Свердловской области, в котором предложила дополнять скудные федеральные ассигнования на одну четверть средствами из регионального бюджета. Данные средства аккумулировались областным минфином и направлялись на счет коллегии адвокатов после проплаты ею труда защитников. Закон прошел апробацию в 1995–1997 гг.² и действовал до реформы адвокатуры 2003 г. Подобного ему не было тогда ни в одном субъекте Российской Федерации.

Однако настал момент, когда коллегия исчерпала все ресурсы, а Судебный департамент и МВД РФ не торопились компенсировать свои долги. Более того, территориальное управление Судебного департамента стало ревизовать каждое постановление судей об оплате труда защитников. Возражения последних о том, что нельзя так обходиться с судебными актами, вступившими в законную силу и ими исполненными, не прини-

¹ Инструкция об оплате юридической помощи, оказываемой адвокатами гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям: утв. Министерством юстиции СССР 10 апреля 1991 г. // Хоз-во и право. 1991. № 6.

² Смирнов В. Закон, рожденный жизнью // Уральский рабочий. 2000. 30 дек.

мались. Оказались отвергнутыми и предложения дать (с учетом указанного областного закона) судьям и адвокатам разъяснения о вынесении постановлений об оплате труда защитников. Как выяснилось, чиновники из Судебного департамента и не подозревали о существовании такого Закона, а ознакомившись с ним, объявили его неправильным! В результате большинство постановлений, переданных в президиум областного суда, тот отменил.

Было даже возбуждено два уголовных дела. Поводом стало письмо одного из заместителей начальника управления Судебного департамента городскому прокурору (сентябрь 1999 г.), в котором говорилось: «Установлены факты мошеннических действий отдельных адвокатов, которые злоупотребили своим служебным положением, вошли в доверие к некоторым судьям... составляли проекты фиктивных определений суда об оплате за якобы осуществленную ими защиту по конкретным уголовным делам... Судьи единолично, не вникая в суть дела, подписывали изготовленные адвокатами определения. Эти фиктивные определения адвокаты представляли в президиум СОКА, где незаконно получали зарплату за счет государства. По всем указанным уголовным делам фактически вопрос об оплате труда адвокатов судом не обсуждался и определения судом не выносились. Указанные в определениях даты вымышлены. Фактически дела рассмотрены ранее или позже указанного срока и... без участия названных адвокатов. Они совершили подделку документов».

Такое же письмо (только в ноябре 1999 г.) получила и СОКА. Автор утверждал, что все определения «вынесены не судом, подписаны судьями в частном порядке» (?!). Одновременно в средствах массовой информации, будто под копирку, появились заметки о том, обманывают ли адвокаты своих клиентов. «По словам экспертов (очевидно, информаторов из Судебного департамента), один адвокат умудрился изучать обвинительные документы... целых три дня... а ознакомиться с делом можно было всего за полчаса»¹. Хочется спросить, кто дал право так называемым экспертам надзирать за адвокатами и оценивать содержание их профессиональной работы? «Эксперты» забыли (или не знали), что у адвоката нет «служебного положения», он не может быть автором «фиктивного» судебного акта, вступившего в законную силу. Фактически субъектами ответственности они сделали судей. А с какой стати те принялись бы завышать трудозатраты защитников? Вскоре уголовные дела были прекращены из-за отсутствия состава преступления².

Однако чиновники не сдались. В Судебном департаменте решили отнестись участие адвокатов-защитников в порядке ст. 49 УПК РСФСР к «гражданско-правовым обязательствам». Чиновники пересмотрели реестры постановлений судей и вдвое снизили по ним суммы, уже выплаченные защитникам коллегией адвокатов. (К чести областного министерства финансов оно отказалось принять к исполнению измененные реестры.) «Получается замкнутый круг или одни и те же грабли, на которые чиновники наступают ежегодно... Если оценивать судодень защитника по установленным Судебным департаментом ставкам в 57 руб. 50 коп., то после вычета налогов и обязательных отчислений остается 12 руб. 50 коп. Подумали ли они, кто за такие деньги станет осуществлять квалифицированную юридическую помощь, гарантированную каждому ст. 48 российской Конституции?»³ Об этом председатель президиума СОКА В. Н. Смирнов неоднократно информировал руководителя Судебного департамента при Верховном Суде РФ, но... безрезультатно⁴.

¹ Протоколы областных съездов, конференций и собраний СОКА. 2000. С. 18–21 // Архив СОКА.

² Постановление ст. следователя прокуратуры Кировского района г. Екатеринбурга А. Н. Горбунова о прекращении уголовного дела № 876802 от 14 декабря 2000 г. С. 1–7 // Архив СОКА.

³ Протоколы областных съездов, конференций и собраний СОКА. 2001 С. 8, 47–48 // Архив СОКА.

⁴ Письмо председателя президиума СОКА Генеральному директору Судебного департамента при Верховном Суде РФ А. В. Гусеву от 28 февраля 2001 г. № 141. С. 1–2 // Архив СОКА.

Дискриминационную политику территориального Судебного департамента поощрял Свердловский областной суд. Так, в феврале 2001 г. СОКА получила частное определение судебной коллегии по уголовным делам, в котором говорилось о «стремлении адвоката Е. М. Абрамовой незаконно получить государственные средства за оказание юридической помощи подсудимому Артамонову за два дня работы, а не за один, как постановил судья первой инстанции». Цена «незаконного стремления» – 75 руб. 50 коп. Возмутило судебную коллегию то, что во второй день процесса адвокат присутствовала лишь 10 минут на оглашении приговора, а затем принимала участие в судебном заседании по другому уголовному делу. Недовольство вызвал и факт подачи Абрамовой частной жалобы на урезание судьей ее гонорара.

Налицо очередная «забывчивость», ведь «...работа защитника не заканчивается провозглашением подсудимому приговора. Надобно еще разъяснить его суть подзащитному, помочь составить жалобу, что как раз и выполнила Евгения Михайловна»¹. К тому же Министерство юстиции по запросу президиума СОКА разъяснило, что труд адвоката-защитника исчисляется днями, а не часами или минутами, оплате подлежат и перерывы в судебных заседаниях, и работа по нескольким делам в день².

Только вмешательство полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе П. М. Латышева вернуло Судебный департамент в границы законности, и он выдал коллегии адвокатов около миллиона рублей.

Не оплачивало труд назначаемых следователями защитников и областное ГУВД. Заместитель начальника ГУВД в письме от 31 мая 2000 г. № 16/387 (в ответ на запрос Министерства финансов Свердловской области о неплатежах) указал: «...средств на оплату труда адвокатов и содержание служебных собак нет и не предвидится». В таком контексте было ясно, что ГУВД не собирается что-либо предпринимать для нормального хода подследственных уголовных дел³.

Президиум СОКА был вынужден принять постановление, которым обязал заведующих юрконсультациями разъяснять следователям, подавшим заявки на назначение адвоката, что отказ последнего от неоплачиваемой работы, принудительного труда, запрещенного ст. 37 Конституции Российской Федерации, не влечет дисциплинарной ответственности⁴. Хотя данное постановление не понравилось правоохранителям, но подействовало на них отрезвляюще: их платежи стали более регулярны. Помогло нам и решение арбитражного суда по иску коллегии адвокатов о взыскании убытков (проплат) в сумме 2 млн 487 тыс. 688 руб. 06 коп. с МВД РФ. Правда, решение, вступившее в силу 3 октября 2002 г., было исполнено лишь 31 декабря 2004 г. Всего же за время действия Закона о гарантиях юридической помощи населению Свердловской области наши адвокаты получили из средств регионального бюджета 23 млн руб.⁵

В других регионах дела обстояли значительно хуже. Председатель Пермской областной коллегии адвокатов В. Л. Глебов на конференции 1994 г. критиковал «циничную» позицию прокуратуры: она стала «предъявлять иски за нанесение морального ущерба лицам, которых держала под стражей из-за отказа адвокатов бесплатно вести следственные дела. Добрянский прокурор Новиков вчинил нам иск на 10 млн руб., новоиспеченный Березниковский прокурор – на большую сумму»⁶.

¹ Письмо председателя президиума СОКА Генеральному директору Судебного департамента при Верховном суде РФ А. В. Гусеву от 28 февраля 2001 г. № 141. С. 49.

² Письмо Минюста РФ от 15 октября 1999 г. № 09-1704 // Архив СОКА.

³ Письмо председателя СОКА МВД РСФСР Б. В. Грызлову от 4 апреля 2001 г. № 252 // Архив СОКА. См. также: *Смирнов В. Н.* Цена адвокату – полтинник // Рос. газ. 2001. 25 июля.

⁴ Протоколы областных съездов, конференций и собраний СОКА. 2001. С. 26–27, 50.

⁵ Там же. 2004. С. 17.

⁶ Материалы конференции ПОКА за 1994 г. С. 41 // Архив ПОКА.

В 2001 г. участники конференции ПОКА приняли решение: «...потребовать от правоохранительных органов немедленного погашения долгов и обратиться к Уполномоченному по правам человека в Пермской области с заявлением о многолетнем массовом нарушении прав адвокатов на вознаграждение за их труд по назначениям органов расследования». Новый председатель президиума ПОКА Р. И. Наугольных с возмущением говорила, обращаясь к присутствовавшим на конференции руководителям правоохранительных органов, о долгах Судебного департамента, областного суда, прокуратуры, управления внутренних дел: «Бесконечно на патриотизме работать невозможно, нельзя доводить ситуацию до края. Делайте же что-нибудь!» При этом она приводила в пример опыт свердловчан, которые нашли в местном бюджете деньги на оказание юридической помощи неимущим¹. Кризис (и то не полностью) пермяки преодолели к 2003 г.²

В июле 2003 г. Правительство РФ приняло постановление «О размере вознаграждения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда»: за один день участия – от одной четверти до одного минимального размера оплаты труда в зависимости от сложности дела³. В соответствии с изменениями и дополнениями, внесенными в данное постановление 25 мая 2012 г., сегодня ставки колеблются от 550 до 1200 руб. за один день участия, а в выходные, праздничные дни, в ночное время – от 1100 до 2400 руб.⁴ «Разве можно их сравнить, – писала Т. Берсенева, – с зарплатой прокуроров-государственных обвинителей и судей – таких же участников состязательного процесса, что и адвокат? Да и приняты они под давлением забастовок защитников»⁵.

Именно об этом шла речь на VI Всероссийском съезде адвокатов 22 апреля 2013 г. Его участники говорили, что в начале 2012 г. в ряде субъектов РФ (Пермском крае, Свердловской области и др.) прошли «протестные акции адвокатов с требованиями... устранить дискриминационный подход к оценке труда адвоката-защитника». Совет Федеральной палаты адвокатов РФ (ФПА), «разделяя справедливое возмущение адвокатского сообщества», призвал «действовать разумно и ответственно, не забывая о главной адвокатской заповеди – не навредить тем, чьи права и свободы адвокаты призваны защищать. В результате совместных усилий... решения о повышении оплаты труда адвокатов и компенсации процессуальных расходов были приняты»⁶.

Напомним, что обязательная защита появилась в результате проведения Судебной реформы 1864 г. Согласно Уставу уголовного судопроизводства председатель общих судебных мест назначал подсудимому защитника (присяжного поверенного). Последний должен был объясняться с подсудимым наедине, прочитать следственное производство и в случае необходимости заявить ходатайство о вызове в суд свидетелей и экспертов. Плата за выступление защитника производилась из средств самой адвокатуры. Каждый присяжный поверенный должен был отчислять 10 % от гонораров, получаемых по таксе.

Однако по архивным источникам труд обязательных защитников (как и сегодня!) фактически не оплачивался. Вот лишь один пример, подтверждающий это. На запрос Казанского совета присяжных поверенных о выплате им денежных средств Казанская, Новочеркасская, Петроградская, Харьковская, Саратовская, Омская, Одесская, Иркутская и Московская судебные палаты сообщили, что «суммы на вознаграждения присяжных

¹ Доклад о работе ПОКА за 2000 год. С. 11–14 // Архив ПОКА.

² Протоколы общего собрания ПОКА от 11 апреля 2003 г. С. 7 // Архив ПОКА.

³ Рос. газ. 2003. 10 июля; 21 окт.

⁴ Вестн. Федеральной палаты адвокатов РФ. 2012. № 3. С. 45–46.

⁵ Берсенева Т. Адвокаты грозят параличом судебной системы // Вестн. Федеральной палаты адвокатов РФ. 2012. № 1. С. 114–119.

⁶ Отчет о деятельности Совета Федеральной палаты адвокатов РФ за период с апреля 2011 года по апрель 2013 года // Бюл. адвокатской палаты Свердловской области. 2013. № 2. С. 21–22.

поверенных для защиты подсудимых по назначению председателей судебных мест в 1914 году не поступали. И с 80-х годов не взимались»¹. В итоге, как сатирически писал М. Е. Салтыков-Щедрин, «назначенный судами защитник сказал всего несколько слов вяло, неохотно, словно во сне веревки вил»².

За ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей при осуществлении защиты (как в те далекие времена, так и ныне) адвокатов привлекают к дисциплинарной ответственности. В порядке ст. 50–51 УПК РФ в 2011–2012 гг. 672 адвоката понесли наказание, 28 – лишились статуса³, в 2013–2014 гг. – 704 и 19 соответственно⁴.

Но насколько этично предъявлять требования к тем, кто получает за свою работу копейки? Президент ФПА РФ Е. В. Семеняко (2003–2015) так ответил на данный вопрос: «В отличие от советского периода количество уголовных дел по назначению превысило дела, проводимые адвокатами по соглашению с доверителями. Эта работа требует от адвокатов больших временных и эмоциональных затрат и должна оплачиваться, по крайней мере, не ниже чем других участников процесса. Мы добились определенных изменений к лучшему»⁵.

Тем не менее на VII Всероссийском съезде адвокатов 22 апреля 2015 г. вновь говорили о высокой задолженности правоохранительных органов и судов по оплате труда назначаемых защитников: в 2013 г. – 143 млн руб., в 2014 г. – 138 млн руб. Хотя минимальная ставка за один день участия повысилась до 550 руб., «она продолжает оставаться на уровне оплаты труда неквалифицированного работника». В 2013 г. месячная оплата труда составила 9447 руб., в 2014 г. – 11 088 руб. Индексация в последние годы не проводилась⁶.

Съезд принял специальную резолюцию о соблюдении гарантий прав адвокатов на вознаграждение за труд. В ней обращено внимание на то, что, вопреки п. 8 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», денежные средства на оказание квалифицированной юридической помощи малоимущим гражданам в уголовном судопроизводстве перестали учитываться в федеральном бюджете отдельной строкой. Они оказались не защищены от нецелевого использования, а их расходование отдано на усмотрение правоохранительных органов и судебных ведомств⁷.

В 2015 г. президент Адвокатской палаты Московской области А. П. Галоганов в «Вестнике Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации» написал, что долги местного управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ составляют «не менее 7 млн руб.». Он указал, что представители управления считают завышенными постановления судей об оплате труда адвокатов, исключают время, затраченное ими на изучение материалов уголовного дела и протокола судебного заседания, заявляют, что оплатят только «законно вынесенные решения». Тем самым, подчеркнул он, Судебный департамент присвоил функцию оценки судебных актов и противоправно отказывается их исполнять. (Знакомый сценарий?! Происходящее напоминает нам конец 90-х – 2000 г., когда кипучую деятельность проявляли «эксперты».) Налицо признаки состава уголовно наказуемого деяния – злоупотребления служебным положением. Неоднократные обращения,

¹ НАРТ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 475. Л. 2, 5–6, 10, 12, 13, 15, 17.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. Л., 1933–1940. Т. 16. С. 683.

³ Отчет о деятельности Совета Федеральной палаты адвокатов РФ за период с апреля 2011 года по апрель 2013 года. С. 20–21.

⁴ Отчет о деятельности Совета Федеральной палаты адвокатов РФ за период с апреля 2013 года по апрель 2015 года // Вестн. Федеральной палаты адвокатов РФ. 2015. № 2. С. 61.

⁵ Статус – профессионализм. Независимости и самоуправлению нужно учиться: интервью Е. В. Семеняко. Беседовал А. Крохмалюк // Адвокатская газ. 2012. № 11.

⁶ Вестн. Федеральной палаты адвокатов РФ. 2015. № 2. С. 69–70.

⁷ Там же. С. 53–55.

в том числе нынешнего президента Федеральной палаты адвокатов РФ Ю. С. Пилипенко, к Генеральному директору Судебного департамента при Верховном Суде РФ А. В. Гусеву «либо остаются без внимания, либо оборачиваются отписками»¹.

С сожалением приходится констатировать, что до сих пор в структурах законодательной, исполнительной и судебной власти адвокаты воспринимаются как «далеко не бедные люди». Между тем для большинства защитников из глубинки работа по назначению в уголовном судопроизводстве есть основной источник существования их и их семей. К тому же «крайними» оказываются те граждане России, которым квалифицированная юридическая помощь «гарантируется» по ставкам... неквалифицированных рабочих.

Парадоксально, но для подобной несправедливости не было места на заре советской власти. Когда большевики искали альтернативу царской адвокатуре и перевели правозащитников на государственное содержание (1918–1920), то их труд расценивался так же, как труд народных судей: в размере их окладов. Вот ориентир для современного законодателя.

Библиография

Берсенева Т. Адвокаты грозят параличом судебной системы // Вестн. Федеральной палаты адвокатов РФ. 2012. № 1.

Вестн. Федеральной палаты адвокатов РФ. 2012. № 3.

Вестн. Федеральной палаты адвокатов РФ. 2015. № 2.

Вестн. Федеральной палаты адвокатов РФ. 2015. № 4.

Доклад о работе ПОКА за 2000 год // Архив ПОКА.

Инструкция об оплате юридической помощи, оказываемой адвокатами гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям: утв. Министерством юстиции СССР 10 апреля 1991 г. // Хоз-во и право. 1991. № 6.

Материалы конференции ПОКА за 1994 г. // Архив ПОКА.

НАРТ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 475. Л. 2, 5–6, 10, 12, 13, 15, 17.

О размере вознаграждения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда: постановление Правительства РФ от 4 июля 2003 г. № 400 // Рос. газ. 2003. 10 июля; 21 окт.

Отчет о деятельности Совета Федеральной палаты адвокатов РФ за период с апреля 2011 года по апрель 2013 года // Бюл. адвокатской палаты Свердловской области. 2013. № 2.

Отчет о деятельности Совета Федеральной палаты адвокатов РФ за период с апреля 2013 года по апрель 2015 года // Вестн. Федеральной палаты адвокатов РФ. 2015. № 2.

Письмо Минюста РФ от 15 октября 1999 г. № 09-1704 // Архив СОКА.

Письмо председателя президиума СОКА Генеральному директору Судебного департамента при Верховном Суде РФ А. В. Гусеву от 28 февраля 2001 г. № 141 // Архив СОКА.

Письмо председателя СОКА МВД РСФСР Б. В. Грызлову от 4 апреля 2001 г. № 252 // Архив СОКА.

Постановление ст. следователя прокуратуры Кировского района г. Екатеринбурга А. Н. Горбунова о прекращении уголовного дела № 876802 от 14 декабря 2000 г. // Архив СОКА.

Протоколы областных съездов, конференций и собраний СОКА. 2000–2001, 2004 // Архив СОКА.

Протоколы общего собрания ПОКА от 11 апреля 2003 г. // Архив ПОКА.

Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. Л., 1933–1940. Т. 16.

Смирнов В. Закон, рожденный жизнью // Уральский рабочий. 2000. 30 дек.

Смирнов В. Н. Цена адвокату – полтинник // Рос. газ. 2001. 25 июля.

Статус – профессионализм. Независимости и самоуправлению нужно учиться: интервью Е. В. Семеняко. Беседовал А. Крохмалюк // Адвокатская газ. 2012. № 11.

Bibliography

Berseneva T. Advokaty grozyat paralichom sudebnoj sistemy // Vestn. Federal'noj palaty advokatov RF. 2012. № 1.

¹ Вестн. Федеральной палаты адвокатов РФ. 2015. № 4. С. 133–136.

- Doklad o rabote POKA za 2000 god // Arxiv POKA.
- Instrukciya ob oplate yuridicheskoy pomoshhi, okazyvaemoj advokatami grazhdanam, predpriyatiyam, uchrezhdeniyam i organizaciyam: utv. Ministerstvom yusticii SSSR 10 aprelya 1991 g. // Xoz-vo i pravo. 1991. № 6.
- Materialy konferencii POKA za 1994 g. // Arxiv POKA.
- NART. F. 52. Op. 1. D. 475. L. 2, 5–6, 10, 12, 13, 15, 17.
- O razmere voznagrazhdeniya advokata, uchastvuyushhego v kachestve zashhitnika v ugolovnom sudoproizvodstve po naznacheniyu organov doznaniya, organov predvaritel'nogo sledstviya ili suda: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 4 iyulya 2003 g. № 400 // Ros. gaz. 2003. 10 iyulya; 21 okt.
- Otchet o deyatel'nosti Soveta Federal'noj palaty advokатов RF za period s aprelya 2011 goda po aprel' 2013 goda // Byul. advokatskoj palaty Sverdlovskoj oblasti. 2013. № 2.
- Otchet o deyatel'nosti Soveta Federal'noj palaty advokатов RF za period s aprelya 2013 goda po aprel' 2015 goda // Vestn. Federal'noj palaty advokатов RF. 2015. № 2.
- Pis'mo Minyusta RF ot 15 oktyabrya 1999 g. № 09-1704 // Arxiv SOKA.
- Pis'mo predsedatelya prezidiuma SOKA General'nomu direktoru Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF A. V. Gusevu ot 28 fevralya 2001 g. № 141 // Arxiv SOKA.
- Pis'mo predsedatelya SOKA MVD RSFSR B. V. Gryzlovu ot 4 aprelya 2001 g. № 252 // Arxiv SOKA.
- Postanovlenie st. sledovatelya prokuratury Kirovskogo rajona g. Ekaterinburga A. N. Gorbunova o prekrashhenii ugolovnogo dela № 876802 ot 14 dekabrya 2000 g. // Arxiv SOKA.
- Protokoly oblastnyx s"ezdov, konferencij i sobranij SOKA. 2000–2001, 2004 // Arxiv SOKA.
- Protokoly obshhego sobraniya POKA ot 11 aprelya 2003 g. // Arxiv POKA.
- Saltykov-Shhedrin M. E. Poln. sobr. soch. L., 1933–1940. T. 16.
- Smirnov V. N. Cena advokatu – poltinnik // Ros. gaz. 2001. 25 iyulya.
- Smirnov V. Zakon, rozhdenyj zhizn'yu // Ural'skij rabochij. 2000. 30 dek.
- Status – professionalizm. Nezavisimosti i samoupravleniyu nuzhno učit'sya: interv'yu E. V. Semenyako. Besedoval A. Kroxmalyuk // Advokatskaya gaz. 2012. № 11.
- Vestn. Federal'noj palaty advokатов RF. 2012. № 3.
- Vestn. Federal'noj palaty advokатов RF. 2015. № 2.
- Vestn. Federal'noj palaty advokатов RF. 2015. № 4.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА НА ИСПОЛНЕНИЕ АКТОВ ЮРИСДИКЦИОННЫХ ОРГАНОВ В СИСТЕМАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО И ОБЩЕГО ПРАВА

Кузнецов Евгений Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: Corben2002@mail.ru

Рассматриваются возникновение и развитие права на исполнение судебных постановлений и актов иных юрисдикционных органов. Обосновывается, что право на исполнение имеет общие корни с правом на справедливое судебное разбирательство, но есть специфика реализации. Анализируется развитие права на исполнение в странах континентального и общего права, а также в России.

Ключевые слова: право на исполнение, право на справедливое судебное разбирательство, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейский Суд по правам человека

THE EVOLUTION OF THE RIGHT TO EXECUTION OF JURISDICTIONAL ACTS IN THE SYSTEMS OF CONTINENTAL AND COMMON LAW

Kuznetsov Evgeniy

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: Corben2002@mail.ru

The article examines the origin and development of the right to execution of court decisions and other jurisdictional acts. It is proved that the execution right and the right to a fair trial have the same roots, but the implementation of the execution right is rather specific. The author analyzes the development of the right to execution in the countries of continental and common law as well as in Russia.

Key words: right to execution, right to a fair trial, European Convention on Human Rights, European Court of Human Rights

Последние десятилетия развития права ознаменовались выделением исключительно важной категории, позволяющей связать закрепленное в международно-правовых актах и национальном законодательстве многих государств право на справедливое судебное разбирательство с механизмом реального исполнения судебных актов, именуемым «право на исполнение». Исследование данного правового явления, постановка вопросов о его структуре, особенностях реализации, способах обеспечения функционирования невозможны без обращения к анализу предпосылок его возникновения. Подобный подход позволит осмыслить причины зарождения и становления, современное состояние анализируемого правового явления, спрогнозировать дальнейшие пути его развития в правовой системе.

Особенность права на исполнение судебных актов и актов иных юрисдикционных органов (далее – право на исполнение) заключается в том, что традиционно оно неразрывно связано с правом на судебную защиту, правом на справедливое судебное разбра-

тельство. Все эти правовые феномены выступают универсальными элементами механизма защиты прав, свобод и законных интересов, позволяющими достичь цели последнего. Основные вехи развития права на справедливое судебное разбирательство в системах континентального и общего права показывают, что именно при осмыслении механизма его реализации, толковании межгосударственными органами по защите прав и свобод человека и гражданина стал особо подниматься вопрос о выделении права на исполнение (причем на *эффективное* исполнение) в рамках той или иной правовой семьи¹.

Как известно, право на справедливый судебный процесс было широко признано в свете изменившихся международных отношений, политическо-экономических и социальных процессов в Европе после Второй мировой войны. Именно тотальное нарушение нацистами всех возможных прав человека с точки зрения как естественного, так и позитивного права привело лидеров европейских государств к осознанию необходимости внедрять и развивать концепцию прав человека и гражданина в целях сохранения и развития современной цивилизации. Однако это не означает, что доктрина прав человека возникла только во второй половине XX в., история этой доктрины насчитывает много веков и была сопряжена с развитием цивилизации в целом.

Исторический опыт позволил праву на справедливый суд и праву на исполнение выйти на серьезный международный уровень. Конечно, в ходе истории государства постоянно заключали самые разные по характеру договоры, но именно в 50-е и последующие годы XX в. действительно сформировалось право международных соглашений. В этот период стали заключаться различные соглашения и конвенции, в первую очередь касающиеся защиты прав человека и основных свобод. «Ужасы Второй мировой войны, кровавый вандализм тоталитарных режимов, нередко прикрываемые внешне престижными государственными институтами, потребовали того, чтобы права человека, его исконная свобода и достоинство стали основой и высшим критерием порядка в мире, во всех странах»².

Обратившись к истории закрепления таких правовых категорий, как «право на справедливое судебное разбирательство» и «право на исполнение», следует отметить, что последняя в настоящее время четко не сформулирована в национальном законодательстве большинства государств, хотя исторический опыт свидетельствует о ее безусловном фактическом признании. При этом данный правовой феномен зарождался и развивался в неразрывной связи с категорией «право на справедливое судебное разбирательство», в содержании которой ряд авторов выделяли, хоть и косвенно, крайне осторожно, право на исполнение судебных актов.

При этом, по словам классика, «позитивное право, оставаясь твердым и жестким организмом, стабилизатором в жизни людей, должно быть динамичным, точнее... *живым*. „Живым“... в смысле того, что оно должно *отвечать как сегодняшним требованиям изменяющихся общественных отношений, так и требованиям данной ситуации, заложенной в ней правовой сути... все время оставаться фактически осуществляемым, работающим, непременно завершающимся вынесением решения по данной ситуации, делу*»³. Итак, право должно своевременно реагировать на изменение социальных отношений, корректно отражая динамику и необходимый уровень их правового регулирования.

В связи с этим право на исполнение, опосредованно выделяемое в отдельных международных текстах, судебной практике межгосударственных органов по защите прав

¹ Подробнее о «семьях» в праве см.: Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи // Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. М., 2010. С. 344–367.

² Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия... С. 474.

³ Там же. С. 395.

и свобод человека и гражданина, достойно быть зафиксированным, «отрегулированным» наряду с правом на справедливое судебное разбирательство, а не в рамках его, поскольку жизненные реалии показывают, что вынесение судебного решения по делу еще не означает его фактической, своевременной и правильной реализации в добровольном или принудительном порядке обязанным лицом. Даже имеющиеся гарантии справедливого процесса не определяют дальнейшей *логичной* судьбы конкретного правоприменительного акта – надлежащего исполнения (реализации) заложенных в нем предписаний. Право станет по-настоящему «живым», если оно будет «завершаться» не просто вынесением решения «по данной ситуации, делу», но эффективной реализацией, гарантированной, в частности, силой государственного принуждения.

Поскольку «нормы... права являются нормативной основой *правовых решений* жизненных ситуаций... которые „во имя права“ по самой своей логике при достаточно развитой юридической культуре не могут не опираться на исторически сложившиеся и утвердившиеся, по большей части действительно глубокие основы жизни людей»¹, нужно обратиться к опыту развития права современной цивилизации. Здесь можно заметить, что даже категория «право на справедливое судебное разбирательство» развивалась неравномерно. В системе общего права такая формулировка практически не использовалась, за исключением поправок к Конституции США². При этом можно проследить развитие лишь некоторых основных составных частей права на справедливое судебное разбирательство, касающихся непосредственно судебного процесса и не имеющих, как правило, отношения к характеру действий, совершаемых для добровольного или принудительного исполнения судебного решения. Речь идет о независимости и беспристрастности суда, презумпции невиновности, справедливости судебного разбирательства и пр.

Из истории государства и права зарубежных стран. Бесспорно, «красной нитью» в развитии права на справедливое судебное разбирательство проходит категория «справедливость», ей уделялось большое внимание во все времена. Еще в Древнем Египте и Древней Индии судебное решение воспринималось как акт справедливости, совершаемый при помощи законов (при этом законы исходили от правителей, которые признавались богами, соответственно, указанная справедливость, по утверждению источников той эпохи, исходила именно от богов).

Появление законов Хаммурапи объяснялось так: «Чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы оказать справедливость сироте и вдове, чтобы в... Эсагиле – храме, фундамент которого прочно установили, точно небеса и земля, – судить суд страны, выносить решения страны, притесненному оказать справедливость...»³ Идеалом судебного решения в Древнем Египте считалась «строгая справедливость». По законам Хаммурапи уличенного в несправедливости (подлогах) судью ждало суровое наказание: лишение должности и существенный штраф (ст. 5 Законов – 12-кратный размер исковой суммы).

Законы Ману также фиксировали отдельные элементы справедливости процесса: «Руководствуясь правилами судопроизводства, надо иметь в виду истину...» (VIII, 45), а решать дела людей нужно «основываясь на вечной дхарме» (VIII, 8). Было установлено, что отрицающий справедливость иска должен быть изобличен, как минимум, тремя свидетелями (VIII, 60), а свидетели заинтересованных в деле лиц в принципе не допускались в процесс (VIII, 64)⁴.

¹ Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия... С. 399.

² Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М., 2005. С. 18–37.

³ Хрестоматия по истории Древнего Востока / сост. и коммент. А. А. Вигасина. М., 1997. С. 56; URL: <http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/HAMMURAPI.html?page=0,5>.

⁴ Законы Ману / пер. С. Д. Эльмановича. М., 1961. С. 11–13.

Исследователи утверждают, что относительно справедливости в процессе существования очень развитые требования в древнееврейском праве¹, где законы и обычаи обязывали взвешенно относиться к назначению наказания.

Применительно к *римскому праву* следует заметить, что с самого начала его формирования материальное содержание правовой нормы не разделялось со способом ее правовой защиты², а право на судебную защиту изначально принадлежало только полноправным римским гражданам. Судебное рассмотрение дела и решение должны были отвечать требованию справедливости в отношении последних. Задача суда состояла, в частности, в том, чтобы оценить обстоятельства дела с точки зрения права, которое в римской юриспруденции считалось наукой о добром и справедливым³. При этом суд не должен был восстанавливать справедливость вообще, в целом. Он должен был принять решение исходя из заявлений сторон и представленных доказательств, т. е. так, как должен действовать современный суд: в строгом соответствии с предметом иска, не выходя, по общему правилу, за его пределы. Судья всегда должен был иметь в виду справедливость и ничего не постановлять по собственному усмотрению или желанию, но только по законам и по праву.

Причем указанные требования действовали, каждый со своей спецификой, в эпохи легисакционного, формулярного и когниционного процессов. В период действия последнего при судах стали вводиться должности судебных исполнителей, тесно связанных с административными или полицейскими властями территории.

В это же время фактически были заложены основы права на добровольное исполнение, облеченное в форму обязательства. Последнее было предельно абстрактным понятием, характеризующим наличие между двумя лицами равного юридического качества некой связи, обязанности, накладываемой на одно лицо в пользу другого лица по условиям, определяемым правом, но с обязательным участием их самих как действующих субъектов. Институции Юстиниана закрепляли, что «обязательство есть правовые узы, в силу которых мы связаны необходимостью что-либо исполнить в согласии с правом нашего государства»⁴. Следовательно, обязательство подразумевает *необходимость* исполнения, подкрепленную соответствующими юридическими институтами, при этом у уполномоченного субъекта появляется право требовать исполнения обязательства, возникшего из данной «подзаконно установленной связи».

Специфика римского права заключалась также в том, что взыскание могло иметь как имущественный (*venditio bonorum*), так и личный характер (содержание должника под арестом до уплаты или отработки долга – *executio personalis*). В первом случае кредиторы вводились во владение имуществом должника, затем они выбирали из своей среды *magister bonorum*, который продавал имущество должника с аукциона. Покупатель (*emptor bonorum*) становился собственником купленного имущества и вместе с тем приобретал обязательство уплатить долги должника (в пределах покупной цены имущества)⁵. Во втором случае должник мог быть выставлен на торги, если его долг в течение трех раз не выкупался друзьями или родными, он продавался в рабство. Еще более сурова была ситуация, когда должник предстал перед несколькими кредиторами: его могли буквально разделить по частям в прямом смысле, каждому кредитору соразмерно обязательству. Очевидно, что изменяющаяся экономическая ситуация требовала дальнейшего развития компенсации долга в денежном или натуральном выражении, исполнение в отношении

¹ Рабцевич О. И. Указ. соч. С. 19.

² Омельченко О. А. Римское право: учеб. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. С. 48.

³ Там же. С. 50.

⁴ Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 1948. С. 264.

⁵ Там же. С. 80.

личности постепенно минимизировалось, распространение получили способы обращения взыскания на имущество должника¹.

Итак, право на исполнение фактически существовало в двух аспектах: право кредитора на имущественное удовлетворение своих притязаний в отношении должника и право кредитора обратиться взыскание на личность должника, что могло рассматриваться и как инструмент общей превенции, а также способствовало усилению роли права в обществе и государстве.

Категория «справедливость» развивалась с течением веков. В VI–VII вв. правители европейских государств стремились предоставить своим подданным возможность защищать свои права в суде. Этому, в частности, посвящены положения Салической Правды². Особенностью данного этапа развития права на справедливый процесс было то, что внимание уделялось не комплексному его совершенствованию, а лишь отдельным элементам его функционирования: состязательности, гласности, устности и публичному характеру. Постепенно добавлялись новые элементы, особенно когда со временем процесс стал инквизиционным, начала преобладать письменная форма исковых заявлений, свидетельских показаний, приговоров. В Западной Европе с конца IX в. судьями назначали подконтрольных власти представителей так называемого среднего класса.

Следующим значимым событием в развитии права на справедливое судебное разбирательство можно считать принятие в Англии Великой хартии вольностей (1215 г.), п. 40 которой гласил: «Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их»³. В целом в Англии того периода справедливому суду и возможности защиты своего права уделялось много внимания. Положения Хартии были не самыми демократичными по нынешним меркам, ибо не устанавливали право всех подданных на судебную защиту и не вводили равенство всех перед судом, но являлись яркой вехой на пути развития права на справедливый суд. Кстати, в данном документе также не содержалось никакого упоминания о необходимости исполнения решений суда.

Общее право разработало концепцию справедливой процедуры в рамках «естественного правосудия»: суды принимали решения только после уведомления заинтересованных сторон, предоставления им возможности высказаться и при отсутствии любой заинтересованности судьи. В 1330 г. в Англии принят Вестминстерский статут «Относительно судей и шерифов»⁴, также направленный на создание беспристрастных процедур. После этого пробелы в обычном и общем праве начали заполняться за счет системы «права справедливости», основанного на понятиях добра и справедливости и чем-то напоминавшего римское преторское право и требования христианских заповедей⁵.

Наиболее обстоятельно право на справедливый и законный суд было сформулировано в английском «Ордонансе о судьях» 1346 г., согласно ст. IV которого «...каждый человек имеет полное право искать и защищать свое право в наших и других судах в соответствии с законом»⁶. Здесь же было предоставлено право на защиту всем подданным, «в равной мере богатым и бедным, независимо от личности».

¹ Кузнецов Е. Н. Исполнительное производство Франции. СПб., 2005. С. 20–23.

² Салическая Правда // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. Н. А. Крашенинниковой. М., 2003. Т. 1.

³ Цит. по: Петрушевский Д. М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. М., 1915 // URL: <http://lib.ru/INOOLD/ENGLAND/hartia.txt>.

⁴ Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корецкого. М., 1961. С. 248–250.

⁵ Рабцевич О. И. Указ. соч. С. 28–29.

⁶ Цит. по: Михайлов М. М. Избранные произведения. М., 2014. С. 110.

Аналогичные положения содержались и в сербском Законнике Благоверного царя Стефана 1349 г.: «Все судьи пусть судят по Законнику справедливо, как написано в Законнике...»¹ (п. 174).

Нельзя обойти вниманием и иной важный акт на пути развития рассматриваемого права – *Habeas Corpus Act*². Данным актом вводилась, в частности, процедура предотвращения неправовых и необоснованных арестов по произволу органов власти.

Следующим этапом развития можно считать закрепление права на справедливое разбирательство в конституциях различных государств. Первыми это сделали США, хотя и не в основном тексте, а в поправках к Конституции. Так, пятая и четырнадцатая поправки закрепили правило, запрещающее лишать кого-либо имущества без законного судебного разбирательства³.

Постепенно отдельные элементы права на справедливое судебное разбирательство стали включаться государствами, преимущественно системы континентального права, в их основные законы:

1) презумпция невиновности – ст. 9 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., п. 13 французской Декларации прав человека и гражданина 1793 г.;

2) независимость и беспристрастность суда – ст. 102 Конституции Германской империи 1919 г. (Веймарской), ст. 112 Конституции СССР 1936 г., ст. 37 Конституции Японии 1947 г.;

3) гласность, устность судебного разбирательства – ст. 3, 6 российского Устава уголовного судопроизводства 1864 г.;

4) право на судебную защиту, право на доступ к правосудию – п. 11 Конституции Франции 1795 г., ст. 24 Конституции Японской империи 1889 г., ст. 32 и 37 Конституции Японии 1947 г., п. 2 § 104 Закона США о гражданских правах 1967 г., ст. 57 Конституции СССР 1977 г.;

5) осуществление правосудия только судом – ст. 4 Конституции Франции 1848 г., ст. 7 Конституционной хартии Пруссии 1850 г.

При этом право на исполнение отдельно так нигде и не фиксируется.

Как уже говорилось, фактически право на справедливое судебное разбирательство получило толчок в развитии после его признания на международном уровне во второй половине XX в. При этом процессы унификации правил и процедур, их имплементации в национальную правовую систему конкретного государства происходят преимущественно в странах континентального права. Именно здесь была признана исключительная важность такого элемента упомянутого права, как право на исполнение. В странах же общего права сохраняется заложенная в национальных актах тенденция к признанию права на справедливый суд (или его отдельных элементов), в процессах унификации и гармонизации по рассматриваемому поводу они фактически не участвуют.

Из истории отечественного государства и права. Не избежало общих тенденций развития и право нашего государства. Состязательный процесс Древней Руси со временем эволюционировал в инквизиционный, основной формой судопроизводства был суд общины. При этом долгое время сохранялись черты состязательности: относительное равенство сторон, их активность при рассмотрении дела и в сборе доказательств.

¹ Законник Благоверного царя Стефана. 1349 г. // URL: <http://www.osh.ru/pedia/history/justice/Europa/Stefan.shtml>.

² Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями. Англия, 1679 // URL: <http://www.memo.ru/prawo/hist/habeas.htm>.

³ Поправки к Конституции США (1798–1971) // URL: <http://state-usa.ru/usa-constitution/215-popravki-k-konstitutsii-ssha#p9>.

Так, по Русской Правде процесс носил ярко выраженный состязательный характер, поскольку начинался по инициативе истца, стороны обладали равными правами, судопроизводство было гласным и устным. При этом данный источник устанавливал специфические правила исполнения судебных решений. Например, несостоятельного должника лишали свободы вместе с детьми и женой, выводя на торг и продавая в рабство. Если займодавец был один, он мог взять должника к себе в рабы. При этом должник мог выкупиться сам, отработав долг, или его могли выкупить другие лица. Взыскание денежных сумм по судебному решению возлагалось на особое должностное лицо – праветчика. Исполнение решений по делам о праве собственности на землю осуществлялось судьей или уполномоченным им лицом¹.

Основные правила принудительного исполнения были таковы:

- 1) если купец взял у кого-то товар, а товар погиб, то, если это произошло по вине того, кто взял товар, хозяин товара мог поступить с должником по произволу, а если это произошло от несчастного случая, то займодавец должен был рассрочить платеж долга должнику;
- 2) если купец должен нескольким займодавцам, из которых одни иноземцы, другие русские, то преимущество в выплате долга отдавалось иностранцам;
- 3) долг князю погашался прежде, чем долги частным лицам;
- 4) займодавец терял право получения долга, если он слишком много взял с должника процентов, и др.²

В X–XI вв. происходило укрепление процесса, ведущую роль играли князь и его администрация: они возбуждали процесс, сами собирали сведения и выносили приговор, часто смертельный. Следует заметить, что в российском судопроизводстве очень долго гражданский и уголовный процессы были смешаны. Только в середине XIX в. ситуация изменилась и виды судопроизводства стали развиваться обособленно друг от друга³.

В Псковской судной грамоте⁴ процесс регламентировался более подробно, чем в Русской Правде: он еще носил состязательный характер, но роль суда постепенно усиливалась (суд ведет следствие, посылает людей на место для выяснения обстоятельств дела и пр.). Именно в данном документе впервые в истории нашего государства и цивилизации в целом было провозглашено право лиц на справедливый суд в общем виде: «без разбора никого не осудить ни на суде, ни на вече» (ст. 3). В других статьях Грамоты указано, что судить надо по крестному целованию, по законам, по справедливости (ст. 4). Однако данные нормы, как и положения о неправомочности взяток, имели слабую обеспеченность принуждением. Следовательно, их реальная осуществимость была низкой, поскольку механизм реализации включал только наказание при втором совершении проступка и присягу судей, что они правого не погубят и виноватого не оправдают (ст. 59, 77, 78 Псковской судной грамоты и ст. 5 Новгородской судной грамоты⁵).

По Новгородской судной грамоте «стороне, оправданной по суду», назначался срок, в течение которого она могла получить присужденное; по истечении этого срока она могла «силой схватить противника своего с помощью приставов и принудить его к исполнению судебного решения»⁶.

С XVI в. начала проследиваться тенденция к сословности правосудия. Так, если Новгородская и Псковская судные грамоты (XV в.) диктовали равное положение сословий на

¹ Михайлов М. М. Указ. соч. С. 19–20 (Вступительный очерк К. В. Гусарова).

² Там же. С. 109.

³ Там же.

⁴ Псковская судная грамота // URL: http://elf.ucoz.net/Pravo/IOGP/pskov_sud_gram.pdf.

⁵ Новгородская судная грамота // URL: <http://музейреформ.рф/node/13624>.

⁶ Михайлов М. М. Указ. соч. С. 109.

суде, и даже зависимый человек мог судиться со своим господином по поводу имущества, то Судебники 1497 и 1550 гг. изменили эту тенденцию. Последние документы содержали ряд положений о справедливой судебной процедуре в рамках сословного суда, но ничего нового в становление и развитие права на справедливое судебное разбирательство они не привнесли.

Соборное уложение 1649 г. детально закрепило некоторые принципы справедливого судебного процесса: равенство перед судом, беспристрастность суда и др. При этом Уложение установило гарантии исполнения соответствующих принципов (за злонамеренное обвинение или поведение в процессе виновное лицо, включая судью, присуждалось к троекратной цене иска, отнятию чести, лишению судейской должности, применению торговой казни).

Данный документ сохранил древние способы исполнения решений, но придал им отчасти иное значение. К ним относились: правож, отдача истцу должника до отработки долга и продажа движимого и недвижимого имущества «обвиненного в гражданском деле на удовлетворение истца»¹. В Уложении 1649 г. были закреплены известные со времен Русской Правды правила: долг казенный удовлетворялся преимущественно долгу частному, долги иностранцам имели приоритет пред долгами русским. Проще говоря, исполнительное производство того времени (и еще долгие века) подчинялось достаточно простым правилам: оно не предполагало ни особенных судебных мер, ни особенных должностных лиц, а способы исполнения сводились к трем упомянутым. Даже в XVII и XVIII вв., когда правила усложнились, суть осталась примерно той же, исполнением судебных решений занимались судебные места и полиция².

В современной России, в отличие от большинства государств континентального права, право на исполнение выделяется в национальном законодательстве, пусть и косвенно. В частности, оно отражено в Федеральном законе от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – Закон о компенсации), который подтверждает, что лицу, чье право на исполнение судебного акта нарушено, может быть присуждена компенсация.

Следует подчеркнуть, что в контексте правоотношений, урегулированных указанным Федеральным законом, право на исполнение касается судебных актов. В связи с этим актуален вопрос об исполнении актов иных юрисдикционных органов. Представляется, что пути развития здесь схожи, толкование права на исполнение того или иного акта юрисдикционного органа не должно существенно отличаться от понимания права на исполнение судебного решения. Можно сделать вывод, что вид акта, исполняемого в конкретном случае, не имеет принципиального значения применительно к существованию такой единой правовой категории, как «право на исполнение», поскольку отличия в исполнении судебных постановлений и актов иных юрисдикционных органов в анализируемом контексте минимальны.

Экскурс в историю развития права на справедливое судебное разбирательство и права на исполнение различных актов юрисдикционных органов приводит нас к ряду выводов:

1) право на справедливое судебное разбирательство развивалось неравномерно, через эволюцию его отдельных элементов, при этом прогресс порой сменялся регрессом в силу самых разных причин;

¹ Подробнее о каждом из указанных способов см.: Михайлов М. М. Указ. соч. С. 45, 111–112. Так, правож представлял собой особый способ взыскания, пришедший на Русь в эпоху татарского владычества, фактически это было «действительное средство к взысканию податных недоимок».

² Михайлов М. М. Указ. соч. С. 112, 116, 302–305.

2) в один временной период в одном государстве какие-то элементы данного права признавались, в другом они отсутствовали;

3) долгое время развития нашей цивилизации право на справедливый судебный процесс не имело централизованной точки закрепления и развития, отдельные государства самостоятельно определяли, включать ли соответствующие правила в механизм правового регулирования обозначенных общественных отношений;

4) только со второй половины XX в. право на справедливое судебное разбирательство достигло того уровня, который нам известен в настоящее время, причем это право сформулировано на международном уровне, разработаны единые правила толкования и применения рассматриваемой правовой категории;

5) процессы унификации и гармонизации в отношении права на справедливое судебное разбирательство и права на исполнение в большей мере свойственны странам континентального, нежели общего права;

6) со временем ярко стала проявляться тенденция к закреплению норм о справедливом судебном разбирательстве во внутригосударственном законодательстве на конституционном уровне. Чаще всего фиксируются такие элементы этого права, как презумпция невиновности, открытость разбирательства, право на получение квалифицированной правовой помощи, независимость и беспристрастность судебных органов, равенство сторон. При этом во многих случаях закрепляется не «право на справедливое судебное разбирательство» в целом, а отдельные его элементы, комплексное толкование которых позволяет сделать вывод о наличии в конкретном государстве правил о справедливом процессе в том или ином объеме;

7) существует ряд причин отсутствия унифицированного регулирования права на справедливое судебное разбирательство (как минимум, до присоединения конкретных государств к международным актам, содержащим подобную унификацию): а) исторические различия между правовыми системами континентального и общего права; б) различие подходов в разных правовых системах к признанию и развитию такой категории, как «право на справедливый суд»: в континентальном праве это происходит на уровне международного взаимодействия, в общем праве соответствующие правила сформулированы исключительно в рамках национальной правовой системы; в) отсутствие единых подходов к пониманию категории «справедливость» даже в рамках одной правовой семьи; г) сам термин «справедливость» может иметь множество вариантов окраски, ни один международно-правовой документ до сих пор не содержит его легального определения;

8) долгие века право на исполнение прямо не признавалось и не формулировалось в национальном законодательстве различных стран. Отдельные аспекты проявления данного права можно косвенно вывести из содержания права на справедливое судебное разбирательство в конкретном государстве;

9) из-за отсутствия прямого выделения права на исполнение судебных актов на национальном уровне приходится констатировать, что данное право начало развитие после утверждения единых подходов к пониманию права на справедливое судебное разбирательство в рамках Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.;

10) толкование права на исполнение любого акта юрисдикционного органа не должно значительно отличаться от понимания права на исполнение судебного постановления;

11) в Российской Федерации существование права на исполнение как самостоятельной правовой категории подтверждается названием и содержанием Закона о компенсации.

Как сказал классик, «культура прав человека в том виде, в каком она стала выстраиваться в 1950–1960-е гг., резко возвысила человека, придала новое возвышенное качество

его юридически защищенному статусу, прочность и надежность его „суверенности“, самостоятельности и независимости, вселила в него уверенность во всех сторонах его активного творческого поведения, усилила персональную ответственность за него»¹. Однако современные условия показывают, что одного лишь признания права недостаточно, «культура прав человека» далека от идеала. Необходимо внедрение эффективного механизма реализации права, гарантированного, в частности, государством. В связи с этим категория «право на исполнение» логично завершает механизм защиты и реализации субъективного материального права, подтвержденного и гарантированного актом того или иного юрисдикционного органа, а право на справедливое судебное разбирательство приобретает новое звучание в контексте защиты прав человека и основных свобод: это не только разрешение правового спора или иного юридического дела, но и обеспечение эффективного механизма реализации соответствующего права, доведение его до логического завершения, финала.

Библиография

Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями. Англия, 1679 // URL: <http://www.memo.ru/prawo/hist/habeas.htm>.

Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи // Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. М., 2010.

Законник Благоверного царя Стефана. 1349 г. // URL: <http://www.osh.ru/pedia/history/justice/Europa/Stefan.shtml>.

Законы Ману / пер. С. Д. Эльмановича. М., 1961.

Кузнецов Е. Н. Исполнительное производство Франции. СПб., 2005.

Михайлов М. М. Избранные произведения. М., 2014.

Новгородская судная грамота // URL: <http://музейреформ.рф/node/13624>.

Омельченко О. А. Римское право: учеб. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000.

Петрушевский Д. М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. М., 1915 // URL: <http://lib.ru/INOOLD/ENGLAND/hartia.txt>.

Поправки к Конституции США (1798–1971) // URL: <http://state-usa.ru/usa-constitution/215-popravki-k-konstitutsii-ssha№9>.

Псковская судная грамота // URL: http://elf.ucoz.net/Pravo/IOGP/pskov_sud_gram.pdf.

Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М., 2005.

Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 1948.

Салическая Правда // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. Н. А. Крашенинниковой. М., 2003. Т. 1.

Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корецкого. М., 1961.

Хрестоматия по истории Древнего Востока / сост. и коммент. А. А. Вигасина. М., 1997; URL: <http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/HAMMURAPI.html?page=0,5>.

Bibliography

Akt o luchshem obespechenii svobody poddannogo i o preduprezhdenii zatochenij za moryami. Angliya, 1679 // URL: <http://www.memo.ru/prawo/hist/habeas.htm>.

Alekseev S. S. Pravo na poroge novogo tysyacheletiya: nekotorye tendencii mirovogo pravovogo razvitiya – nadezhda i drama sovremennoj ehpoxi // Alekseev S. S. Sobr. soch.: v 10 t. T. 5: Liniya prava. Otdel'nye problemy koncepcii. M., 2010.

Kuznetsov E. N. Ispolnitel'noe proizvodstvo Francii. SPb., 2005.

Mixajlov M. M. Izbrannye proizvedeniya. M., 2014.

Novgorodskaya sudnaya gramota // URL: <http://muzejreform.rf/node/13624>.

Omel'chenko O. A. Rimskoe pravo: ucheb. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2000.

¹ Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия... С. 512.

Petrushevskij D. M. Velikaya xartiya vol'nostej i konstitucionnaya bor'ba v anglijskom obshhestve vo vtoroj polovine XIII veka. M., 1915 // URL: <http://lib.ru/INOOLD/ENGLAND/hartia.txt>.

Popravki k Konstitucii SShA (1798–1971) // URL: <http://state-usa.ru/usa-constitution/215-popravki-k-konstitutsii-ssha№9>.

Pskovskaya sudnaya gramota // URL: http://elf.ucoz.net/Pravo/IOGP/pskov_sud_gram.pdf.

Rabcevic O. I. Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: mezhdunarodnoe i vnutrigosudarstvennoe pravovoe regulirovanie. M., 2005.

Rimskoe chastnoe pravo: ucheb. / pod red. I. B. Novickogo, I. S. Pereterskogo. M., 1948.

Salicheskaya Pravda // Xrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyx stran / pod red. N. A. Kra-shennnikovoj. M., 2003. T. 1.

Xrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy / pod red. V. M. Koreckogo. M., 1961.

Xrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka / sost. i komment. A. A. Vigasina. M., 1997; URL: <http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/HAMMURAPI.html?page=0,5>.

Zakonnik Blagovernogo carya Stefana. 1349 g. // URL: <http://http://www.osh.ru/pedia/history/justice/Europa/Stefan.shtml>.

Zakony Manu / per. S. D. Ehl'manovicha. M., 1961.

**СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
(окончание)****Жабреев Михаил Владимирович**

Доцент кафедры права Института фундаментального образования
Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),
e-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru

Автор отмечает, что реформирование российского законодательства о юридических лицах и появление исследований о юридических лицах в публичном праве привели к необходимости переосмысления вопросов образования юридических лиц. На основе теории, судебной практики и российского законодательства советского и современного периода исследуются способы образования юридических лиц, предлагается их классификация.

Ключевые слова: юридические лица, признаки юридических лиц, способы образования юридических лиц, процесс образования юридических лиц

**THE WAYS OF ESTABLISHING LEGAL ENTITIES:
THEORY, PRACTICE AND NORMATIVE FRAMEWORK
(the end)****Zhabreev Mikhail**

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg),
e-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru

The author claims that reforming of the Russian legislation on legal entities and developing research on legal entities in public law led to the need to re-think the issues of their establishment. Basing on the analysis of theory, judicial practice and the Soviet and current legislation he investigates the ways of establishing legal entities and proposes their classification.

Key words: legal entities, attributes of legal entities, ways of establishing legal entities, legal entities establishment

Третья группа способов образования юридических лиц

Общим для уведомительного, нормативно-явочного и уставного способов образования юридических лиц является то, что для создания юридического лица недостаточно волеизъявления лиц (что характерно для явочного и распорядительного способов), а требуется прохождение установленной законодательством специальной процедуры.

В отличие от нормативно-явочного и уставного способов образования юридических лиц при уведомительном лицам, принявшим решение о создании юридического лица, необходимо лишь письменно уведомить об этом уполномоченный орган с приложением необходимых документов в установленном законодательством порядке. При нормативно-явочном и уставном способах образования юридических лиц нужно не только уведомление уполномоченного органа лицами, создавшими юридическое лицо, но и соблюдение иной процедуры. Отличие нормативно-явочного способа образования юридических лиц от уставного состоит в том, что при нормативно-явочном способе обязательно принятие уполномоченным органом специального решения о регистрации юридического лица, тогда как при уставном достаточно нанесения уполномоченным органом на

титульный лист устава специальной надписи или штампа об утверждении устава вновь созданного юридического лица.

Уведомительный способ образования юридических лиц

Уведомительный (заявительный) способ образования юридических лиц характеризуется тем, что юридическое лицо считается созданным с момента представления лицами, принявшими решение о его создании, определенного перечня документов в уполномоченный орган для учета нового юридического лица в соответствующем реестре¹. При уведомительном способе акцент делается не на волеизъявление лиц о создании нового юридического лица, а на подачу учредителями заявления (уведомления) в уполномоченный орган о таком создании. Отсюда и его название.

В Российской империи в уведомительном порядке создавались общества, не преследующие цели извлечения прибыли (за исключением обществ, имеющих религиозные цели, и обществ, создаваемых учащимися в учебных заведениях). Уведомительный способ образования таких обществ был установлен именным высочайшим указом императора Николая II Правительствующему сенату от 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах», где предусматривалось, что участники общества должны лишь передать устав своего общества губернатору или градоначальнику с ходатайством о включении в реестр. Причем моментом создания общества считался момент внесения сведений о нем в реестр.

В советской России такой способ образования юридических лиц также имел место. Так, в соответствии со ст. 296 и 298 Гражданского кодекса РСФСР, введенного в действие постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР от 11 ноября 1922 г.², участники полного товарищества должны были подать подписанное всеми товарищами заявление об учреждении полного товарищества ведущему торговый реестр установлению по месту нахождения товарищества для внесения в реестр и опубликования. При этом полное товарищество со дня его внесения в торговый реестр признавалось юридическим лицом.

В настоящее время в законодательстве Российской Федерации закреплен уведомительный способ образования таких юридических лиц, как профсоюзы, объединения (ассоциации) профсоюзов, первичные профсоюзные организации (далее – профсоюз). Так, абз. 1 ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»³ (с изм. от 22 декабря 2014 г.) предусматривает, что правоспособность профсоюза в качестве юридического лица возникает с момента внесения в ЕГРЮЛ сведений о его создании и прекращается в момент внесения в указанный реестр сведений о прекращении его деятельности. А дальше – самое интересное. Абзац 2 ч. 1 этой же статьи гласит: «Государственная регистрация профсоюза в качестве юридического лица осуществляется в уведомительном порядке». Получается, что законодатель объединил в процедуре создания профсоюзов два способа образования юридических лиц: нормативно-явочный и уведомительный.

После того как лицо, принявшее решение о создании юридического лица, уведомляет об этом уполномоченный орган, последний просто включает созданное юридическое лицо в общегосударственный реестр юридических лиц, не принимая при этом никакого решения. Вопрос: может ли уполномоченный орган при уведомительном способе проверять пакет сдаваемых ему документов, в том числе с точки зрения содержания? На наш

¹ Вольман И. С., Марков Н. О., Могилевский М. О., Никольский Д. П. Гражданское право. Популярная лекция для самообразования. СПб., 1904. С. 34; Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 149.

² Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1922. № 256.

³ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.

взгляд, нет, так как в противном случае ни о каком уведомительном порядке речи быть не может. Если возникли основания вернуть документы на доработку, это уже не уведомление, а обращение, по получению которого уполномоченный орган проверяет наличие полного пакета документов и их содержание, что характерно для нормативно-явочного способа образования юридических лиц и нашло отражение в других нормах Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности».

Так, абз. 3 ч. 1 ст. 8 Закона предусматривает обязанность профсоюзов представить в уполномоченный орган на регистрацию в строго установленные сроки строго установленный пакет документов: «Для государственной регистрации профсоюзов в федеральный орган государственной регистрации представляются подлинники либо нотариально удостоверенные копии уставов, заверенные копии решений съездов (конференций, собраний) о создании профсоюзов, об утверждении уставов, перечней участников – соответствующих профсоюзов». В абз. 4 ч. 1 этой же статьи сказано: «Профсоюзы представляют указанные документы в течение месяца со дня их образования». В ст. 7 Закона прямо закреплено, что должно содержаться в уставе профсоюза. Все это – признаки нормативно-явочного способа образования юридических лиц, при котором (повторим) уполномоченный орган всегда проверяет наличие полного пакета документов, а также их содержание на соответствие законодательству, т. е. проверяет законность создания нового юридического лица¹, и только после этого принимает специальное решение о его регистрации. Поэтому данный способ образования юридических лиц называется также регистрационным. Именно после принятия специального решения о регистрации юридического лица уполномоченный орган включает его в общегосударственный реестр юридических лиц (применительно к профсоюзам это делают органы Федеральной налоговой службы).

Таким образом, законодатель красиво назвал способ образования профсоюзов «уведомительным», чтобы подчеркнуть независимость профсоюзов от власти, а, по сути, распространил на них общий для всех юридических лиц способ образования – нормативно-явочный. В подтверждение этого вывода следует сослаться на Административный регламент предоставления Министерством юстиции Российской Федерации государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций, утвержденный приказом Министерства юстиции России от 30 декабря 2011 г. № 455² (с изм. от 8 апреля 2014 г.), который закрепляет единую процедуру образования всех некоммерческих организаций, включая профсоюзы, – нормативно-явочным способом, а также устанавливает основания для отказа в государственной регистрации вновь образованного юридического лица. Это прямо противоречит абз. 8 ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», где предусмотрен запрет на отказ в государственной регистрации профсоюзов.

Чтобы соблюсти нормы Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», касающиеся уведомительного способа образования профсоюзов, надо исключить правило об обязательном предоставлении профсоюзом установленного пакета документов и принятии уполномоченным органом специального решения о его государственной регистрации. А если учредительные документы профсоюза будут противоречить законодательству с точки зрения содержания, то уполномоченный орган всегда может обратиться в суд для приведения их в соответствие с законодательством. Уведомительный способ образования профсоюза как юридического лица необходим для обеспечения реализации прав граждан на объединение в профсоюзы и сохранения независимости последних от органов власти.

¹ Субъекты гражданского права / под ред. С. Н. Братуся. М., 1984. С. 91.

² Рос. газ. 2012. 16 марта.

Наоборот, в уведомительном порядке, на наш взгляд, в настоящее время создаются государственные корпорации и государственные компании, хотя в ст. 13¹ Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹ (в ред. от 30 декабря 2015 г.) и провозглашен нормативно-явочный способ образования таких юридических лиц. Наш вывод основан на иных нормах этого же Закона. Так, чч. 1 и 3 ст. 7¹ и ч. 1 ст. 7² Закона предусматривают, что государственные корпорации и государственные компании создаются на основании специальных федеральных законов. Для создания государственной корпорации не требуется учредительных документов, указанных в ст. 52 ГК РФ.

О чем это говорит? Вероятно, о том, что в соответствии со ст. 13¹ Федерального закона «О некоммерческих организациях» для государственной регистрации государственной корпорации и государственной компании либо ничего не представляется, либо сдается федеральный закон об их создании, так как в ст. 14 Закона не перечислены виды учредительных документов для этих видов некоммерческих организаций. Проверку формы и содержания такого федерального закона на соответствие требованиям, предъявляемым к учредительным документам, не провести, следовательно, отказать в регистрации по этому основанию нельзя.

Можно ли вообще отказать в регистрации юридического лица, которое создано в силу нормативного акта высшей юридической силы – федерального закона? Конечно, нет. Поэтому и получается, что в данном случае регистрирующий орган выносит свое решение о государственной регистрации вновь созданного юридического лица автоматически, лишь соблюдая сроки, установленные для государственной регистрации юридических лиц. А это не что иное, как признаки уведомительного способа.

Особенностью образования государственных корпораций и государственных компаний уведомительным способом является замена при создании юридического лица волеизъявления лиц-учредителей на волеизъявление системы органов государственной власти Российской Федерации (Федерального Собрания РФ и Президента РФ), которые принимают отдельный федеральный закон об образовании государственной корпорации или государственной компании (т. е. в рассматриваемом случае меняется субъект волеизъявления и форма его выражения, все остальное остается). После вступления в действие названного федерального закона уполномоченный орган должен лишь внести сведения о создании государственной корпорации или государственной компании в ЕГРЮЛ, не принимая при этом решения об их государственной регистрации.

В качестве примера рассмотрим процедуру создания государственной компании «Российские автомобильные дороги». Часть 12 ст. 3 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 145-ФЗ «О государственной компании „Российские автомобильные дороги“ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (с изм. от 14 декабря 2015 г.) устанавливает, что на государственную компанию не распространяется действие п. 4 ст. 13¹ (требование о предоставлении в трехмесячный срок документов в уполномоченный орган); п. 5 ст. 13¹ (требование о предоставлении в уполномоченный орган учредительных и иных документов, необходимых для государственной регистрации); ст. 14 (требования к содержанию учредительных и иных документов, необходимых для государственной регистрации) Федерального закона «О некоммерческих организациях».

Таким образом, Федеральный закон «О государственной компании „Российские автомобильные дороги“ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Россий-

¹ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

² Там же. 2009. № 29. Ст. 3582.

ской Федерации» прямо исключает данную государственную компанию из числа лиц, которые должны создаваться нормативно-явочным способом.

Так зачем придумывать различные исключения из единого правила о нормативно-явочном способе образования юридических лиц? Необходимо просто закрепить в законодательстве несколько «удобных» способов создания юридических лиц и пользоваться ими открыто, не вводя никого в заблуждение.

Нормативно-явочный способ образования юридических лиц

Нормативно-явочный (явочно-нормативный¹, регистрационный²) способ образования юридических лиц³ характеризуется тем, что юридическое лицо считается созданным с момента его регистрации уполномоченным на то органом⁴. Особенностью данного способа является, как уже говорилось, обязательное наличие положительного решения регистрирующего органа о государственной регистрации вновь образованного юридического лица (оформляемого в виде отдельного документа в соответствии с ч. 2 ст. 13¹ Федерального закона «О некоммерческих организациях» и ч. 1 ст. 11 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей») с последующим внесением сведений о создании юридического лица в государственный реестр.

В Российской империи нормативно-явочный способ образования юридических лиц был закреплен в циркуляре Министерства внутренних дел от 23 июля 1906 г. № 25 и распространялся на общества, преследующие цель извлечения прибыли (например, трудовые артели). Для регистрации общества его учредители должны были представить губернатору или градоначальнику заверенный ими проект устава общества в двух экземплярах с нотариальным засвидетельствованием их правоспособности и личной подписи (при этом в случае отказа в регистрации общества обязательно указывались основания для него).

В советской России нормативно-явочный способ образования юридических лиц был установлен в Декрете Совета Народных Комиссаров РСФСР от 27 июля 1918 г. «О регистрации торговых и промышленных предприятий (Положение)»⁵, которым вводилась регистрация всех частных торговых и промышленных предприятий. Позднее это правило нашло закрепление и в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. Так, ст. 14 Кодекса устанавливала, что правоспособность юридического лица возникает «в тех случаях, когда закон требует регистрации юридического лица, – с момента таковой регистрации». Нормы о регистрации акционерных обществ содержались в ст. 335 и 338 кодекса: «Если учредительское общее собрание акционеров признает общество состоявшимся, то правление обязано немедленно подать заявление в Главный комитет по делам о концессиях и акционерных обществах при Совете Труда и Обороне о регистрации о-ва. О состоявшейся регистрации о-ва публикуется в официальной советской газете той губернии или области, на территории которой находится главное правление этого общества. Акционерное о-во со дня его регистрации признается юридическим лицом». Такой же порядок предусматривался для создания потребительских обществ. Так, п. 14 Декрета Центрального Исполнительного Комитета СССР и Совета Народных Комиссаров СССР от 20 мая 1924 г.

¹ Гражданское право: учеб.: в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 1998. Т. 1. С. 197.

² Кашанина Т. В. Корпоративное право (Право хозяйственных товариществ и обществ): учеб. для вузов. М., 1999. С. 135.

³ Гражданское право / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 1. С. 197.

⁴ Ландкоф С. Н. Гражданский кодекс РСФСР. Научный комментарий (с учетом гражданских кодексов союзных республик). Вып. III: Субъекты прав (лица) / под ред. С. М. Прушицкого, С. И. Раевича. М., 1928. С. 42.

⁵ Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР. 1918. № 175.

«О потребительской кооперации»¹ закреплял, что «потребительские общества, а равно союзы потребительской кооперации со дня регистрации их в установленном порядке (ст. 13) пользуются правами юридических лиц».

Позднее специальный нормативный акт о процедуре регистрации юридических лиц подтвердил указанные нормы Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. Положение о торговой регистрации, утвержденное Советом Народных Комиссаров СССР 20 октября 1925 г.², устанавливало, что «правоспособность юридических лиц возникает с момента их регистрации, если иное не установлено в специальных законах, на основании которых эти лица учреждены».

В настоящее время в Российской Федерации закреплён нормативно-явочный способ образования юридических лиц: ст. 51 ГК РФ предусматривает, что юридическое лицо считается созданным с момента его государственной регистрации.

Уставный способ образования юридических лиц

Уставный способ образования юридических лиц характеризуется тем, что статус юридического лица у организации возникает с момента утверждения устава или положения данной организации уполномоченным на то органом³ путем проставления на титульном листе устава или положения штампа либо специально напечатанного слова «Утверждаю» с указанием соответствующей даты и подписи уполномоченного лица.

Уставный способ образования юридических лиц касается только организаций, действующих на основании индивидуального устава или положения⁴, которые и проверяются уполномоченным органом с точки зрения их соответствия требованиям законодательства. Следовательно, при этом способе образования юридических лиц вопрос утверждения или неутверждения устава или положения является вопросом целесообразности⁵. Утверждать или не утверждать устав, решает только уполномоченный орган.

В Российской империи уставный способ образования юридических лиц был предусмотрен именным высочайшим указом императора Николая II Правительствующему сенату «О временных правилах об обществах и союзах», который закреплял, что проекты уставов обществ, преследующих религиозные цели, и обществ, образуемых учащимися в учебных заведениях, направляются на утверждение соответствующему министру или главноуправляющему отдельной частью.

В советской России данный способ образования юридических лиц применялся очень широко. Так, ст. 14 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. устанавливала, что «юридическое лицо должно иметь утвержденный, а в подлежащих случаях зарегистрированный уполномоченным на то органом устав или положение. Правоспособность юридического лица возникает с момента утверждения устава (положения), а в тех случаях, когда закон требует регистрации юридического лица, – с момента таковой регистрации». Необходимо обратить внимание на то, что в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. закреплены две разные процедуры. По первой устав вновь создаваемого юридического лица утверждался, а по второй – регистрировался. Именно первую процедуру мы и называем уставным способом образования юридических лиц. Что касается второй процедуры, согласно которой должен регистрироваться устав, а не юридическое лицо, то здесь, скорее всего, имела место неточность или небрежность, так как во втором предложении этой же статьи

¹ Известия Центрального Исполнительного Комитета СССР и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1924. № 114.

² Там же. 1925. № 283.

³ Ландкоф С. Н. Указ. соч. С. 42.

⁴ Субъекты гражданского права. С. 97.

⁵ Ландкоф С. Н. Указ. соч. С. 42.

говорится уже о регистрации юридического лица (хотя и в настоящее время некоторые авторы используют такую же терминологию¹).

Интересно, что разработчиками проекта Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. был предложен лишь один способ образования юридических лиц – уставный, при котором правоспособность юридического лица возникает с момента утверждения его устава. Однако комиссия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, рассматривавшая проект кодекса, во-первых, установила возможность наличия у юридического лица второго вида учредительного документа – положения о юридическом лице, а во-вторых, дополнила проект положением о необходимости регистрации в надлежащих случаях уполномоченным на то органом устава или положения юридического лица² (тем самым предусмотрев в Гражданском кодексе и нормативно-явочный способ образования юридических лиц).

Аналогичную неточность встречаем в п. 13 Декрета Центрального Исполнительного Комитета СССР и Совета Народных Комиссаров СССР «О потребительской кооперации», предусматривающем, что «уставы регистрируются в порядке, устанавливаемом законодательством подлежащих союзных республик», и в более поздней ст. 15 Закона РСФСР от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности в РСФСР»³, закрепляющей, что Банк России регистрирует уставы вновь создаваемых банков.

Уставный способ образования юридических лиц был сохранен и в Гражданском кодексе, утвержденном Законом РСФСР от 11 июня 1964 г.⁴ Так, ст. 26 кодекса устанавливала, что «правоспособность юридического лица возникает с момента утверждения его устава или положения». Позднее уставный способ образования юридических лиц нашел закрепление, в частности, в Положении о социалистическом государственном производственном предприятии, утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 731⁵, и Положении о производственном объединении (комбинате), утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 27 марта 1974 г. № 212⁶, согласно которым государственное производственное предприятие и производственное объединение являются юридическими лицами со дня утверждения их уставов. Аналогичная норма содержалась в Законе СССР «О государственном предприятии (объединении)», в силу которого предприятие становилось юридическим лицом со дня утверждения его устава.

В. С. Якушев указывал, что «правоспособность юридического лица возникает лишь с момента, когда будет утвержден его устав»⁷. И хотя в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. и работе В. С. Якушева речь шла о моменте возникновения правоспособности, считаем необходимым отметить, что правоспособность у организации появляется только с момента возникновения у нее статуса юридического лица, исходя из чего и был сделан вывод о возникновении у организации статуса юридического лица с момента утверждения ее устава.

Более позднее законодательство также предусматривало уставный способ образования юридических лиц. Так, в силу п. 2 постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2057-1 «О регистрации общественных объединений в РСФСР и ре-

¹ Бондаренко Д. Б. Практические вопросы регистрации учредительных документов юридических лиц // Право и экономика. 2006. № 4. С. 9–14.

² Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М., 2002. С. 67.

³ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1990. № 27. Ст. 357.

⁴ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.

⁵ Собр. постановлений Правительства СССР. 1965. № 19–20. Ст. 155.

⁶ Там же. 1974. № 8. Ст. 38.

⁷ Якушев В. С. Юридическая личность государственного производственного предприятия. Свердловск, 1973. С. 172.

гистрационном сборе»¹ профессиональные союзы, их ассоциации, отделения, другие профессиональные организации, а также их руководящие органы приобретали права юридического лица с момента утверждения их уставных документов на учредительном съезде (конференции, собрании).

Для более четкого понимания специфики способов образования юридических лиц третьей группы заострим внимание на особенностях применения рассмотренных выше способов в советский период. Эти способы были закреплены в ст. 26 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г., согласно которой «правоспособность юридического лица возникает с момента утверждения его устава или положения, а в случаях, когда оно должно действовать на основании общего положения об организациях данного вида, – с момента издания компетентным органом постановления о его образовании. Если устав подлежит регистрации, правоспособность юридического лица возникает в момент регистрации».

Например, в уставном порядке создавались организации, имеющие политическое или идеологическое значение для страны: организации культуры, литературы, искусства. Утверждение устава или положения юридического лица определялось исключительно целесообразностью его создания, отказ в утверждении устава или положения ничем не обосновывался.

Нормативный способ распространялся на основную массу государственных юридических лиц, которые создавались уполномоченными органами в упрощенном порядке для решения экономических задач и действовали, как правило, на основании общего типового устава или положения. Статус юридического лица определялся в нормативном акте, регулирующем его деятельность. Например, в таком порядке создавались заводы, фабрики, школы, больницы, поликлиники.

Нормативно-явочный способ касался образования юридических лиц, действующих на основании индивидуального устава или положения и создаваемых объединениями граждан. При этом статус юридического лица у таких организаций возникал после их регистрации. При регистрации проверялась законность процедуры создания юридического лица, в связи с чем отказ в регистрации по мотивам нецелесообразности был невозможен. В таком порядке возникали жилищно-строительные, дачно-строительные и гаражно-строительные кооперативы, кооперативы по строительству творческих мастерских, садоводческие товарищества и колхозы, позволяющие гражданам удовлетворить свои жилищные и иные потребности.

Признаковый способ применялся для образования юридических лиц, которые не попадали под критерии юридических лиц, создаваемых в уставном, нормативном или нормативно-явочном порядке. Для них правоведы и судебная практика формулировали различные признаки, которые позволяли признать их юридическими лицами.

Четвертая группа способов образования юридических лиц

Общим для разрешительного и концессионного способов образования юридических лиц является то, что для создания юридического лица необходимо получить специальное разрешение уполномоченного органа или должностного лица.

Отличительной особенностью разрешительного способа служит наличие полного запрета на образование в государстве всех или отдельных видов юридических лиц, в связи с чем и требуется специальное разрешение на создание юридического лица. Концессионный способ характеризуется тем, что перед созданием юридического лица нужно получить исключительные привилегии или особые преимущества в сфере его будущей деятельности.

¹ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 299.

Разрешительный способ образования юридических лиц

Разрешительный способ предусматривает обязательное предварительное получение разрешения (согласия) уполномоченного органа на создание юридического лица¹. Особенность данного способа образования юридических лиц состоит в отсутствии закрепленных в законодательстве оснований для отказа в даче такого разрешения. По сути, уполномоченный орган решает вопрос о создании юридического лица, лишь исходя из его целесообразности².

Разрешительный способ образования юридических лиц схож с уставным способом. И в том и в другом случае вопрос образования юридического лица обусловлен его целесообразностью. Различие же состоит в том, что при уставном способе уполномоченный орган, установив целесообразность создания юридического лица, сам утверждает его устав или положение, а при разрешительном способе орган, определив целесообразность создания юридического лица, лишь дает предварительное разрешение на его создание, а образование юридического лица производится в том порядке, который предусмотрен в данной правовой системе для этого вида юридических лиц.

Впервые разрешительный способ образования юридических лиц был использован в Древнем Риме. Он появился после всеобщего запрета Юлия Цезаря на свободное образование объединений физических лиц, кроме жреческих коллегий. Такой запрет был обусловлен злоупотреблениями на политической почве при свободном создании объединений³. Законом Октавиана Августа полный запрет на создание объединений был снят, но запрещалось создавать любые объединения физических лиц (кроме религиозных и похоронных) без получения предварительного разрешения Сената и утверждения этого разрешения императором.

Причиной возникновения такого способа образования юридических лиц в Российской империи также стала необходимость контроля за созданием юридических лиц в наиболее важных отраслях экономики и других сферах деятельности. Для этого была введена норма об обязательном получении такими организациями у уполномоченного органа специального права на функционирование либо в отдельных случаях – особых преимуществ или исключительных привилегий. Так, для получения права на создание общества взаимного кредита, акционерного банка или ссудо-сберегательного товарищества требовалось разрешение министра финансов⁴; для получения права на создание общероссийского политического союза граждан – министра внутренних дел⁵; для получения права на организацию трудовой артели – министра труда (ст. 2198 Свода законов Российской империи).

В советской России разрешительный способ образования был сохранен для отдельных видов юридических лиц. Так, постановлением Народного комиссариата торговли и промышленности РСФСР от 20 апреля 1918 г. «О правовых ограничениях, устанавливаемых для торговых и торгово-промышленных предприятий», утвержденным Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР от 30 июня 1918 г.⁶, устанавливалось, что «впредь до издания нового положения о порядке открытия, перехода

¹ Советское гражданское право: учеб. для вузов: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. О. А. Красавчикова. М., 1985. Т. 1. С. 144.

² Субъекты гражданского права. С. 91.

³ Дернбург Г. Пандекты. Т. 1: Общая часть / пер. Г. фон Рехенберга. М., 1906. С. 172; Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 225; Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право: базовый учеб. / пер. с македон. В. А. Томсинова, Ю. В. Филиппова. М., 1999. С. 94; Ефимов В. В. Догма римского права: лекции. СПб., 1899. С. 89.

⁴ Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. М., 1997. Ч. 1. С. 121.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 93.

⁶ Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР. 1918. № 134.

и преобразования торговых и торгово-промышленных предприятий – воспрещается без особого в каждом отдельном случае разрешения Народного Комиссариата Торговли и Промышленности: образование и открытие новых предприятий; преобразование единоличных предприятий в товарищества полное или на вере и обратно; преобразование существующих единоличных предприятий и товариществ в акционерные общества».

Это же правило касалось частных учреждений и товариществ с ограниченной ответственностью. Так, в ст. 15 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. предусматривалось, что «частные учреждения с правами юридических лиц, как-то: больницы, музеи, ученые учреждения, публичные библиотеки и т. д. – могут быть учреждаемы только с разрешения соответственных органов власти», а ст. 320 закреплялось, что «т-ва с ограниченной ответственностью допускаются к учреждению только в тех отраслях народного хозяйства, в коих они прямо разрешены законом (напр., электрификационные товарищества, т-ва ответственного труда и т. п.), или только по специальным разрешениям в каждом отдельном случае уполномоченных органов рабоче-крестьянского правительства».

В настоящее время разрешительный способ образования юридических лиц установлен Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹ (в ред. от 5 октября 2015 г.). Он предусматривает обязательность получения предварительного согласия антимонопольного органа на создание, например, коммерческой организации, если ее уставный капитал оплачивается акциями (долями) и (или) имуществом, которые являются основными производственными средствами и (или) нематериальными активами другой коммерческой организации (за исключением финансовой организации), в том числе на основании передаточного акта или разделительного баланса, и при этом суммарная стоимость активов по последнему балансу учредителей создаваемой коммерческой организации (их групп лиц) и лиц (их групп лиц), акции (доли) и (или) имущество которых вносятся в качестве вклада в уставный капитал создаваемой коммерческой организации, превышает 7 млрд руб., либо если суммарная выручка учредителей создаваемой коммерческой организации (их групп лиц) и лиц (их групп лиц), акции (доли) и (или) имущество которых вносятся в качестве вклада в уставный капитал создаваемой коммерческой организации, от реализации товаров за последний календарный год превышает 10 млрд руб.

Следует указать, что разрешительный способ все-таки не является способом образования юридических лиц. Это всего лишь обязательное предварительное условие, которое необходимо соблюсти до начала проведения процедуры создания юридического лица в соответствии с законодательством.

Концессионный способ образования юридических лиц

Концессионный способ образования юридических лиц, как и разрешительный, нельзя признать полноценным способом образования юридических лиц. Речь идет лишь о получении лицами, объединившими свои капиталы, разрешения на осуществление предпринимательской деятельности и приобретении ими исключительных преимуществ или привилегий в определенной сфере (в юридической литературе эта система образования юридических лиц так и называлась – «концессионная»²).

Концессионный способ образования юридических лиц впервые был зафиксирован в XV–XVII вв. в Англии, Голландии, Франции и других европейских странах. Так, в 1496 г. король Англии Генрих VII разрешил торговлю со всеми странами, которые будут открыты на северо-востоке, по пути в Индию, что привело к созданию для подобных морских экспедиций компании «Торговцы-искатели приключений для открытия регионов, вла-

¹ СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. I). Ст. 3434.

² Покровский И. А. Указ. соч. С. 148.

дений, островов и неизвестных мест», в 1566 г. переименованную в Русскую компанию. В 1595 г. правительство Голландии дало разрешение на объединение купеческих гильдий и морских товариществ в единую голландскую Ост-Индскую компанию для торговли с Индией. В 1603 г. королева Англии дала разрешение на образование английской Ост-Индской компании, даровав ей различные преимущества по ввозу и вывозу товаров из Индии. В XVIII в. десять берлинских купцов получили от правительства Германии разрешение на создание компании с правом исключительной торговли с Россией¹.

В Российской империи Закон от 6 декабря 1836 г., регулирующий создание компаний, прямо указывал, что разрешение учредить компанию само по себе является предоставлением известного рода привилегии, при этом их не следует даровать предприятиям, которые не могут рассчитывать на успех.

Позднее разрешение на получение особых преимуществ или исключительных привилегий, например на создание компаний на акциях и товариществ по участкам, давалось только на основании «Величайшего утверждения Государя Императора» после обсуждения этого вопроса на заседании Государственной Думы (ст. 2131, 2197 Свода законов Российской империи)².

В заключение отметим, что сегодня в законодательстве Российской Федерации провозглашены два способа образования юридических лиц: нормативно-явочный и уведомительный, однако виды юридических лиц, образуемых этими способами, не совпадают с указанными в законодательстве. Уведомительный способ закреплен за профсоюзами, но по своей природе, как уже указывалось, является нормативно-явочным (таковым его и следует считать). И наоборот, для государственных корпораций и государственных компаний предусмотрен исключительно нормативно-явочный способ образования, а по существу к ним применяется уведомительный способ (и именно так его следует называть).

Как показало наше исследование, правильно определить способ образования юридического лица с точки зрения теории гражданского права не так просто, как может показаться на первый взгляд. К тому же законодательство Российской Федерации еще более запутывает этот вопрос.

В настоящей работе мы попытались представить законченное теоретическое исследование способов образования юридических лиц: сформулировали четкие критерии отграничения разных способов друг от друга, сгруппировали их и дали развернутую характеристику каждому из способов. Теперь в зависимости от способа образования можно разделить по группам имеющиеся виды юридических лиц. И самое главное – для каждого вида юридических лиц можно закрепить специфический способ образования, исходя из преследуемых ими целей (как это было сделано в советский период), систематизировав законодательство Российской Федерации в этой части.

Библиография

Административный регламент предоставления Министерством юстиции Российской Федерации государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций: утв. приказом Министерства юстиции России от 30 декабря 2011 г. № 455 (с изм. от 8 апреля 2014 г.) // Рос. газ. 2012. 16 марта.

Бондаренко Д. Б. Практические вопросы регистрации учредительных документов юридических лиц // Право и экономика. 2006. № 4.

Вольман И. С., Марков Н. О., Могилевский М. О., Никольский Д. П. Гражданское право. Популярная лекция для самообразования. Спб., 1904.

Гражданский кодекс РСФСР: утв. постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР от 11 ноября 1922 г. // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1922. № 256.

¹ Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 91–111.

² Синайский В. И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 117.

Гражданский кодекс РСФСР: утв. Законом РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.

Гражданское право: учеб.: в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 1998. Т. 1. *Дернбург Г.* Пандекты. Т. 1: Общая часть / пер. Г. фон Рехенберга. М., 1906.

Ефимов В. В. Догма римского права: лекции. Спб., 1899.

Кашанина Т. В. Корпоративное право (Право хозяйственных товариществ и обществ): учеб. для вузов. М., 1999.

Ландкоф С. Н. Гражданский кодекс РСФСР. Научный комментарий (с учетом гражданских кодексов союзных республик). Вып. III: Субъекты прав (лица) / под ред. С. М. Прушицкого, С. И. Раевича. М., 1928.

Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. М., 1997. Ч. 1.

Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М., 2002.

О банках и банковской деятельности в РСФСР: Закон РСФСР от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1990. № 27. Ст. 357.

О государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 145-ФЗ (с изм. от 14 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3582.

О защите конкуренции: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (в ред. от 5 октября 2015 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. I). Ст. 3434.

О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

О потребительской кооперации: Декрет Центрального Исполнительного Комитета СССР и Совета Народных Комиссаров СССР от 20 мая 1924 г. // Известия Центрального Исполнительного Комитета СССР и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1924. № 114.

О правовых ограничениях, устанавливаемых для торговых и торгово-промышленных предприятий: постановление Народного комиссариата торговли и промышленности РСФСР от 20 апреля 1918 г.: утв. Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР от 30 июня 1918 г. // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР. 1918. № 134.

О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ (с изм. от 22 декабря 2014 г.) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.

О регистрации общественных объединений в РСФСР и регистрационном сборе: постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2057-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 299.

О регистрации торговых и промышленных предприятий (Положение): Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 27 июля 1918 г. // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР. 1918. № 175.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.

Положение о производственном объединении (комбинате): утв. постановлением Совета Министров СССР от 27 марта 1974 г. № 212 // Собр. постановлений Правительства СССР. 1974. № 8. Ст. 38.

Положение о социалистическом государственном производственном предприятии: утв. постановлением Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 731 // Собр. постановлений Правительства СССР. 1965. № 19–20. Ст. 155.

Положение о торговой регистрации: утв. Советом Народных Комиссаров СССР 20 октября 1925 г. // Известия Центрального Исполнительного Комитета СССР и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1925. № 283.

Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право: базовый учеб. / пер. с македон. В. А. Томсинова, Ю. В. Филиппова. М., 1999.

Синайский В. И. Русское гражданское право. М., 2002.

Советское гражданское право: учеб. для вузов: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. О. А. Красавчикова. М., 1985. Т. 1.

Субъекты гражданского права / под ред. С. Н. Братуся. М., 1984.

Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000.

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995.

Якушев В. С. Юридическая личность государственного производственного предприятия. Свердловск, 1973.

Bibliography

Administrativnyj reglament predostavleniya Ministerstvom yusticii Rossijskoj Federacii gosudarstvennoj uslugi po prinyatiyu resheniya o gosudarstvennoj registracii nekommercheskix organizacij: utv. prikazom Ministerstva yusticii Rossii ot 30 dekabrya 2011 g. № 455 (s izm. ot 8 aprelya 2014 g.) // Ros. gaz. 2012. 16 marta.

Bondarenko D. B. Prakticheskie voprosy registracii uchreditel'nyx dokumentov yuridicheskix lic // Pravo i ehkonomika. 2006. № 4.

Dernburg G. Pandekty. T. 1: Obshhaya chast' / per. G. fon Rensenberga. M., 1906.

Efimov V. V. Dogma rimskogo prava: lekcii. Spb., 1899.

Grazhdanskij kodeks RSFSR: utv. postanovleniem Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta RSFSR ot 11 noyabrya 1922 g. // Izvestiya Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta. 1922. № 256.

Grazhdanskij kodeks RSFSR: utv. Zakonom RSFSR ot 11 iyunya 1964 g. // Vedomosti Verxovnogo Soveta RSFSR. 1964. № 24. St. 406.

Grazhdanskoe pravo: ucheb.: v 2 t. 2-e izd., pererab. i dop. / otv. red. E. A. Suxanov. M., 1998. T. 1.

Kashanina T. V. Korporativnoe pravo (Pravo xozyajstvennyx tovarishhestv i obshhestv): ucheb. dlya vuzov. M., 1999.

Landkof S. N. Grazhdanskij kodeks RSFSR. Nauchnyj kommentarij (s uchetom grazhdanskix kodeksov soyuznyx respublik). Vyp. III: Sub"ekty prav (lica) / pod red. S. M. Prushickogo, S. I. Raevicha. M., 1928.

Mejer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. M., 1997. Ch. 1.

Novickaya T. E. Grazhdanskij kodeks RSFSR 1922 goda. M., 2002.

O bankax i bankovskoj deyatel'nosti v RSFSR: Zakon RSFSR ot 2 dekabrya 1990 g. № 395-1 // Vedomosti SND RF i VS RF. 1990. № 27. St. 357.

O gosudarstvennoj kompanii «Rossijskie avtomobil'nye dorogi» i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 17 iyulya 2009 g. № 145-FZ (s izm. ot 14 dekabrya 2015 g.) // SZ RF. 2009. № 29. St. 3582.

O nekommercheskix organizacijax: Federal'nyj zakon ot 12 yanvarya 1996 g. № 7-FZ (v red. ot 30 dekabrya 2015 g.) // SZ RF. 1996. № 3. Ct. 145.

O potrebitel'skoj kooperacii: Dekret Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta SSSR i Soveta Narodnyx Komissarov SSSR ot 20 maya 1924 g. // Izvestiya Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta SSSR i Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta. 1924. № 114.

O pravovyx ogranicheniyax, ustanavlivaemyx dlya togovyx i toгово-promyshlennyx predpriyatij: postanovlenie Narodnogo komissariata togovli i promyshlennosti RSFSR ot 20 aprelya 1918 g.: utv. Dekretom Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta RSFSR ot 30 iyunya 1918 g. // Izvestiya Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta RSFSR. 1918. № 134.

O professional'nyx soyuzax, ix pravax i garantiyax deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 12 yanvarya 1996 g. № 10-FZ (s izm. ot 22 dekabrya 2014 g.) // SZ RF. 1996. № 3. St. 148.

O registracii obshhestvennyx ob"edinenij v RSFSR i registracionnom sbore: postanovlenie Verxovnogo Soveta RSFSR ot 12 dekabrya 1991 g. № 2057-1 // Vedomosti SND RF i VS RF. 1992. № 7. St. 299.

O registracii togovyx i promyshlennyx predpriyatij (Polozhenie): Dekret Soveta Narodnyx Komissarov RSFSR ot 27 iyulya 1918 g. // Izvestiya Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta RSFSR. 1918. № 175.

O zashhite konkurencii: Federal'nyj zakon ot 26 iyulya 2006 g. № 135-FZ (v red. ot 5 oktyabrya 2015 g.) // CZ RF. 2006. № 31 (Ch. I). St. 3434.

Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. M., 1998.

Polozhenie o proizvodstvennom ob"edinenii (kombinate): utv. postanovleniem Soveta Ministrov SSSR ot 27 marta 1974 g. № 212 // Sobr. postanovlenij Pravitel'stva SSSR. 1974. № 8. St. 38.

Polozhenie o socialisticheskom gosudarstvennom proizvodstvennom predpriyatii: utv. postanovleniem Soveta Ministrov SSSR ot 4 oktyabrya 1965 g. № 731 // Sobr. postanovlenij Pravitel'stva SSSR. 1965. № 19–20. St. 155.

Polozhenie o togovoj registracii: utv. Sovetom Narodnyx Komissarov SSSR 20 oktyabrya 1925 g. // Izvestiya Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta SSSR i Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta. 1925. № 283.

Puxan I., Polenak-Akimovskaya M. Rimskoe pravo: bazovyj ucheb. / per. s makedon. V. A. Tomsinova, Yu. V. Filippova. M., 1999.

Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. M., 1995.

- Sinajskij V. I.* Russkoe grazhdanskoe pravo. M., 2002.
Sovetskoe grazhdanskoe pravo: ucheb. dlya vuzov: v 2 t. 3-e izd., ispr. i dop. / pod red. O. A. Krasavchikova. M., 1985. T. 1.
Sub"ekty grazhdanskogo prava / pod red. S. N. Bratusya. M., 1984.
Suvorov N. S. Ob yuridicheskix licax po rimskomu pravu. M., 2000.
Vol'man I. S., Markov N. O., Mogilevskij M. O., Nikol'skij D. P. Grazhdanskoe pravo. Populyarnye lekcii dlya samoobrazovaniya. Spb., 1904.
Yakushev V. S. Yuridicheskaya lichnost' gosudarstvennogo proizvodstvennogo predpriyatiya. Sverdlovsk, 1973.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДИСКУССИЙ О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА КАК ОТРАСЛИ ПРАВА

Вихарев Алексей Андреевич

Соискатель кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: 1304050@gmail.com

Рассматриваются догматические споры о самостоятельности семейного права как отрасли и их последствия. На основании интерпретации ряда правовых позиций высшей судебной инстанции автор делает вывод о том, что зачастую они инспирированы, в частности, догматикой права, что не во всех случаях приводит к положительным результатам. В заключение автор предлагает прагматическое решение: установить опровержимую презумпцию допустимости применения норм гражданского права к семейным отношениям.

Ключевые слова: семейное право, неимущественные отношения

CONSEQUENCES OF DOCTRINAL DISPUTES ABOUT FAMILY LAW AS A BRANCH OF LAW

Vikharev Aleksey

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: 1304050@gmail.com

The dogmatic disputes about family law as a branch of law and their consequences are considered. Basing on the analysis of several precedents of the supreme court, the author concludes that interpreted cases are mostly inspired by dogmatic thesis stating family law being a branch of law different from civil law. The article points out negative outcome dogma has on domestic, marriage and family relations. In conclusion the author proposes a pragmatic solution: civil law prima facie is an appropriate instrument in domestic, marriage and family relations regulation.

Key words: family law, non-property relations

Вопрос о самостоятельности отрасли семейного права в контексте отрыва его от права гражданского до настоящего времени является дискуссионным. Многочисленные версии о соотношении права гражданского и права семейного могут быть распределены по некой шкале, на которой один край будет отметкой безоговорочного вхождения права семейного в состав права гражданского и далее по мере ослабления такого поглощения вплоть до полного отрицания относимости к гражданскому праву так, как если бы речь шла о соотношении права гражданского и права фискального¹.

Представляется, что в настоящее время доминирующая позиция доктрины частного права сводится к тезису о самостоятельном характере семейного права как отрасли права. Этот вывод обосновывается:

¹ В значительной степени напоминает формулировку п. 1 ст. 11 Налогового кодекса РФ о том, что институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в указанном кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено тем же кодексом. При этом фактическое применение правил показывает, что подавляющее большинство таких понятий, институтов и терминов имеют в контексте налогового права иное значение.

спецификой семейных отношений: их основу составляют права в брачно-семейных отношениях, права из которых неотчуждаемы, непередаваемы другим лицам, к ним не применимы такие институты гражданского права, как купля-продажа, дарение, завещание неимущественных прав¹;

особенностями метода регулирования семейных отношений, особыми основаниями возникновения, изменения, прекращения семейных правоотношений (специфика юридических фактов – брак, рождение, усыновление и т. п.), специальным субъектным составом (супруги, бывшие супруги, бабушки, дети и т. п.), объектами и пр.²;

особенностями экономической составляющей семейных правоотношений, которая, в отличие от таковой в гражданских, не превалирует в механизме правового регулирования, а также различием целей, преследуемых нормами гражданского и семейного права³.

Существуют иные, менее фундаментальные версии обоснования, базирующиеся на тезисе о наличии кодифицированного отраслевого акта или же на интерпретации позиций высших судебных инстанций⁴.

Конечно, есть группа оппонентов, хотя и немногочисленная, которые считают, что нет оснований для выделения семейного права в самостоятельную отрасль, так как семейным и гражданским правом регулируется в целом тождественный круг отношений (имущественные и неимущественные); семейные и гражданские правоотношения строятся на основе равенства субъектов; в семейно-правовом регулировании используются характерные для гражданского права императивный и диспозитивный методы и т. д. Основываясь на этом, О. С. Иоффе, М. В. Антокольская, А. П. Сергеев, Н. Д. Егоров, И. В. Спасибо-Фатеева, И. В. Жилинкова и др. считают семейное право подотраслью права гражданского⁵.

В чем же суть данной дискуссии и каков утилитарный эффект от принятия той или иной позиции? Видится, что указанные вопросы являются наиболее важными.

По нашему мнению, формирующаяся практика применения норм семейного права, к глубочайшему сожалению, демонстрирует следование настроению большинства в доктринальной дискуссии – версии о самостоятельном характере семейного права как отрасли, что не во всех случаях приводит к положительным результатам.

В целом суть дискуссии о самостоятельности семейного права как отрасли может быть разъяснена исходя из смысла ст. 4 Семейного кодекса РФ, которая декларирует допустимость применения к имущественным и личным неимущественным отношениям

¹ В Комментариях к Семейному кодексу фактически воспроизведены мнения таких советских ученых, как П. И. Стучка, Е. М. Ворожейкин, В. А. Рясенцев (Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) (постатейный) / О. Г. Алексеева, Л. В. Заец, Л. М. Звягинцева и др.; под ред. С. А. Степанова. М., 2015).

² Беспалов Ю. Ф. К вопросу о предмете семейного права // Семейное и жилищное право. 2013. № 6. С. 2–5; Пчелинцева Л. М. Семейное право России: учеб. для вузов. М., 2000.

³ Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007.

⁴ Действительно, по формальному, несколько пандектному, признаку «возглавляемую» кодифицированным законодательным актом группу юридических правил принято относить к самостоятельной отрасли права с соответствующими собственными предметом и методом. Однако подобная методология выделения самостоятельных отраслей права представляется сомнительной. Видится заслуживающим внимания тезис о том, что существо нормативного регулирования определяется природой отношений, а не позицией законодателя или правоприменителя. Позиция последних может совпасть с действительностью, а может быть ошибочной. Исторические примеры весьма показательны: попытка регулирования экономических отношений публичными инструментами привела к достаточно печальным событиям.

⁵ Иоффе О. С. Советское гражданское право: курс лекций. Л., 1964; Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975 (Следует отметить, что О. С. Иоффе не был категоричен в определении семейного права как подотрасли гражданского. В частности, ученый отмечал, что, например, алиментные обязательства выходят за гражданско-правовые конструкции обязательственного права.); Гражданское право: учеб.: в 3 ч. / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М., 1996; Харьковская цивилистическая школа: в духе традиций: моногр. / под ред. И. В. Спасибо-Фатеевой. Харьков, 2011.

между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, правил гражданского законодательства постольку, поскольку это не противоречит *существу семейных отношений*.

Значение последнего тезиса преувеличивается, зачастую в отсутствие надлежащего политико-правового, а иногда и догматического обоснования обнаруживается «противоречие норм гражданского законодательства существу семейных отношений» и в применении норм права гражданского к семейным отношениям отказывается в категорической форме посредством формулирования однозначной правовой позиции.

Продemonстрируем это на нескольких примерах.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2012 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2012 г.) на вопрос о допустимости применения ст. 333 Гражданского кодекса РФ к отношениям, возникающим в связи с взысканием неустойки, предусмотренной п. 2 ст. 115 Семейного кодекса РФ, был дан отрицательный ответ. Верховный Суд РФ в подтверждение собственной позиции привел следующие доводы:

цели установления алиментных обязательств и особенности причин, по которым они устанавливаются (социально уважительные причины);

специальный характер неустойки как меры семейно-правовой ответственности, гарантирующей осуществление прав уполномоченных лиц на получение содержания;

отсутствие прямого указания на возможность уменьшения размера неустойки.

Такое обоснование является более чем спорным. Единственный тезис, который, возможно, заслуживает поддержки и усматривается из приведенного обоснования, – «необходимость беспощадно наказывать неплательщиков алиментов». При соотношении интереса просрочившего выплаты плательщика алиментов, заключающегося в уменьшении размера ответственности ($\frac{1}{2}$ % в день – это примерно 180 % годовых), и интереса получателя алиментов в своевременности получения такого содержания Верховный Суд РФ практически безальтернативно устанавливает «ставку процентов годовых» в размере, значительно более высоком, чем взимают ростовщики.

По всей видимости, такой подход (дисциплинирование плательщиков алиментов через создание значительной санкции имущественного характера) базируется на посылке о том, что подобная угроза простимулирует надлежащее исполнение обязанности по уплате алиментов. Вместе с тем нет уверенности, что увеличение размера санкции за противоправное поведение во всех случаях приводит к позитивному эффекту и является справедливым.

Представляется, что обнаружение баланса интересов сторон, тонкая настройка правил – главная задача правоприменителя. Однако данный методологический аспект не обнаруживается в сформулированной безальтернативно правовой позиции Верховного Суда РФ.

Полагаем, что в обоснование интерпретации правил п. 2 ст. 115 Семейного кодекса РФ и ст. 333 Гражданского кодекса РФ могут быть положены иные ориентиры. Следует задать вопросом: справедливо ли устанавливать такое правило на все случаи просрочки уплаты алиментов и по отношению ко всем видам алиментов, независимо от особенностей получателя такого рода содержания. Само соотношение интересов алиментобязанных лиц и получателей алиментов может значительно отличаться в зависимости от семейно-правового положения таковых; указанные лица могут оказаться в самых различных жизненных ситуациях. Почему не учесть указанное очевидное обстоятельство и не оставить некий «зазор» для суда, допустив применение ст. 333 Гражданского кодекса РФ хотя бы в исключительных случаях? Кроме того, остается вопрос по содержанию са-

мого закона: ведь Семейный кодекс РФ в ст. 119 допускает изменение размера уплачиваемых алиментов, причем, обратите внимание, суммы основного долга. Почему же суд не может повлиять на размер неустойки?

Видится, что результат интерпретации, предложенный Верховным Судом РФ, инспирированный, в частности, тезисом о самостоятельности отрасли семейного права, вряд ли привел к улучшению ситуации с алиментными платежами. Представляется, что в ситуации с уплатой алиментов имел место обратный эффект. Алиментобязанные лица, испытывая внутренний протест против такой очевидно несправедливой санкции, без сомнения, предпримут максимум усилий для того, чтобы не платить ни суммы штрафных санкций, ни суммы алиментов, при этом в душе они будут искренне верить в то, что они поступают правильно. Ведь нет ничего важнее справедливости. При неснижаемой неустойке показатель, используемый для ее определения, не имеет значения, будь то ½ % или 5 % в день, эффект будет абсолютно одинаковый: суммы выплаченных алиментов будут уменьшаться.

Решение, предложенное Верховным Судом РФ, может стать поводом для обращения в Конституционный Суд РФ, который в последнее время достаточно часто апеллирует к вытекающим из Конституции РФ принципам справедливости, соразмерности и индивидуализации ответственности¹. Верховный Суд РФ не учел указанные принципы, присущие, без сомнения, и гражданскому, и семейному праву, одним росчерком пера фактически сделал правило об ответственности за неуплату алиментов универсальным, а в ряде случаев крайне несправедливым, несоразмерным и обезличенным.

Представляется, что более верным с политико-правовой точки зрения было бы сведение разъяснения по обозначенному вопросу к простому утверждению: *«Не снижайте без веских причин присуждаемую неустойку, пусть такие случаи будут исключительными, учитывайте всю палитру обстоятельств и причин, по которым имела место просрочка исполнения обязанности»*. Вероятно, одной из главных причин формулирования правовой позиции о недопустимости применения правил ст. 333 Гражданского кодекса РФ к отношениям, связанным с взысканием неустойки за просрочку уплаты алиментов, выступает тезис о самостоятельности семейного права как отрасли права. Положителен ли эффект от такой правовой позиции? Вряд ли, по меньшей мере не в текущей, фактически безальтернативной, версии.

Линия на отторжение права семейного от права гражданского продолжается Верховным Судом РФ и в настоящее время. Совсем недавно имел место очень показательный сюжет.

Появление правила п. 1 ст. 308³ Гражданского кодекса РФ, допускающего присуждение в случае неисполнения решения суда, предписывающего совершить или воздержаться от совершения определенных действий, особого судебного штрафа², подлежащего взысканию в пользу истца (кредитора по соответствующему обязательству, независимо от его разновидности), должно было придать «второе дыхание» требованиям о защите прав, вытекающих из семейных отношений. Ведь ни для кого не секрет, что наиболее сложно исполнимы решения судов по семейным спорам. Именно в таких де-

¹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П по делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» // СПС «КонсультантПлюс».

² В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств» в отношении санкции, предусмотренной п. 1 ст. 308³ Гражданского кодекса РФ, используется термин «судебная неустойка».

лах должники, осознавая «иллюзорность» уголовной ответственности за неисполнение судебного акта, незначительный характер административных взысканий, открыто игнорируют судебные акты об определении места жительства детей, о порядке общения с детьми и многие другие. Казалось бы, вот он, тот самый инструмент, который позволит «сломить» волю любого должника и в условиях беспомощности права публичного добиться исполнения решения суда через право частное.

Однако Верховный Суд РФ в п. 30 постановления Пленума от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» привел следующее суждение: *«Поскольку по смыслу пункта 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса РФ судебная неустойка может быть присуждена только на случай неисполнения гражданско-правовых обязанностей, она не может быть установлена... при разрешении... семейных споров, вытекающих из личных неимущественных отношений между членами семьи».*

Данная правовая позиция является очень спорной, причем не только и не столько с точки зрения политико-правового или догматического обоснования; таковое, к сожалению, ни в тексте, ни в сопутствующих разработке проекта указанного постановления дискуссиях не обнаруживается. Видится достоверным предположение о том, что с учетом перечня отношений, к которым, по мнению Верховного Суда РФ, правило п. 1 ст. 308³ Гражданского кодекса РФ не применяется¹, соответствующий вывод основан на буквальной интерпретации закона, применяемого глоссаторами и сторонниками школы экзегезы.

Вместе с тем подобный вывод противоречит тексту самого Семейного кодекса РФ. В ст. 4 Семейного кодекса РФ закреплено, что *существо регулируемых им отношений* определяет, допустимо ли применение к ним правил гражданского законодательства. В обозначенном постановлении обнаруживается абсолютно иная логика: *«Поскольку по смыслу пункта 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса РФ судебная неустойка может быть присуждена только на случай неисполнения гражданско-правовых обязанностей»*, т. е., по мнению интерпретаторов, допустимость применения правил указанной нормы к семейным отношениям обуславливается не существом последних, а содержанием гражданского закона. В ранее приведенном Обзоре 2012 г. было хоть какое-то обоснование. В 2016 г. обоснование уже редуцировано до привычного из практики Высшего Арбитражного Суда РФ «по смыслу».

Такой подход вызывает искреннее сожаление. Представляется, что значимый политико-правовой и догматический анализ предложенного правила не осуществлялся, что усматривается из содержания акта абстрактного толкования закона. Во-первых, толкование в основном осуществляется в контексте предпринимательских отношений, граждан в его содержании просто нет. Во-вторых, большую часть положений, закрепленных в указанном постановлении, можно обнаружить в конкретных делах, рассмотренных ушедшим в прошлое Высшим Арбитражным Судом РФ или Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ (а не Судебной коллегией по гражданским делам). Эти обстоятельства и позволяют предположить, что основной инструментальный формирования правовой позиции по применению правил п. 1 ст. 308³ Гражданского кодекса РФ находится в сфере буквального толкования закона и тезиса о недопустимости смешения, перекрестного применения норм различной отраслевой принадлежности.

Обоснован ли обозначенный в п. 30 постановления вывод об исключении возможности применения правил п. 1 ст. 308³ Гражданского кодекса РФ к семейным отношениям?

¹ В п. 30 указанного постановления перечислены споры административного характера, трудовые, пенсионные споры, а также споры, связанные с социальной поддержкой.

Очень сомнительно. По меньшей мере, делать такие однозначные выводы в отсутствие надлежащей проработки не стоило.

Существуют и иные обстоятельства, подтверждающие спорный характер вывода Верховного Суда РФ.

Во-первых, следовало принять во внимание историю появления правила п. 1 ст. 308³ Гражданского кодекса РФ и его правовую природу, в значительной степени процессуальную. Общеизвестно, что указанное правило выступает попыткой имплементации в российский правовой порядок «изобретенного» французскими судами и получившего распространение в континентальной Европе инструмента *astreinte*. Основная задача *astreinte* – принуждение должника к добровольному исполнению судебного акта, который не может быть исполнен без его участия, причем применение такого инструмента не ограничивается частноправовыми спорами. Именно в таком виде данный инструмент был впервые закреплен в весьма смелом и ныне утратившем силу постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта».

Во-вторых, введение *astreinte* в российское право с его применением, в частности, к семейным спорам представляется вопросом решенным. В п. 60.6 Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ, одобренной решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1), прямо предусмотрена необходимость включения «нового вида санкций в исполнительном производстве, появившихся в судебной практике арбитражных судов в связи с принятием постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.04.2014 года № 22 „О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта“». Если уж введение такого правила неизбежно, зачем его откладывать? По меньшей мере, избранный способ более чем сомнителен.

В текущем распределении «доктринальных сил» будет чрезвычайно сложно перебороть представление о том, что семейное право – самостоятельная отрасль права. Есть кодекс, написаны учебники, комментарии, где-то даже кафедры семейного права созданы. Идея о самостоятельном характере семейного права повлияла не только на доктрину, но и на внешние проявления науки права.

Нужно признать, что возврат права семейного в лоно права гражданского очень сложен, такой результат практически недостижим. Вместе с тем негативные последствия отторжения семейного права от права гражданского должны быть минимизированы посредством расширения сферы применения норм гражданского законодательства к семейным отношениям с использованием различных инструментов: прямое применение норм, аналогия закона, аналогия права или же «универсальность воли законодателя». Очевидно, что для этого имеются предпосылки как догматического (природа семейных отношений, методологическая основа регулирования семейных отношений), так и исключительно утилитарного, политико-правового характера¹. Текущее правоприменение, основанное на идее самостоятельности семейного права, в отдельных случаях приводит к результатам, которые не могут быть оценены как позитивные, а также провоцирует необходимость формирования самостоятельного инструментария для регулирования семейных отношений как имущественного, так и неимущественного характера.

Вместе с тем гражданский закон располагает огромным потенциалом, значительным количеством полезных правил, которые прошли испытание временем, сформированы правовые позиции относительно их применения. Представляется, что многие нормы

¹ На данный момент решительно невозможно определить, кто же является «бенефициаром» тезиса о самостоятельности семейного права как отрасли. При этом участники семейных отношений каких-либо позитивных последствий от такого установления не испытывают.

права гражданского могли бы упростить жизнь людей, внести в нее определенность, наметить понятные рамки поведения. Существующее же в настоящее время практически полное отвержение права гражданского как инструмента регулирования семейных отношений вряд ли приведет к каким-либо позитивным результатам, что особенно ярко проявляется в сфере регулирования неимущественных отношений. В частности, гражданский закон сам еще только «учится» регулировать неимущественные отношения и, надо сказать, за последние 5–10 лет достаточно в этом преуспел по сравнению с тем, что было лет 20 назад. Конечно, можно игнорировать указанный опыт и пытаться выработать «семейственно-правовую идеологию», метод регулирования, создать свои инструменты. Вопрос в другом: кто «заплатит» за такого рода эксперименты? Пока теоретики спорят, рушатся судьбы конкретных людей.

Первым осторожным шагом на пути сближения права семейного и права гражданского могло бы стать формирование на уровне правовой позиции высшей судебной инстанции *опровержимой презумпции допустимости применения норм гражданского права к семейным отношениям* с возложением обязанности по опровержению таковой на суд, который намерен отказаться от применения этих норм. Рано или поздно, используя эту презумпцию, суды «нащупают» критерии недопустимости применения данных норм. В частности, одним из наиболее значимых критериев является стремление оградить отечественное семейное право, его исторические, национальные и культурные составляющие от чрезмерной и необоснованной коммерциализации отношений между членами семьи, что имеет место в правовых системах отдельных стран. Указанный критерий чрезвычайно актуален, особенно в свете обстоятельств принятия последних изменений в Гражданский кодекс РФ, дискуссий о возможности и обоснованности имплементации норм иностранного права в российское законодательство, которые происходили и идут в отечественной научной литературе. Зачастую такого рода стремления, даже обусловленные самыми благими намерениями, будучи положенными на российскую культурную основу, пагубно сказываются на правовой системе в целом. Видится важным беречь культурные, исторические особенности, отраженные в российском праве, от неоправданных нападков, прежде всего сторонников англосаксонских правовых систем, чьи мотивы зачастую имеют весьма сомнительную природу.

Представляется, что в такой модели определения допустимости применения норм права гражданского к семейным отношениям все достаточно быстро встанет на свои места: суды, будучи значительно перегруженными, просто не будут опровергать предлагаемую презумпцию или же будут опровергать ее только в вопиющих случаях, что в результате приведет к более интенсивному применению норм гражданского права к семейным отношениям.

Именно такой итог наиболее вероятен, причем не в силу того, что суды, будучи ограниченными во временных и иных ресурсах, не будут склонны к обоснованию недопустимости применения норм права гражданского к семейным отношениям, но в связи с близостью права семейного и права гражданского как частноправовых отраслей права, в силу естественных причин. Подобный подход максимально приблизит право семейное к праву гражданскому, при этом доктринальный аспект такого сближения будет затронут в минимальной степени, мнения дискутирующих сторон будут учтены: с одной стороны, сохранится доминирующая точка зрения о самостоятельности семейного права как отрасли, с другой – оппоненты данной позиции также получают некую научную сатисфакцию. В конечном счете при подобном исходе правоприменитель получит возможность эмпирическим путем произвести селекцию применимых правил гражданского права, законодатель – время для проработки концептуальных вопросов реформы семейного права; конечно же, выиграет и главный «потребитель» норм права семейного – человек.

Библиография

- Беспалов Ю. Ф.* К вопросу о предмете семейного права // Семейное и жилищное право. 2013. № 6.
Гражданское право: учеб.: в 3 ч. / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М., 1996.
Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975.
Иоффе О. С. Советское гражданское право: курс лекций. Л., 1964.
Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) (постатейный) / О. Г. Алексеева, Л. В. Заец, Л. М. Звягинцева и др.; под ред. С. А. Степанова. М., 2015.
Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007.
Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П по делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» // СПС «КонсультантПлюс».
Пчелинцева Л. М. Семейное право России: учеб. для вузов. М., 2000.
Харьковская цивилистическая школа: в духе традиций: моногр. / под ред. И. В. Спасибо-Фатеевой. Харьков, 2011.

Bibliography

- Bespalov Yu. F.* K voprosu o predmete semejnogo prava // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2013. № 6.
Grazhdanskoe pravo: ucheb.: v 3 ch. / pod red. Yu. K. Tolstogo, A. P. Sergeeva. M., 1996.
Ioffe O. S. Obyazatel'svennoe pravo. M., 1975.
Ioffe O. S. Sovetskoe grazhdanskoe pravo: kurs lekcij. L., 1964.
Kommentarij k Semejnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (uchebno-prakticheskij) (postatejnyj) / O. G. Alekseeva, L. V. Zaec, L. M. Zvyaginceva i dr.; pod red. S. A. Stepanova. M., 2015.
Nechaeva A. M. Semejnoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki. M., 2007.
Pchelinceva L. M. Semejnoe pravo Rossii: ucheb. dlya vuzov. M., 2000.
Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 2 iyunya 2015 g. № 12-P po delu o proverke konstitucionnosti chasti 2 stat'i 99, chasti 2 stat'i 100 Lesnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i polozhenij postanovleniya Pravitel'stva Rossijskoj Federacii «Ob ischislenii razmera vreda, prichinennogo lesam vsledstvie narusheniya lesnogo zakonodatel'stva» v svyazi s zhaloboj obshhestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Zapolyarneft'» // SPS «Konsul'tantPlyus».
Xar'kovskaya civilisticheskaya shkola: v duxe tradicij: monogr. / pod red. I. V. Spasibo-Fateevoj. Xar'kov, 2011.

ОБ ОТНЕСЕНИИ ДОМЕННЫХ ИМЕН К ОБЪЕКТАМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Зыков Сергей Викторович

Младший научный сотрудник сектора правовых исследований
социально-экономических процессов Института философии и права
Сибирского отделения РАН, старший преподаватель Новосибирского национального
исследовательского государственного университета (Новосибирск),
e-mail: Zykovsv@yandex.ru

Рассматриваются проблемы законодательного регулирования доменных имен в Российской Федерации. При анализе судебной практики делается вывод об отсутствии правовой защиты добросовестных администраторов доменных имен. Признавая необходимость охраны доменных имен, автор утверждает, что она не должна быть регистрационной, как предлагалось в начальной редакции проекта части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: доменные имена, интеллектуальная собственность, средства индивидуализации, товарные знаки

ON THE ASSIGNMENT OF DOMAIN NAMES TO OBJECTS OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

Zykov Sergey

National Research Novosibirsk State University (Novosibirsk),
e-mail: Zykovsv@yandex.ru

The problems of legal regulation of domain names in the Russian Federation are considered. Analyzing judicial practice the author concludes that there is a lack of legal protection of conscientious administrators of domain names. Recognizing the need for the protection of domain names he claims that it should not be a registration as proposed in the initial draft of fourth part of the Civil Code of the Russian Federation.

Key words: domain names, intellectual property, means of identification, trademarks

Вопрос о доменных именах как объектах права был поднят в ряду общих проблем регулирования отношений в Интернете. Импульсом послужила также разработка проекта части четвертой Гражданского кодекса РФ, который первоначально предусматривал введение их в качестве средств индивидуализации информационных ресурсов (с одновременным указанием на техническую функцию как средства адресации: параграф 5 гл. 76; ст. 1542–1551 разд. VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации»¹). Таким образом, была предпринята попытка «вписать» доменные имена в стройную систему объектов интеллектуальных прав в качестве средств индивидуализации. В принятой редакции раздела параграф был исключен.

Была установлена опосредованная охрана: доменные имена упоминались в подп. 3 п. 9 ст. 1483 ГК РФ в первоначальной редакции в качестве основания отказа в регистра-

¹ Проект № 323423-4 Гражданского кодекса Российской Федерации. Часть четвертая // URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?penAgent&RN=323423-4&02>.

ции товарного знака; спустя несколько лет законодатель отказался и от такой правовой конструкции¹.

Отношения по регистрации доменных имен в зонах «.ru» и «.рф» регулируются локальными нормативными актами, определяющими их исключительно через техническую функцию: «символьное обозначение, предназначенное для сетевой адресации, в которой используется система доменных имен (DNS)»². Отметим интересный момент: поскольку в зоне «.рф» был установлен период приоритетной регистрации для обладателей прав на товарные знаки и фирменные наименования, то отказ от реализации указанных возможностей учитывается отечественным правоприменителем при оспаривании доменных имен, зарегистрированных иными лицами.

Зарубежные правовые системы признают доменные имена объектами прав, но чаще всего не исключительных, а *sui generis*, не рассматривая их в качестве полноценного средства индивидуализации. Действительно, простое приравнивание доменных имен к средствам индивидуализации не выглядит адекватным решением, о чем будет сказано ниже.

Следует подчеркнуть, что не только указанные причины послужили мотивом изменения редакции законопроекта, хотя в одном из заключений прямо говорилось о проблематичности признания доменных имен объектом интеллектуальной собственности на основе регистрации «в рамках системы и по правилам, установленным американской Корпорацией по распределению адресного пространства сети Интернет»³. В литературе также отмечается, что основной причиной отказа от придания правовой охраны данным объектам послужили возражения партнеров по переговорам о вступлении в ВТО, которые считали, что как прямая, так и косвенная охрана доменных имен может ущемить права на товарные знаки⁴.

Закономерно, что и правоприменитель относится к доменным именам не слишком благосклонно. При анализе судебной практики можно увидеть, в частности, что в пересмотре решений, вынесенных против администраторов доменных имен, ныне упраздненный Высший Арбитражный Суд РФ систематически отказывал⁵. Определенное стремление защитить интересы администраторов доменных имен все же просматривается. Так, в постановлении Президиума ВАС РФ от 8 декабря 2009 г. № 9833/09 была закреплена крайне благоприятная по отношению к ним правовая позиция, согласно которой в случае приоритета доменного имени в требованиях обладателя прав на товарный знак может быть отказано без процедуры оспаривания регистрации последнего, что совсем нетипично для других споров, связанных с товарным знаком. Однако этот судебный акт, как и вынесенные со ссылкой на него, опирались на упоминавшуюся норму о возможности противопоставления доменного имени товарному знаку, не действующую в настоящее время.

Вторым импульсом к разработке вопроса о доменных именах могла бы послужить правовая позиция Суда по интеллектуальным правам, выпустившего в марте 2014 г.

¹ О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 4 октября 2010 г. № 259-ФЗ // Рос. газ. 2010. 8 окт.

² Правила регистрации доменных имен в доменах .ru и .рф: утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет № 2011-18/81 от 5 октября 2011 г. // URL: <http://cctld.ru>.

³ Заключение Комитета по экономической политике, предпринимательству и туризму от 11 сентября 2006 г. № 3.8-16/924 на проект № 323423-4 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Павлова Е. А., Шиловост О. Ю. Четвертая часть ГК: итоги переговоров по ВТО // Патенты и лицензии. 2008. № 7. С. 7.

⁵ Герцева Е. Н., Гринкевич А. П. Доменные споры. Судебная практика в России. М., 2014. С. 24–25.

разъяснения по этой теме¹. В п. 3 справки предусмотрено использование положений Единой политики по разрешению споров в связи с доменными именами (Uniform Domain-Name Dispute Resolution Policy, UDRP)², одобренной Международной корпорацией по присвоению имен и адресов (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN). Особо оговаривается применение § 4(a), 4(b) и 4(c) UDRP.

В литературе справедливо отмечается, что указанный акт не относится к числу тех, которые вправе применять наши суды³, тем не менее целесообразность этого в существующей ситуации не вызывает сомнений. На наш взгляд, на него можно ссылаться в качестве обычая, хотя было бы предпочтительно нормативно закрепить такую возможность либо ввести аналогичные положения.

Однако если мы обратимся к практике рассмотрения споров по доменным именам тем же Судом по интеллектуальным правам, то увидим, что, говоря о законном интересе обладателя прав на доменное имя, Суд подразумевает наличие прав на иное средство индивидуализации, в нем использованное⁴. При этом последующая регистрация товарного знака владельцем домена не исключает его ответственности перед обладателем ранее зарегистрированного товарного знака⁵. В тех немногих делах, где признается правомерность использования доменного имени при наличии товарного знака иного лица⁶, регистрация доменного имени ранее регистрации товарного знака упоминается лишь наряду с признанием факта неоднородности товаров и услуг, при том что последнее обстоятельство само по себе выступает достаточным основанием для отказа в иске. Даже в случае, когда две нижестоящие инстанции признали факт активного использования доменного имени до регистрации товарного знака и злоупотребления правом со стороны правообладателя, Суд по интеллектуальным правам вернул дело на повторное рассмотрение со ссылкой на недоказанность злоупотребления правом⁷. Аналогичная ситуация – при коллизии с фирменными наименованиями: довод о регистрации доменного имени ранее создания юридического лица, как правило, не находит понимания у Суда⁸, хотя встречаются и противоположные решения⁹. В судебных решениях доменное имя в безусловно позитивном контексте встречается лишь при рассмотрении вопроса о заинтересованности в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака другого лица¹⁰. Однако это трудно считать даже косвенной правовой охраной: заинтересованность может доказываться и посредством доказывания многих других фактических обстоятельств.

¹ Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров: постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28 марта 2014 г. № СИП-21/4 // URL: <http://ipc.arbitr.ru>.

² URL: <https://www.icann.org/resources/pages/policy-2012-02-25-en>.

³ Герцева Е. Н., Гринкевич А. П. Указ. соч. С. 117.

⁴ См., например: постановления Суда по интеллектуальным правам от 11 ноября 2014 г. по делу № А40-45986/2011, от 31 января 2014 г. по делу № А40-52185/2011, от 24 февраля 2014 г. по делу № А40-5128/2013 // URL: <http://ras.arbitr.ru>.

⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 14 марта 2014 г. по делу № А40-109297/2011 // URL: <http://ras.arbitr.ru>.

⁶ Постановления Суда по интеллектуальным правам от 1 октября 2014 г. по делу № А40-92932/2013, от 28 февраля 2014 г. по делу № А56-69018/2012 // URL: <http://ras.arbitr.ru>.

⁷ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10 июня 2015 г. по делу № А40-60158/2014 // URL: <http://ras.arbitr.ru>.

⁸ См., например: постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 июля 2014 г. по делу № А41-46298/2013 // URL: <http://ras.arbitr.ru>.

⁹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 января 2014 г. по делу № А55-81/2013 // URL: <http://ras.arbitr.ru>.

¹⁰ Постановления Суда по интеллектуальным правам от 8 октября 2013 г. по делу № СИП-48/2013, от 31 января 2014 г. по делу № СИП-248/2013 // URL: <http://ras.arbitr.ru>.

Иными словами, провозглашая критерии добросовестной регистрации и использования, законного интереса, Суд понимает под последним по существу наличие права на иное средство индивидуализации (при условии его старшинства) у администратора доменного имени, что на практике лишает доменные имена даже самых призрачных признаков объекта права. Разумеется, Суд по интеллектуальным правам может интерпретировать свою правовую позицию. Но в чем при указанном подходе был смысл ее выражения вообще? Для разрешения коллизий между существующими средствами индивидуализации вполне достаточно нормы, закрепляющей принцип старшинства.

Обратимся к международному опыту. UDRP под недобросовестной регистрацией и использованием доменного имени понимает приобретение прав на доменное имя со следующими целями: реализация обладателю товарного знака или его конкуренту по явно завышенной цене; воспрепятствование регистрации доменного имени обладателем прав на товарный знак; воспрепятствование деятельности конкурента; переманивание потребителей у обладателя прав на товарный знак или его дискредитация (§ 4(b) и 4(c)). В современной правоприменительной практике все эти вопросы оказываются вне поля зрения правоприменителя.

Разумеется, в рамках континентальной правовой системы, к которой принадлежит Россия, возможность судов «писать» нормы права резко ограничена, однако обеспечить косвенную охрану добросовестным обладателям доменных имен (случаи регистрации товарных знаков с целью захвата известных доменных имен отнюдь не единичны) можно было бы посредством применения юридического института злоупотребления правом.

Тем не менее следует согласиться с неявным посылом Суда по интеллектуальным правам: проблема требует именно законодательного решения в нашей системе права. Каким оно могло бы быть?

Близость доменных имен к средствам индивидуализации очевидна и отмечается исследователями¹. Справедливо наблюдение, что сама техническая функция доменного имени предопределяет его уникальность² – необходимое свойство для объектов интеллектуальных прав.

Однако есть и определенные проблемы.

Во-первых, все остальные средства индивидуализации однозначно увязываются с предпринимательской деятельностью. В случае же индивидуализации «информационных ресурсов»³ такой однозначной связи не усматривается, более того, некоммерческие ресурсы в Интернете явно преобладают, что отмечается и в литературе⁴. В связи с этим отмечается ошибочность ссылок на ст. 10.bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности, встречающихся в правоприменительной практике по спорам с участием физических лиц, не являющихся предпринимателями⁵. В то же время отнесение доменных имен к средствам индивидуализации, которым не предоставляется правовая охрана⁶, лишит перспективы добросовестных администраторов доменных имен,

¹ См., например: Амагельды А. Правовая охрана доменных имен в Республике Казахстан // Патенты и лицензии. 2015. № 3. С. 41; Агаева К., Гиллер Л., Сорокина К. Единая политика разрешения споров: перспективы внедрения в РФ // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2015. № 7. С. 70.

² Вацковский Ю. Ф. Доменные споры. Защита товарных знаков и фирменных наименований. М., 2009. С. 14.

³ Встречаются и иные мнения: например, Ю. Т. Гульбин замечает, что речь идет скорее о средстве индивидуализации услуги по предоставлению информации, а не информации как таковой (Гульбин Ю. Т. Проблема правовой охраны доменов в сети Интернет // Законодательство. 2013. № 5. С. 24).

⁴ Вацковский Ю. Ф. Указ. соч. С. 53.

⁵ Герцева Е. Н., Гринкевич А. П. Указ. соч. С. 81.

⁶ Серго А. Г. Доменные имена: моногр. М., 2013. С. 9–10.

добившихся их известности для целей предложения к реализации товаров, работ, услуг и подвергшихся захвату со стороны лиц, зарегистрировавших для этих целей соответствующий товарный знак.

Во-вторых, режим охраны средств индивидуализации в нашей системе права или регистрационный в силу прямого указания закона, или неразрывно связан с регистрацией (например, для возникновения права на коммерческое обозначение необходимым юридическим условием выступает регистрация предприятия как объекта недвижимости). Исключение сделано для общеизвестных товарных знаков, но и в таком случае право возникает на основании решения соответствующего федерального органа исполнительной власти (п. 1 ст. 1509 ГК РФ), к тому же это исключение, не определяющее общего правила правовой охраны объектов данного вида. Регистрационный режим предполагает издание органом государственной власти акта в качестве единственного доказательства прав на объект. Однако полномочия осуществлять регистрацию доменных имен производны в итоге от прав ICANN – субъекта частного права отнюдь не российской юрисдикции. Говорить о государственной регистрации в такой ситуации невозможно даже применительно к зонам «.ru» и «.rf», в которых регистрацию осуществляют лица, аккредитованные Координационным центром национального домена сети Интернет. В соглашениях, заключенных им с Министерством связи и массовых коммуникаций РФ, говорится лишь о взаимодействии и подчеркивается, что администрирование в указанных зонах осуществляется на основании соглашений с ICANN¹. Получается, частные лица иностранных юрисдикций осуществляют «регистрацию» доменных имен в иных зонах первого уровня, при том что Интернет образует единое пространство.

Следует согласиться с авторами, утверждающими, что речь в данном случае идет не о регистрации, а о договорных отношениях с «лицом, имеющим техническую возможность вносить запись о домене в память специального компьютера»².

Отметим, что даже там, где порядок регистрации доменных имен устанавливается нормативным правовым актом, как в Республике Казахстан, они не признаются объектом гражданских прав. В связи с этим указывается, что «регистрация доменных имен не является правоустанавливающей, поскольку присвоение доменного имени и его регистрация означают получение доступа в сети Интернет, а не правовую охрану, как при регистрации товарных знаков»³.

Таким образом, препятствия для признания доменных имен объектами гражданских прав усматриваются и в отношении назначения объектов, и в части режима охраны. Двусмысленность положения доменных имен понимается исследователями. В частности, подчеркиваются отсутствие у них достаточной различительной способности и то обстоятельство, что повышенные требования к их регистрации в российском сегменте сделают его «неконкурентоспособным», но в качестве выхода предлагается некая дополнительная государственная регистрация доменных имен⁴, правовой смысл и значение которой понять достаточно трудно. Вообще идея детального законодательного регули-

¹ Соглашение о взаимодействии между Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Координационным центром национального домена сети Интернет по вопросам управления национальным доменом «.ru» от 18 февраля 2009 г.; Соглашение о взаимодействии между Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Координационным центром национального домена сети Интернет по вопросам управления национальным доменом «.rf» от 7 апреля 2010 г. // URL: <http://cctld.ru/files/minsvyaz>.

² Чиженок М. В. Новые приключения доменов в России // Патенты и лицензии. 2007. № 5. С. 2.

³ Амагельды А. Указ. соч. С. 42.

⁴ Бобкова О. В., Давыдов С. А. Нужна ли доменному имени государственная регистрация // Патенты и лицензии. 2013. № 9. С. 37–41.

рования отношений по поводу доменных имен, выдвигаемая, например, специалистом в данной сфере А. Г. Серго¹, представляется несколько преждевременной.

В существующей ситуации охрана доменных имен может осуществляться при условии добросовестности, содержание которой в отношении данного случая закреплено в UDRP, применяемом в качестве правового обычая (возможность такого применения, на наш взгляд, должна быть прямо указана в законе). При этом в законодательстве следует восстановить клаузулу о наличии известного доменного имени, используемого для предложения аналогичных товаров, работ, услуг в качестве относительного основания для отказа в регистрации товарного знака. Совершенно справедливо отмечается близость UDRP к *lex mercatoria*². Кроме того, целесообразно установление локальными нормативными актами аналогичных положений для зон «.ru» и «.рф».

В соответствии с § 4(k) UDRP применение изложенных в них процедур не препятствует обращению в суд или иные компетентные органы. Соответственно, решение, принятое в рамках процедуры UDRP (или аналогичной внутренней), будет иметь статус одного из письменных доказательств.

Доктринально следует отнести доменные имена к нетрадиционным объектам интеллектуальных прав, выполняющим функцию средств индивидуализации, охраняемым в режиме общеизвестности. Такой минималистский подход будет соответствовать уровню правового регулирования отношений по поводу доменных имен, достигнутому в мире на данном этапе.

Библиография

Uniform Domain-Name Dispute Resolution Policy // URL: <https://www.icann.org/resources/pages/policy-2012-02-25-en>.

Агаева К., Гиллер Л., Сорокина К. Единая политика разрешения споров: перспективы внедрения в РФ // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2015. № 7.

Амагельды А. Правовая охрана доменных имен в Республике Казахстан // Патенты и лицензии. 2015. № 3.

Бобкова О. В., Давыдов С. А. Нужна ли доменному имени государственная регистрация // Патенты и лицензии. 2013. № 9.

Вацковский Ю. Ф. Доменные споры. Защита товарных знаков и фирменных наименований. М., 2009.

Герцева Е. Н., Гринкевич А. П. Доменные споры. Судебная практика в России. М., 2014.

Гульбин Ю. Т. Проблема правовой охраны доменов в сети Интернет // Законодательство. 2013. № 5. Заключение Комитета по экономической политике, предпринимательству и туризму от 11 сентября 2006 г. № 3.8-16/924 на проект № 323423-4 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 4 октября 2010 г. № 259-ФЗ // Рос. газ. 2010. 8 окт.

Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров: постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28 марта 2014 г. № СИП-21/4 // URL: <http://ipc.arbitr.ru>.

Павлова Е. А., Шиловост О. Ю. Четвертая часть ГК: итоги переговоров по ВТО // Патенты и лицензии. 2008. № 7.

Постановления Суда по интеллектуальным правам от 8 октября 2013 г. по делу № СИП-48/2013, от 29 января 2014 г. по делу № А55-81/2013, от 31 января 2014 г. по делу № А40-52185/2011, от 31 января 2014 г. по делу № СИП-248/2013, от 24 февраля 2014 г. по делу № А40-5128/2013, от 28 февраля 2014 г. по делу № А56-69018/2012, от 14 марта 2014 г. по делу № А40-109297/2011, от 2 июля 2014 г. по делу № А41-46298/2013, от 1 октября 2014 г. по делу № А40-92932/2013, от 11 ноября 2014 г. по делу № А40-45986/2011, от 10 июня 2015 г. по делу № А40-60158/2014 // URL: <http://ras.arbitr.ru>.

Правила регистрации доменных имен в доменах .ru и .рф: утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет № 2011-18/81 от 5 октября 2011 г. // URL: <http://cctld.ru>.

¹ Серго А. Г. Указ. соч. С. 72.

² Там же. С. 58.

Проект № 323423-4 Гражданского кодекса Российской Федерации. Часть четвертая // URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?penAgent&RN=323423-4&02>.

Серго А. Г. Доменные имена: моногр. М., 2013.

Соглашение о взаимодействии между Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Координационным центром национального домена сети Интернет по вопросам управления национальным доменом «.ru» от 18 февраля 2009 г.; Соглашение о взаимодействии между Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Координационным центром национального домена сети Интернет по вопросам управления национальным доменом «.рф» от 7 апреля 2010 г. // URL: <http://cctld.ru/files/minsvyaz>.

Чиженок М. В. Новые приключения доменов в России // Патенты и лицензии. 2007. № 5.

Bibliography

Agaeva K., Giller L., Sorokina K. Edinaya politika razresheniya sporov: perspektivy vnedreniya v RF // Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'. 2015. № 7.

Amagel'dy A. Pravovaya ohrana domennykh imen v Respublike Kazaxstan // Patenty i licenzii. 2015. № 3.

Bobkova O. V., Davydov S. A. Nuzhna li domennomu imeni gosudarstvennaya registratsiya // Patenty i licenzii. 2013. № 9.

Chizhenok M. V. Novye prikladyeniya domenov v Rossii // Patenty i licenzii. 2007. № 5.

Gerceva E. N., Grinkevich A. P. Domennye spory. Sudebnaya praktika v Rossii. M., 2014.

Gul'bin Yu. T. Problema pravovoy ohrany domenov v seti Internet // Zakonodatel'stvo. 2013. № 5.

О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 4 октября 2010 г. № 259-FZ // Рос. газ. 2010. 8 окт.

Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров: постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28 марта 2014 г. № SP-21/4 // URL: <http://ipc.arbitr.ru>.

Pavlova E. A., Shiloxvost O. Yu. Chetvertaya chast' GK: itogi peregovorov po VTO // Patenty i licenzii. 2008. № 7.

Postanovleniya Suda po intellektual'nym pravam ot 8 oktyabrya 2013 g. po delu № SIP-48/2013, ot 29 yanvarya 2014 g. po delu № A55-81/2013, ot 31 yanvarya 2014 g. po delu № A40-52185/2011, ot 31 yanvarya 2014 g. po delu № SIP-248/2013, ot 24 fevralya 2014 g. po delu № A40-5128/2013, ot 28 fevralya 2014 g. po delu № A56-69018/2012, ot 14 marta 2014 g. po delu № A40-109297/2011, ot 2 iyulya 2014 g. po delu № A41-46298/2013, ot 1 oktyabrya 2014 g. po delu № A40-92932/2013, ot 11 noyabrya 2014 g. po delu № A40-45986/2011, ot 10 iyunya 2015 g. po delu № A40-60158/2014 // URL: <http://ras.arbitr.ru>.

Pravila registratsii domennykh imen v domenax .ru i .rf: utv. resheniem Koordinatsionnogo centra nacional'nogo domena seti Internet № 2011-18/81 ot 5 oktyabrya 2011 g. // URL: <http://cctld.ru>.

Проект № 323423-4 Гражданского кодекса Российской Федерации. Часть четвертая // URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?penAgent&RN=323423-4&02>.

Sergo A. G. Domennye imena: monogr. M., 2013.

Соглашение о взаимодействии между Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Координационным центром национального домена сети Интернет по вопросам управления национальным доменом «.ru» от 18 февраля 2009 г.; Соглашение о взаимодействии между Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Координационным центром национального домена сети Интернет по вопросам управления национальным доменом «.rf» от 7 апреля 2010 г. // URL: <http://cctld.ru/files/minsvyaz>.

Uniform Domain-Name Dispute Resolution Policy // URL: <https://www.icann.org/resources/pages/policy-2012-02-25-en>.

Vackovskij Yu. F. Domennye spory. Zashhita tovarnykh znakov i firmennykh naimenovanij. M., 2009.

Закlyчение Комитета по экономической политике, предпринимательству и туризму от 11 сентября 2006 г. № 3.8-16/924 на проект № 323423-4 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИКИ НА ЭВОЛЮЦИЮ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФУНКЦИЙ ТРУДОВОГО ПРАВА

Иванчина Юлия Валерьевна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры социального права
Уральского института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург),
e-mail: julia.ivanchina@gmail.com

Рассмотрено влияние типа общества и экономики на функции трудового права с момента формирования функций и зарождения трудового права в условиях аграрного общества и экономики до настоящего времени. Проанализированы функции трудового права в период перехода общества и экономики к индустриальному, а затем к постиндустриальному (информационному) обществу с инновационной экономикой. Определены социально значимые потребности работодателя и работника, на удовлетворение которых направлена реализация функции администрирования (управления) и гарантийно-обеспечительной функции. Сделан вывод о том, что эволюционным развитие функций трудового права было не всегда, во время глобальных изменений в экономике оно носило революционный характер.

Ключевые слова: экономика, общество, функции трудового права, функция администрирования (управления), гарантийно-обеспечительная функция

THE ECONOMY INFLUENCE ON THE EVOLUTION AND THE CURRENT STATE OF THE LABOUR LAW FUNCTIONS

Ivanchina Yulia

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Yekaterinburg),
e-mail: julia.ivanchina@gmail.com

The article deals with the influence of the type of society and the economy on the labour law functions since the formation of them and the emergence of labor law in the agricultural type of society and economy to the current time. The author analyzes the functions of labour law in transition societies and economies to industrial and then to postindustrial (information) society with an innovative type of economy. She determines socially important needs of the employer and the employee to the implementation of which administration and guarantee-security functions are directed. It is concluded that the development of the functions of labour law was not always evolutionary, during the global changes in the economy it has a revolutionary character.

Key words: economy, society, functions of labour law, administrative function, guarantee-security function

Развитие общества и трансформация экономики рассматриваются, как правило, в неразрывной связи, поскольку изменения в обществе неизбежно ведут к изменениям в экономике. Изменения общественно-экономической формации связаны с переходом на новую стадию общественной эволюции, характеризующуюся определенной степенью развития производительных сил общества и соответствующим этой ступени историческим типом экономических производственных отношений, которые зависят от нее и определяются ею¹.

¹ Илюшечкин В. П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы): моногр. М., 1996. С. 98.

Способы производства материальных благ формируют экономическую основу общества, т. е. сочетание производительных сил (труд рабочего и средства производства) и производственных отношений (общественных отношений, в том числе отношений, связанных с применением труда, отношений собственности) является основой всех процессов. Развитие производительных сил, обусловленное развитием науки и техники, неизбежно вызывает изменения производственных отношений, что влияет на развитие общества. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали, что «совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»¹.

В. П. Илюшечкин в работе «Теория стадийного развития общества» указывает на тесную взаимосвязь и взаимозависимость экономического базиса и общества, при этом отмечая, что развитие экономики и общества осуществляется не только на общих для них основаниях, но и на внутренних закономерностях².

Полагаю, что изложенное позволяет говорить о том, что изменения в обществе и экономике взаимообусловлены и взаимосвязаны, что одно неизбежно отражается в другом. Поэтому представляется целесообразным изменения типа общества и экономики рассматривать как единый фактор, влияющий на эволюцию функций трудового права.

Общество и экономика прошли длинный путь развития от доиндустриального, или традиционного (аграрного), с натуральным сельскохозяйственным укладом, к индустриальному, имеющему развитую промышленную основу, а затем к постиндустриальному (информационному) обществу с инновационной экономикой, производственную основу которого составляют использование достижений научно-технического прогресса и информатизация. Теория деления общества и экономики на указанные типы является наиболее устоявшейся и получила в последнее время широкое распространение³.

Однако Е. Б. Хохлов в работе «История труда и трудовое право» приходит к выводу, что более точно было бы говорить об историческом сосуществовании, борьбе и замещении одной другой двух цивилизаций: аграрной и урбанистической. Цивилизация, сформировавшаяся в результате процессов, определяемых как «промышленная», или «индустриальная», революция, есть феномен, относящийся к городу; это уникальный – индустриальный – вариант урбанистической цивилизации⁴. Данный взгляд представляется достаточно общим и не позволяет выделить те факторы, которые повлияли на формирование функций трудового права и их эволюцию.

Возникновение трудового права неразрывно связано с обособлением труда как объекта правового регулирования. Несмотря на то что отдельные проблемы правового регулирования отношений между работником и работодателем отчетливо проявились уже в первой половине XIX в., говорить о становлении науки трудового права в России ранее 80-х гг. XIX в. не приходится⁵.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 6–7.

² Илюшечкин В. П. Указ. соч. С. 99.

³ Одним из основоположников теории индустриального общества следует назвать французского экономиста Р. Арона. Свою теорию он изложил в книгах «18 лекций об индустриальном обществе» (1962) и «Три очерка об индустриальной эпохе» (1966). Создателями концепции постиндустриального общества считаются Д. Белл («Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования», 1973) и Э. Тоффлер («Третья Волна», 1980).

⁴ Хохлов Е. Б. История труда и трудовое право: в 3 т. Т. 1: История труда в контексте хозяйственных, политических и ментальных систем / под ред. И. Ю. Козлихина. СПб., 2013. С. 757.

⁵ Лушников А. М. Российская школа трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени (сравнительно-правовое исследование): моногр.: в 2 т. / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. Ярославль, 2010. Т. 1. С. 11.

Экономика аграрного типа (период возникновения трудового права) основывалась на примитивном ремесле и натуральном хозяйстве, а промышленность была развита незначительно. Большинство населения проживало в сельской местности. Например, в середине XIX в. в России – самой большой стране Европы с населением около 70 млн человек – лишь 5 % населения жило в городах. В стране имелось 10 тыс. фабрик, но на них было занято всего 500 тыс. рабочих – менее 2 % трудоспособного населения¹. Темпы экономического роста были достаточно низкими.

Главной предпосылкой формирования основ будущего трудового права и его функций послужила отмена крепостного права и появление свободной рабочей силы. Производительные силы в то время были примитивны, чаще всего использовался ручной труд: либо личный (крестьяне на приусадебном участке, ремесленники), либо труд крепостных. Орудия труда были элементарными, их использование совместно с ручной силой было малоэффективно. Производственные отношения не были развиты в связи с минимальным количеством свободной рабочей силы.

Крепостной труд не был производительным, поскольку не было заинтересованности в результатах этого труда. По данным статистики того времени, наемный труд в сельском хозяйстве был в шесть раз производительнее крепостного. Однако рост наемного труда тормозился из-за недостатка свободных рабочих в условиях крепостничества. Поэтому ликвидация экономической отсталости была невозможна без ликвидации крепостничества².

После отмены крепостного права аграрное общество и экономика начали поступательно сдавать свои позиции, произошел поворот в сторону индустриализации. Именно с этим экономисты связывают дальнейший рост производительности труда и увеличение сельскохозяйственного производства (повышение урожайности). Например, к концу XIX в. Россия получала по 3,3 млрд пудов зерна в год – вдвое больше, чем в первые годы после отмены крепостного права³.

Технический уровень большинства заводов был низким, развитие также тормозилось использованием крепостного труда. Необходимо было проводить техническую реконструкцию заводов, поскольку основным условием дальнейшего развития был промышленный переворот. В 90-х гг. XIX в. промышленный переворот в России вступил в решающую стадию. Он сопровождался бурным промышленным подъемом, в течение десятилетия выпуск промышленной продукции вырос в два раза, в тяжелой промышленности – в 2,5 раза⁴. Однако в тот период Россия лишь начинала двигаться по пути индустриализации, ибо, как справедливо было отмечено В. П. Литвиновым-Фалинским, промышленность не получила еще достаточного развития, а потому земледелие оставалось основой народного благосостояния⁵.

Полагаю, что именно в данный период происходило зарождение функций трудового права, это послужило предпосылкой для его дальнейшего обособления. Основная движущая сила всего живого – потребность. Только в момент осознания потребностей субъекты начинают совершать активные действия, направленные на их удовлетворение. Фабричное законодательство появляется и начинает развиваться только тогда, когда такая потребность осознана обществом и государством. Более того, в этот период происходит осознание своих потребностей в рамках возникающих трудовых отношений их сторонами и начинают формироваться две основные функции трудового права.

¹ Краткая история экономического развития: учеб. пособие. М., 1999 // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/berez/06.php.

² Конопатов М. В., Сметанин С. И. Экономическая история: учеб. для вузов. 6-е изд. М., 2003. С. 116–130.

³ Там же. С. 185–187.

⁴ Там же. С. 188–190.

⁵ Литвинов-Фалинский В. П. Наше экономическое положение и задачи будущего. Спб., 1908. С. VIII.

А. Н. Быков в работе «Фабричное законодательство и развитие его в России»¹ задавался вопросом о причинах, вызвавших возникновение и развитие фабричного законодательства. Он пришел к выводу о том, что своим появлением оно обязано отнюдь не только деятельности рабочего класса и профессиональных союзов. Безусловно, их роль в этом процессе не следует умалять, но надо учитывать, что зарождение законодательства пришлось на период, когда рабочее движение и рабочие союзы еще не имели того значения, какое приобрели позже. К тому же первые законы касались регулирования рабочего времени и иных условий труда малолетних и подростков, не принимавших активного участия в рабочем движении². Можно сказать, что отчасти опросы, проводившиеся среди рабочих об условиях промышленного быта, и получаемые данные послужили основанием для появления первых законов. Подобные опросы проходили юридически, особенно после возникавших в рабочей среде волнений, когда вскрывались «мрачные» стороны фабричной жизни. Получаемые в ходе обработки данные были для государства серьезным стимулом к изданию фабричных законов. Можно заключить, что в то время формируются не только две основные функции трудового права, но и третья, направленная на удовлетворение потребностей государства в рамках данного вида правоотношений.

Зарождение фабричного законодательства было обусловлено не только появлением свободной рабочей силы, но и влиянием технического прогресса (промышленной революции). «Промышленная революция есть качественное изменение предметов, средств труда и организации производства, влекущее за собой существенные социальные последствия, в конечном счете переход общества из одного состояния в другое»³.

Механизация процессов производства, сменившая ручной труд, значительно повлияла на развитие фабричных законов, поскольку механический станок позволял использовать труд не только опытных, давно обучившихся мастерству рабочих, его могли обслуживать и женщины, и дети, выполняя определенный набор операций. Проведение технической модернизации производства достаточно дорого обходилось фабрикантам (работодателям). «Важнейшей задачей фабриканта являлась такая организация производства, при которой дорогостоящие машины и станки не давали бы простоя»⁴, решение данной задачи стало их насущной потребностью. В то время она могла быть удовлетворена только за счет увеличения длительности эксплуатации станков, а значит, путем увеличения продолжительности рабочего времени.

Представляется, что можно говорить о зарождении (формировании) функции трудового права, направленной на удовлетворение потребностей работодателя, – функции администрирования (управления). В основе данной функции лежит потребность в эффективном управлении. Тогда это фактически сводилось к одному – увеличению количества выпускаемой продукции, производства. Термин «производить» означает «изготовить, выработать»⁵. При этом было неважно, как, посредством использования каких ресурсов будет достигнута поставленная цель, важно было количество произведенного продукта, оно указывало на эффективность производства. У любого работодателя, независимо от вида деятельности и времени существования, всегда есть цель. Для достижения цели работодатель выбирает самый «короткий путь» и стремится к минимизации издержек, безусловно, в рамках дозволенного государством.

¹ Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909. С. 9.

² Например, Законом от 3 июня 1885 г. был установлен запрет подросткам до 17 лет и женщинам работать на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках в ночное время (Быков А. Н. Указ. соч. С. 155).

³ Хохлов Е. Б. Указ. соч. С. 758.

⁴ Быков А. Н. Указ. соч. С. 9.

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка: около 57 000 слов. Екатеринбург, 1994. С. 529.

Одновременно с функцией администрирования формировалась функция, направленная на удовлетворение потребностей работников. Желание фабрикантов (работодателей) бесперебойно использовать станки «привело к столь интенсивной эксплуатации труда, какой не знало прежнее ремесленное и вообще ручное производство»¹ и сформировало «беззащитность русских рабочих перед лицом капиталистической эксплуатации»². Речь шла о заинтересованности фабрикантов «лишь в получении максимальной прибыли и хищнической эксплуатации производительных сил»³. При столь неблагоприятных условиях труда, увеличении продолжительности рабочего времени, росте интенсивности труда и неуклонном снижении заработной платы (что было связано, в частности, с ростом безработицы⁴) главной потребностью рабочих стала защита, в первую очередь от чрезмерной эксплуатации работодателем.

А. А. Микулин в работе «Нужды рабочих» указывал, что нужды⁵ рабочих, наиболее настоятельные, в достаточной мере уже выяснены и необходимо наметить пути развития законодательства для удовлетворения главнейших нужд рабочих. Автор обозначил, что необходимо урегулировать: величину заработка, продолжительность труда, обстановку, в которой осуществляется работа (условия труда). Кроме того, работники испытывают потребность в соблюдении условий трудового договора в смысле своевременности выдачи заработной платы, неувольнения до окончания срока найма, наконец, в уверенности в том, что они найдут поддержку и обеспечение в трудные минуты жизни, вызываемые болезнью и безработицей⁶. Можно заключить, что потребности работника связаны с возможностью обеспечивать себя и свою семью, установлением определенных гарантий, ограничивающих произвол работодателя.

З. Теттенборн, рассматривая потребность в доходе, указывал, что «рабочие вынуждены трудиться по найму не потому, что им интересно и приятно трудиться, они трудятся не потому, что работа влечет их, а потому, что жалкая заработная плата, которую они получают за свой труд, – единственное спасение от полной нищеты и голода»⁷. Исходя из потребностей работников, фактически сформировавшихся и осознанных ими за достаточно короткий срок применения наемного труда, полагаю, что можно говорить о формировании гарантийно-обеспечительной функции трудового права.

Как уже говорилось, принятие фабричного законодательства было также способом удовлетворения государством своей потребности в обеспечении социального мира, поскольку социальное недовольство представляло опасность как для стабильного экономического развития, так и для государства в целом (опасность революции). Стачки и забастовки, периодически возникавшие по стране в связи с чрезмерной эксплуатацией и сравнительно маленькой заработной платой, создавали «неудобства» не только работодателям. Принятие в 1893 и 1897 гг. законов, направленных на ограничение власти работодателя, – это не что иное, как проявление покровительственного (патерналистического) отношения государства к своим гражданам, заботы о них, направленной на удовлетворение их потребностей. Государство, принимая подобные законы, в тот период создавало себе образ «благодетеля», а в обмен пыталось заручиться поддержкой

¹ Быков А. Н. Указ. соч. С. 10.

² Шелымагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России, 1900–1917. М., 1952. С. 13.

³ Там же. С. 16.

⁴ Газета «Искра» в 1900 г. писала: «Безработица фабричных и заводских рабочих, голодовка крестьян – вот с чем Россия вступает в XX столетие». В России с 1900 по 1903 г. было уволено более 100 тыс. рабочих, что было вызвано в том числе сложной экономической ситуацией (Шелымагин И. И. Указ. соч. С. 19).

⁵ Термины «нужда» и «потребность» являются синонимичными. «Потребность» определяется через указание на нужду (надобность) в чем-либо (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 494).

⁶ Микулин А. А. Нужды рабочих. Сборник статей по рабочему вопросу. Киев, 1905. С. 7–13.

⁷ Теттенборн З. Советское законодательство о труде. М., 1920. С. 18.

рабочих. Так, Устав о промышленном труде 1913 г.¹ (в него вошли Устав о промышленности и Горный устав 1893 г., законы о рабочем времени 1897 г., о вознаграждении рабочих за увечье и о старостах в промпредприятиях 1903 г., о страховании рабочих от несчастных случаев и болезней 1912 г.) не только ограничил власть работодателя, но и установил государственный контроль за реализацией данных предписаний. Например, Устав закреплял, что при Министерстве торговли и промышленности состоит Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие, на которое возлагается издание инструкций, указов и правил в развитие действующих законоположений о надзоре за соблюдением на фабриках, заводах и горнозаводских промыслах должного порядка и благоустройства, о найме рабочих, о взаимных отношениях промышленников и рабочих, о продолжительности и распределении рабочего времени; издание общих правил о мерах, которые должны быть соблюдены для охраны жизни, здоровья и нравственности рабочих во время работ и при помещении их в фабрично-заводских и горнопромысловых зданиях.

Итак, государство, принимая законы, регулирующие труд наемных работников, стремилось не столько к охране здоровья людей, сколько к созданию и поддержанию социального мира. Социальный – относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе², мир – согласные отношения, спокойствие, отсутствие вражды, войны, ссоры³. Следовательно, социальный мир можно понимать как общество, исполненное согласия, где отсутствуют непримиримые противоречия. Функция обеспечения социального мира в большей степени свойственна именно трудовому праву, хотя нормы других отраслей права также, безусловно, оказывают влияние. Это обусловлено тем, что в основе трудового права лежат отношения по применению труда, а труд – неотъемлемое условие эффективного развития общества и экономики. Как указывал Н. Г. Александров, «люди не могут создавать потребительские ценности, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена результатами своей деятельности. Поэтому процесс труда всегда имеет место при посредничестве тех или иных общественных отношений»⁴. Условно общество можно поделить на тех, кто использует чужой труд, и тех, кто этот труд предлагает, отношения между этими субъектами и лежат в основе трудового права.

В России, как и в большинстве стран, переход от аграрного общества к индустриальному предполагал прохождение ряда этапов: 1) первоначальное накопление капитала; 2) промышленная революция; 3) индустриализация; 4) формирование общества массового потребления (итоговый этап)⁵. При этом следует отметить, что в России этот процесс занял длительный период, поскольку российское общество, еще не завершив экстенсивное аграрное развитие, начало переход к индустриальному.

Первоначальное накопление капитала, которое, как известно, характеризуется разложением классов-сословий старого общества и созданием предпосылок для формирования новых социальных слоев, происходило в России с XVIII в. по 30-е гг. XX в. Классы аграрного общества были ликвидированы во время революции 1917 г., Гражданской войны и коллективизации. Промышленная революция (первая модернизация) длилась

¹ Устав о Промышленном труде (Св. Зак. т. XI ч. 2, изд. 1913 г., статьи 1–228 и 541–597) с правилами и распоряжениями, изданными на основании этих статей, с разъяснениями к ним Правительствующего Сената и административных установлений, приложениями и указаниями, алфавитным предметным и сравнительным постатейным / сост. В. В. Громан, начальник отделения промышленного труда Министерства торговли и промышленности. Пг., 1915. С. 3.

² Ожегов С. И. Указ. соч. С. 654.

³ Там же. С. 304.

⁴ Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948. С. 6.

⁵ Зиновьев В. П. Индустриальные кадры старой Сибири: моногр. Томск, 2007 // URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/zinoviev/1-1.html>.

с первой половины XIX в. до 60-х гг. XX в. Индустриализация началась во время промышленного подъема 90-х гг. XIX в., а завершилась на рубеже 50–60-х гг. XX в., когда национальный доход начал складываться преимущественно в промышленности, там же трудилась большая часть населения, при этом свыше половины жителей страны стали горожанами. Решающим действием в этом направлении была механизация добывающих отраслей и сельского хозяйства, что фактически стало первыми шагами второй модернизации обрабатывающих отраслей на основе внедрения конвейерного производства и научной организации труда. Общество массового потребления в СССР сформировалось в 60–80-е гг. XX в. Как и в других странах, в России революция массового потребления произошла на основе второй модернизации, давшей массовую стандартную продукцию¹.

Поскольку переход от аграрного к индустриальному обществу и экономике был достаточно длительным, он сопровождался порой поступательными, а порой резкими качественными изменениями общественных отношений, отражающимися на всех сферах жизни общества. Поэтому считаю, что рассматривать влияние типа общества и экономики на эволюцию функций трудового права в этом периоде целесообразно только применительно к основным этапам происходивших изменений. Одним из таких этапов стала Октябрьская революция 1917 г., ибо она привела к изменениям в системе экономики. Кроме того, революция нацелена в числе прочего на удовлетворение значительной части потребностей работников. КЗоТ 1918 г.² – первый акт, закрепивший комплексный подход к регулированию трудовых отношений. Его анализ позволяет сделать вывод, что основной потребностью работодателя по-прежнему оставалось эффективное управление производством с целью скорейшего достижения поставленных целей. Вместе с тем соответствующая функция начала частично пересекаться с функцией государства, поскольку «в Советской России частная собственность на орудия производства, на капиталы, фабрики, заводы и земли отменена»³.

Полагаю, что в тот период, как и ранее, сохранялась заинтересованность в увеличении объемов производства, только движущей силой стала потребность не отдельного работодателя, а государства как основного держателя средств производства. На наличие данной потребности государства указывает тот факт, что в кодексе появилась глава, закрепляющая общую трудовую повинность. Потребность была обусловлена стоящими перед государством задачами: поднять народное хозяйство, устранить разруху и катастрофическое обнищание народа, возникшие в стране после революции 1917 г. и усугубленные Гражданской войной. При этом нормы КЗоТ 1918 г. были нацелены на максимально возможное в тех экономических и политических условиях удовлетворение потребностей работников.

Дальнейшая эволюция функций трудового права была поступательной и соответствовала экономическим условиям времени. Однако следует отметить, что характерной чертой реализации гарантийно-обеспечительной функции трудового права было усиление проявлений государственного патернализма через развитие непроизводственной сферы в деятельности организаций, учреждений и предприятий. Например, при предприятиях создавались учреждения социально-культурной сферы (дома культуры и отдыха, детские сады, санатории и т. д.), содержание которых осуществлялось несмотря ни на что, порой даже в ущерб собственно производству. Однако это способствовало формированию образа работодателя как ответственного за социальные блага работников⁴. Другой

¹ Зиновьев В. П. Указ. соч.

² URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_416.htm.

³ Теттенборн З. Указ. соч. С. 16.

⁴ Романов П. В. Промышленный патернализм в системе социальной политики предприятий // Журн. исследований соц. политики. 2005. № 3. Т. 3. С. 84.

немаловажной чертой было особое настроение, чувство коллективизма, единства, общего дела, поддерживаемое идеологами социалистического общества. Имея сильные культурные и исторические основания, отношения патернализма были усилены политикой Советского государства. Патернализм советского типа влиял на характер развития экономики и промышленности.

Процесс формирования индустриального общества и экономики в России имел определенную специфику. Во-первых, индустриализация протекала под тотальным государственным контролем. Во-вторых, все происходило в плановом порядке, так как произошла ликвидация рыночных отношений.

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу с инновационной экономикой в России существенно затянулся. В 60-х гг. XX в. Россия стала страной с индустриальным типом общества и экономики, но переход в информационную эру начался не ранее 90-х гг. XX в. Можно сказать, что именно с конца 90-х гг. по настоящее время Россия находится в переходной фазе к новому типу общества и экономики. Одним из факторов, повлиявших на длительность переходного периода, впрочем, как и на длительность переходного периода от аграрного общества и экономики к индустриальному, стало не эволюционное развитие экономики, а революционное. В первом случае в результате революции капитализм с зарождающейся рыночной экономикой сменился социалистической плановой экономикой. Во втором произошла смена плановой экономики рыночной.

Подобные революционные изменения в экономике не могли не отразиться на реализации функций трудового права. Преобразования, происходившие в экономике и обществе в 90-х гг. прошлого столетия, повлияли на объем и способы удовлетворения базовых социально значимых потребностей сторон трудового отношения. Начал активно проявляться дисбаланс функций трудового права, доминирующей стала функция администрирования (управления). Это связано с процессами перестройки, сопровождавшимися сменой плановой экономики рыночной, появлением разнообразных форм собственности (главное – частной формы собственности на средства производства), утратой государством возможности тотального контроля и планирования. Частные работодатели как держатели средств производства стали насаждать свои правила, отталкиваясь от личных потребностей. Представляется, что смена экономической системы вызвала изменение не потребности работодателя (не произошло смены функции трудового права), а средств и способов удовлетворения данной потребности. Работодатели стремились удовлетворять свои потребности в рамках трудовых отношений, не учитывая при этом потребности работников, а порой ущемляя их. Сложившаяся ситуация была сходна с обстоятельствами конца XIX – начала XX в., когда эксплуатация труда рабочих работодателями была чрезмерна, а затраты на оплату труда и создание безопасных условий труда – минимальны.

Кроме того, к 1990 г. производственный травматизм, в том числе со смертельным исходом, значительно увеличился, особенно заметно в 1988–1990 гг.¹

Государство не могло не отреагировать на описанные обстоятельства. Был принят ряд нормативных правовых актов, направленных на удовлетворение потребностей работников, например Закон РСФСР № 1028-1 «О повышении социальных гарантий для трудящихся»². Можно констатировать, что уровень социальных гарантий к тому времени стал настолько низок, что государство было вынуждено вмешаться в этот процесс. Указанный Закон был направлен на удовлетворение базовых, социально значимых потреб-

¹ Тихонова Г. И., Чуранова А. Н., Горчакова Т. Ю. Производственный травматизм как проблема социально-трудовых отношений в России // Проблемы прогнозирования. 2012. № 3. С. 109.

² О повышении социальных гарантий для трудящихся: Закон РСФСР от 19 апреля 1991 г. № 1028-1 (утратил силу) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 17. Ст. 506.

ностей работников. В частности, в ст. 1 установлен минимальный размер оплаты труда (не менее 180 руб. при средней заработной плате по стране 613 руб.)¹; в ст. 3 предусматривалось сокращение нормальной продолжительности рабочего времени на один час, т. е. до 40 ч, а ст. 4 закрепляла продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска не менее 24 рабочих дней вместо ранее регламентированных 15 дней. Позднее были разработаны и приняты Основы законодательства Российской Федерации об охране труда².

Снова можно увидеть сходство с ситуацией 80–90-х гг. XIX в. Например, завоеванием Октябрьской революции 1917 г. было установление КЗоТ 1918 г. месячного отпуска всем трудящимся, проработавшим непрерывно не менее одного года, независимо от того, производилась ли работа в одном и том же или в различных предприятиях, учреждениях или хозяйствах (п. 107).

Итак, можно сделать вывод, что в определенные периоды эволюционное, поступательное, прогрессивное развитие функций трудового права сменялось стадией регресса (лат. *regressus* – возвращение, движение назад, упадок в развитии)³.

В начале XXI в. в России наблюдались переход к постиндустриальному обществу и формирование инновационной экономики. В это время происходила информационная революция. Главными факторами развития становятся человеческий капитал, информационные технологии и научные разработки, повышается доля квалифицированного труда. Собственность на материальные средства производства утрачивает былое значение. Появляется новая нетоварная (абстрактная) форма труда – научный, интеллектуальный труд⁴. Данные изменения в обществе и экономике отражаются на регулировании трудовых отношений. Поэтому в Трудовой кодекс РФ, нормы которого направлены на удовлетворение потребностей работника и работодателя в рамках трудовых отношений, периодически вносятся изменения.

Наиболее ярким примером реакции государства на потребности сторон трудового отношения в условиях современной инновационной экономики было введение в 2013 г. в Трудовой кодекс РФ главы 46¹, посвященной регулированию труда дистанционных работников⁵. Дистанционная работа, как правило, предполагает, что в процессе выполнения трудовой функции появляется неовещественный результат труда, в связи с чем становится возможным выполнение работы вне места нахождения работодателя и при отсутствии стационарного рабочего места, лишь с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего доступа, в том числе сети Интернет.

Привлечение работодателем дистанционных работников направлено на удовлетворение его потребности в возможности эффективно управлять. Работодатель минимизирует издержки, поскольку ему не требуется помещение и оборудование рабочего места. При этом нормы данной главы не противоречат потребностям работников. При заключении договора о дистанционной работе на них начинает распространяться трудовое законодательство с особенностями, обусловленными таким способом организации труда. Работник удовлетворяет свою потребность в обеспечении себя и своей семьи путем получения заработной платы своевременно и в полном объеме, а его расходы, связанные с выполнением трудовой функции, даже снизятся: работнику не требуется ни время, ни денежные средства, чтобы добраться до работы.

¹ URL: <http://www.pfr.kirov.ru/node/551>.

² О порядке введения в действие Основ законодательства Российской Федерации об охране труда: постановление ВС РФ от 6 августа 1993 г. № 5602-1 (утратило силу) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 35. Ст. 1413.

³ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 585.

⁴ Орлов В. В. Постиндустриальное общество и Россия // Философия и общество. 2003. № 3. С. 78–89.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1668.

Однако далеко не все нормы Трудового кодекса РФ позволяют работодателю эффективно управлять. Как отмечалось, в постиндустриальном обществе особую ценность приобретает информация, а следовательно, меры, направленные на ее сохранение (в случае разглашения – на возмещение ущерба, причиненного работодателю), имеют для него существенное значение. На удовлетворение обозначенной потребности работодателя направлен п. 7 ст. 243 ТК РФ, предусматривающий привлечение работника к полной материальной ответственности в случае разглашения им сведений, составляющих охраняемую законом тайну. Однако в рамках привлечения работника к ответственности по данному основанию работодатель сталкивается с проблемой определения размера ущерба, ведь в силу ст. 238 ТК РФ работник возмещает работодателю только причиненный ему прямой действительный ущерб – реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение его состояния, а также необходимость произвести затраты либо излишние выплаты на возмещение ущерба, причиненного работником третьим лицам. Неполученные доходы (упущенная выгода) взысканию с работника не подлежат.

Информация – сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления¹. Как правило, информация имеет потенциальную ценность, ее разглашение может причинить работодателю вероятный вред – упущенную выгоду, которая, повторю, взысканию с работника не подлежит. Получается, что в Трудовом кодексе РФ есть нормы, направленные на удовлетворение потребности работодателя, но своей цели они не достигают, значит, функция администрирования в трудовом праве реализуется не в полном объеме.

В то же время существуют нормы, нацеленные на реализацию функции администрирования без учета одновременной реализации гарантийно-обеспечительной функции. Так, ст. 101 ТК РФ допускает возможность установления работнику работы на условиях ненормированного рабочего времени. В частности, подобный режим труда может быть установлен, если должность включена в перечень, по которым соглашением сторон может быть предусмотрен такой режим. Включение работодателем тех или иных должностей в перечень, как правило, обусловлено объективными причинами. Например, работодатель использует в своей деятельности труд дистанционных работников, проживающих в разных часовых поясах. Стало быть, по отношению к работникам, которые в рамках своей трудовой функции вынуждены периодически обмениваться информацией с дистанционными работниками, у работодателя есть потребность установить ненормированный рабочий день. При этом ст. 101 ТК РФ не учитывает, что данную должность может занимать беременная женщина, лицо в возрасте до 18 лет, инвалид, т. е. лица, нуждающиеся в повышенной социальной защите. Их потребность в гарантированных условиях труда, не причиняющих вреда здоровью, останется нереализованной при том, что для них работа за пределами установленной продолжительности рабочего времени в форме сверхурочной работы либо запрещена, либо ограничена. Во избежание подобных ситуаций реализация основных функций трудового права должна быть сбалансирована с учетом социально значимых потребностей обеих сторон трудового отношения.

Полагаю, что отношение к труду и его правовой регламентации с учетом потребностей сторон трудового отношения в существенной мере будет определять успех или неуспех общества в его продвижении по пути экономического и социального прогресса. Как правило, изменения типа общества и экономики характеризуются интенсивными преобразованиями в сфере применения наемного труда и, как следствие, изменением места и роли человека в производственном процессе, что оказывает непосредственное влияние на эволюцию функций трудового права.

¹ Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Ю. Е. Хохлова. М., 2009. С. 66.

Библиография

Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948.

Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. Спб., 1909.

Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Ю. Е. Хохлова. М., 2009.

Зиновьев В. П. Индустриальные кадры старой Сибири: моногр. Томск, 2007 // URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/zinoviev/1-1.html>.

Илюшечкин В. П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы): моногр. М., 1996.

Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г. // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_416.htm.

Конотопов М. В., Сметанин С. И. Экономическая история: учеб. для вузов. 6-е изд. М., 2003.

Краткая история экономического развития: учеб. пособие. М., 1999 // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/berez/06.php.

Литвинов-Фалинский В. П. Наше экономическое положение и задачи будущего. Спб., 1908.

Лушников А. М. Российская школа трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени (сравнительно-правовое исследование): моногр.: в 2 т. / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. Ярославль, 2010. Т. 1.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13.

Микулин А. А. Нужды рабочих. Сборник статей по рабочему вопросу. Киев, 1905.

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1668.

О повышении социальных гарантий для трудящихся: Закон РСФСР от 19 апреля 1991 г. № 1028-1 (утратил силу) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 17. Ст. 506.

О порядке введения в действие Основ законодательства Российской Федерации об охране труда: постановление ВС РФ от 6 августа 1993 г. № 5602-1 (утратило силу) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 35. Ст. 1413.

Ожегов С. И. Словарь русского языка: около 57 000 слов. Екатеринбург, 1994.

Орлов В. В. Постиндустриальное общество и Россия // Философия и общество. 2003. № 3.

Романов П. В. Промышленный патернализм в системе социальной политики предприятий // Журн. исследований соц. политики. 2005. № 3. Т. 3.

Среднемесячная заработная плата в стране для оценки по п. 3 ст. 30 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ // URL: <http://www.pfr.kirov.ru/node/551>.

Теттенборн З. Советское законодательство о труде. М., 1920.

Тихонова Г. И., Чуранова А. Н., Горчакова Т. Ю. Производственный травматизм как проблема социально-трудовых отношений в России // Проблемы прогнозирования. 2012. № 3.

Устав о Промышленном труде (Св. Зак. т. XI ч. 2, изд. 1913 г., статьи 1–228 и 541–597) с правилами и распоряжениями, изданными на основании этих статей, с разъяснениями к ним Правительствующего Сената и административных установлений, приложениями и указаниями, алфавитным предметным и сравнительным постатейным / сост. В. В. Громан, начальник отделения промышленного труда Министерства торговли и промышленности. Пг., 1915.

Хохлов Е. Б. История труда и трудовое право: в 3 т. Т. 1: История труда в контексте хозяйственных, политических и ментальных систем / под ред. И. Ю. Козлихина. СПб., 2013.

Шелымагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России, 1900–1917. М., 1952.

Bibliography

Aleksandrov N. G. Trudovoe pravootnoshenie. M., 1948.

Bykov A. N. Fabrichnoe zakonodatel'stvo i razvitie ego v Rossii. Spb., 1909.

Glossarij po informacionnomu obshhestvu / pod obshh. red. Yu. E. Xoxlova. M., 2009.

Ilyushechkin V. P. Teoriya stadijnogo razvitiya obshhestva (istoriya i problemy): monogr. M., 1996.

Kodeks zakonov o trude RSFSR 1918 g. // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_416.htm.

Konotopov M. V., Smetanin S. I. Ehkonomicheskaya istoriya: ucheb. dlya vuzov. 6-e izd. M., 2003.

Kratkaya istoriya ehkonomicheskogo razvitiya: ucheb. posobie. M., 1999 // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/berez/06.php.

Litvinov-Falinskij V. P. Nashe ehkonomicheskoe polozhenie i zadachi budushhego. Spb., 1908.

Lushnikov A. M. Rossijskaya shkola trudovogo prava i prava social'nogo obespecheniya: portrety na fone vremeni (sravnitel'no-pravovoe issledovanie): monogr.: v 2 t. / A. M. Lushnikov, M. V. Lushnikova. Yaroslavl', 2010. T. 1.

Marks K., Ehngel's F. Soch. 2-e izd. M., 1959. T. 13.

- Mikulin A. A.* Nuzhdy rabochix. Sbornik statej po rabochemu voprosu. Kiev, 1905.
- O poryadke vvedeniya v dejstvie Osnov zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ob ohrane truda: postanovlenie VS RF ot 6 avgusta 1993 g. № 5602-1 (utratilo silu) // Vedomosti SND RF i VS RF. 1993. № 35. St. 1413.
- O povyshenii social'nyx garantij dlya trudyashhixsya: Zakon RSFSR ot 19 aprelya 1991 g. № 1028-1 (utratil silu) // Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR. 1991. № 17. St. 506.
- O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 5 aprelya 2013 g. № 60-FZ // SZ RF. 2013. № 14. St. 1668.
- Orlov V. V.* Postindustrial'noe obshchestvo i Rossiya // Filosofiya i obshchestvo. 2003. № 3.
- Ozhegov S. I.* Slovar' russkogo yazyka: okolo 57 000 slov. Ekaterinburg, 1994.
- Romanov P. V.* Promyshlennyy paternalizm v sisteme social'noj politiki predpriyatij // Zhurn. issledovanij soc. politiki. 2005. № 3. T. 3.
- Shelymagin I. I.* Zakonodatel'stvo o fabrichno-zavodskom trude v Rossii, 1900–1917. M., 1952.
- Srednemesyachnaya zarabotnaya plata v strane dlya ocenki po p. 3 st. 30 Federal'nogo zakona ot 17 dekabrya 2001 g. № 173-FZ // URL: <http://www.pfr.kirov.ru/node/551>.
- Tettenborn Z.* Sovetskoe zakonodatel'stvo o trude. M., 1920.
- Tixonova G. I., Churanova A. N., Gorchakova T. Yu.* Proizvodstvennyj travmatizm kak problema social'no-trudovyx otnoshenij v Rossii // Problemy prognozirovaniya. 2012. № 3.
- Ustav o Promyshlennom trude (Sv. Zak. t. XI ch. 2, izd. 1913 g., stat'i 1–228 i 541–597) s pravilami i rasporyazheniyami, izdannymi na osnovanii ehtix statej, s raz'yasneniyami k nim Pravitel'stvuyushhego Senata i administrativnyx ustanovlenij, prilozheniyami i ukazaniyami, alfavitnym predmetnym i sravnitel'nyim postatejnym / sost. V. V. Groman, nachal'nik otdeleniya promyshlennogo truda Ministerstva trgovli i promyshlennosti. Pg., 1915.
- Xoxlov E. B.* Istoriya truda i trudovoe pravo: v 3 t. T. 1: Istoriya truda v kontekste xozyajstvennyx, politicheskix i mental'nyx sistem / pod red. I. Yu. Kozlixina. SPb., 2013.
- Zinov'ev V. P.* Industrial'nye kadry staroj Sibiri: monogr. Tomsk, 2007 // URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/zinoviev/1-1.html>.

ПРИНЦИП НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ОПЕРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДНАДЗОРНЫХ СУБЪЕКТОВ

Черепанов Максим Мухтаржанович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорской деятельности
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: maxyatina@bk.ru

Пугачев Алексей Вячеславович

Преподаватель кафедры прокурорской деятельности
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: PugachjovAV@mail.ru

Принцип невмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций рассматривается как фактически сформированный и применяемый на практике специфический принцип организации и деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Раскрывается содержание данного принципа, обосновывается необходимость его закрепления в ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», где перечислены принципы организации и деятельности органов прокуратуры России, а также сохранения его в случае принятия нового закона, регулирующего вопросы организации, порядка деятельности и полномочий прокуратуры РФ, взамен действующего Закона о прокуратуре.

Ключевые слова: принцип деятельности, прокуратура, невмешательство, оперативно-хозяйственная деятельность

THE PRINCIPLE OF NON-INTERFERENCE OF PUBLIC PROSECUTOR'S OFFICES IN OPERATIVE-ECONOMIC ACTIVITY OF SUPERVISED SUBJECTS

Cherepanov Maksim

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: maxyatina@bk.ru

Pugachev Aleksey

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: PugachjovAV@mail.ru

The principle of non-interference in operative-economic activity of federal bodies of executive power, public authorities of subjects of the Russian Federation, local self-government authorities, commercial and non-commercial organizations is examined as a formed and applied specific principle of the organization and activity of public prosecutor's offices of the Russian Federation. A content of this principle is revealed; the necessity of including it in art. 4 of the Federal Law «On the public prosecutor's office of the Russian Federation» enshrining principles of the organization and activity of public prosecutor's offices in Russia is proved; the authors also underline the need to keep this principle in law even if a new law regulating issues of the organization, activity order and powers of the Russian Federation public prosecutor's office is accepted.

Key words: principle of activity, office of public prosecutor, non-interference, operative-economic activity

Принцип невмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов тесно связан с таким основным началом российского гражданского права, как принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, который закреплен в п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса РФ.

В ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹ (далее – Закон о прокуратуре) принцип недопустимости вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность субъектов не включен. Однако в ряде положений Закона о прокуратуре рассматриваемый принцип упоминается. Например, согласно п. 2 ст. 26 Закона о прокуратуре органы прокуратуры (при осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина) не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность организаций. Таким образом, Законом о прокуратуре установлены пределы компетенции органов прокуратуры по осуществлению надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина: не допускается какое-либо вмешательство прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных ей организаций. В связи с этим следует согласиться с В. И. Басковым, который отмечает: «При осуществлении общего надзора прокурорам надлежит правильно определять пределы по использованию своих полномочий, чтобы, с одной стороны, не оставить без реагирования установленные нарушения закона, а с другой – не вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность предприятий и не подменять контролирующие органы, хозяйственных руководителей и должностных лиц органов государственного управления»².

В целях правильного установления прокурорами пределов своей компетенции и исключения всякого рода вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов необходимо определить грань между оперативно-хозяйственной деятельностью и деятельностью, составляющей предмет надзора. Эта грань не всегда очевидна, ведь суть оперативно-хозяйственной деятельности законодательно нигде не определена.

Слова «оперативный» и «хозяйственный» имеют несколько значений. Оперативный – это непосредственно, практически осуществляющий что-либо; способный быстро, вовремя исправить или направить ход дел³. Хозяйственный – относящийся к ведению хозяйства, к экономической, производственной стороне дела⁴. Именно эти значения слов логичны при определении сути оперативно-хозяйственной деятельности, вмешательство в которую государственных надзорных органов недопустимо: оперативно-хозяйственная деятельность организации (всех видов и форм собственности, в том числе государственные и муниципальные органы как казенные учреждения), индивидуального предпринимателя – непосредственное, текущее, эффективное ведение хозяйства, непосредственная, текущая, эффективная экономическая (включая производственную) деятельность. Итак, с точки зрения грамматического и логического толкования запрет вмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорного субъекта означает запрет выполнять действия, относящиеся к текущему управлению организацией или предприятием индивидуального предпринимателя, совершать действия, предусмотренные учредительными документами организации (положением об органе) в качестве прав и полномочий органов управления соответствующего лица (т. е. вместо этих должностных лиц), но не предусмотренные Законом о прокуратуре в качестве правового средства прокурорской деятельности.

¹ О прокуратуре Российской Федерации: Закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

² Басков В. И. Курс прокурорского надзора: учеб. для студентов юрид. вузов и факультетов с приложением нормат. актов. М., 1998. С. 118.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 454.

⁴ Там же. С. 866.

Е. А. Бурмистрова так характеризует пределы компетенции прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: «Пределы прокурорского надзора за соблюдением законодательства обусловлены ограничениями, установленными Федеральным законом „О прокуратуре Российской Федерации“, согласно которому при осуществлении надзора за исполнением законов прокуратура не подменяет иные государственные органы и должностных лиц, которые осуществляют контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, не вмешивается в оперативно-хозяйственную деятельность организаций.

Исходя из полномочий, прокурор не вправе принимать какие-либо меры, направленные на прямое устранение нарушений закона. Обязанностью прокурора является выявление нарушений закона, их причин и способствующих им условий и понуждение соответствующего органа либо должностного лица к их устранению»¹.

Однако грамматического и логического толкования нормы о недопустимости вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность организаций недостаточно для полного понимания сути данного запрета как фактически сложившегося принципа организации и деятельности органов прокуратуры. Необходимо оценить это требование к деятельности прокуратуры также при помощи других способов толкования: историко-политического, систематического, специально-юридического.

В одном из первых нормативных актов Генерального прокурора РФ, принятых после вступления в силу Закона о прокуратуре, – в приказе «Об организации надзора и управления в органах прокуратуры Российской Федерации»² – было закреплено: «Прекратить практику проверок исполнения подзаконных и ведомственных правовых актов. Внесение протестов и иных актов прокурорского надзора по фактам, не носящим характера нарушений закона, рассматривать как вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность» (подп. 3.1 п. 3). В п. 5 приказа Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»³ (далее – приказ Генерального прокурора № 195) сформулировано: «Установить постоянный надзор за исполнением действующих на территории Российской Федерации законов, включая не противоречащие федеральному законодательству законы субъектов Российской Федерации». Таким образом, под вмешательством в оперативно-хозяйственную деятельность изначально, в частности, понималось нарушение правила: органы прокуратуры не должны вмешиваться туда, где нет фактов нарушений закона.

Однако в предмет надзорной деятельности органов прокуратуры включен надзор не только за исполнением субъектами (объектами) надзора действующих на территории Российской Федерации законов, но и за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Возвращаясь к упомянутой точке зрения В. И. Баскова, необходимо заметить, что он не случайно говорит об «общем» надзоре, поскольку, как показывает анализ законодательства о российской прокуратуре, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина только с недавних пор является самостоятельным направлением деятельности органов прокуратуры. До вступления в силу Федерального закона от 17 ноября 1995 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации

¹ Основные направления прокурорской деятельности: учеб. пособие / под ред. Н. П. Дудина. СПб., 2011. С. 6.

² Об организации надзора и управления в органах прокуратуры Российской Федерации: приказ Генерального прокурора РФ от 28 мая 1992 г. № 20 (в ред. от 22 мая 1996 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 (в ред. от 21 июня 2016 г.) // Там же.

„О прокуратуре Российской Федерации“»¹ указанный институт прокурорского надзора был составной частью надзора за исполнением законов («общего» надзора).

В связи с этим представляется не совсем ясным, почему законодатель, выделив из состава надзора за исполнением законов («общего» надзора) надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в самостоятельное направление деятельности российской прокуратуры, оставил в п. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре (предмет надзора за исполнением законов) следующую формулировку: «При осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы», не дополнив ее формулировкой «не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность организаций». В то же время в п. 2 ст. 26 указанного Закона (предмет надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина) содержится полная формулировка: «Органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы и должностных лиц, которые осуществляют контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность организаций».

Итак, первым признаком соблюдения принципа невмешательства органов и должностных лиц прокуратуры РФ в оперативно-хозяйственную деятельность субъектов (объектов) надзора и при осуществлении надзора за исполнением действующих на территории Российской Федерации законов, и при осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина является соблюдение пределов надзора: надзор за исполнением закона, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (прежде всего гарантированных Конституцией РФ), а также в силу ст. 15 Конституции РФ надзор за исполнением общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ (подп. 7.1 п. 7 приказа Генерального прокурора № 195) осуществляются в пределах исполнения объектами надзора действующих законов (материальная составляющая).

Второй признак соблюдения принципа невмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность – соблюдение прокурором установленного законом порядка разрешения спорного правоотношения, т. е. использование прокурором только предусмотренных законом и обеспеченных законными полномочиями правовых средств (процессуальная составляющая).

Например, согласно ст. 382 Трудового кодекса РФ индивидуальный трудовой спор разрешается комиссией по трудовым спорам или судами. Прокурор при наличии законных оснований уполномочен предъявить гражданский иск о разрешении индивидуального трудового спора и выступить в защиту гарантированного законом трудового права гражданина. Однако применение в такой ситуации прокурором недопустимого законом средства реагирования (в частности, внесение представления об устранении нарушений закона, причин и условий, им способствующих) будет вмешательством в оперативно-хозяйственную деятельность.

Так, 19 января 2015 г. заместитель Невьянского городского прокурора Свердловской области внес генеральному директору государственного автономного учреждения культуры Свердловской области «Невьянский государственный историко-архитектурный музей» представление об устранении нарушений Трудового кодекса РФ в части возложения обязанности начислить и выплатить работнику Ш. надбавку за квалификационную категорию с сентября 2013 г. по настоящее время. Генеральный директор обратился в суд в порядке гражданского судопроизводства (до вступления в силу Кодекса административного судопроизводства РФ) с заявлением о признании представления прокуро-

¹ О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 17 ноября 1995 г. № 168-ФЗ (с изм. от 5 июня 2007 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

ра незаконным. Решением Невьянского городского суда Свердловской области от 8 мая 2015 г. заявление генерального директора удовлетворено. Апелляционной инстанцией решение Невьянского городского суда оставлено без изменения. В апелляционном определении Свердловского областного суда от 28 октября 2015 г. по делу № 33-14922/2015¹ указано, что в рассмотренной ситуации действия заместителя прокурора находились за пределами компетенции прокурора. В силу п. 2 ст. 26 Закона о прокуратуре эти действия являлись вмешательством прокурора в оперативно-хозяйственную деятельность организации и подменой прокурором других государственных органов. Индивидуальные трудовые споры как неурегулированные разногласия между работодателем и работником разрешаются только указанными в законе органами: комиссией по трудовым спорам или судом. Следовательно, прокурор не наделен полномочиями разрешать индивидуальный трудовой спор и вносить работодателю обязательное для исполнения представление об устранении нарушений закона, их причин и условий, им способствующих. Вместе с тем при наличии законных оснований прокурор был обязан подать в соответствующий суд исковое заявление о разрешении индивидуального трудового спора. В данном же случае Ш. самостоятельно обратилась в суд с заявлением о разрешении по существу индивидуального трудового спора, ее требования судом удовлетворены, решение вступило в законную силу: с работодателя взыскана указанная надбавка.

Вмешательством органов прокуратуры в деятельность как коммерческих, так и некоммерческих организаций признается и вмешательство в корпоративные споры. Запрет на такие действия прокуроров, в частности, закреплен в подп. 8.4 п. 8 приказа Генерального прокурора № 195. По смыслу положений подп. 8.5 п. 8 этого же приказа вмешательством будет инициируемое прокурорами приостановление производства и строительства объектов (кроме случаев угрозы безопасности граждан). Как видим, безопасность граждан важнее общего правила о недопустимости вмешательства прокурора в оперативно-хозяйственную деятельность.

Есть примеры того, что принцип невмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов (объектов) соблюдается должностными лицами органов прокуратуры (с учетом установленных законом предмета надзора и правовых средств надзора). Так, при проведении проверки соблюдения трудового законодательства в аптеке № 92 г. Миасса Челябинской области прокурор города указал, что прокуратура не имеет права вмешиваться в хозяйственную деятельность этой аптеки, пояснив: «В уставе аптеки написано, что это коммерческая организация, основной задачей которой является получение прибыли. Прокуратура не имеет права указывать ей, как вести свою хозяйственную деятельность...»²

Систематическое толкование п. 2 ст. 26 Закона о прокуратуре в части установления принципа невмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность позволяет сделать ряд выводов. Запрет на вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность организаций и индивидуальных предпринимателей действителен не только для органов прокуратуры при осуществлении ими надзорной функции. Этот запрет действует и в отношении отдельных органов контроля. Так, согласно ч. 4 ст. 36 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации»³ инспекторы и иные сотрудники аппарата Счетной палаты не вправе вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность объектов аудита (контроля), а также разглашать полученную информацию, предавать гласности свои выводы до принятия Коллегией Счетной палаты соответствующего решения.

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² По материалам информационного портала г. Златоуста Челябинской области: URL: <http://zlatoust.org>.

³ О Счетной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ (в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

Аналогичное ограничение применительно к деятельности контрольно-счетных органов субъектов РФ и муниципальных образований содержит ч. 3 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ¹.

Отраслевые законы, регулирующие деятельность других контролирующих органов², и межотраслевой федеральный закон, регламентирующий общий порядок осуществления государственного (муниципального) контроля³, не содержат прямого ограничения на вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (законными средствами и при наличии законных оснований, конечно). Напротив, эти акты определяют средства такого вмешательства: выдача предписания о совершении конкретных действий, направленных на соблюдение обязательных требований, приостановление деятельности, нарушающей обязательные требования, создающей угрозу жизни и (или) здоровью граждан, наступления иных опасных указанных в законе последствий.

Граница между вмешательством и невмешательством органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов (объектов) достаточно четко проявляется при анализе соотношения прокурорского надзора и государственного (муниципального) контроля. В науке прокурорского надзора принято разграничивать указанные понятия. Деятельность государственных (муниципальных) контролирующих органов, в отличие от деятельности прокуратуры по осуществлению прокурорского надзора, обычно предполагает при наличии законных оснований максимальное воздействие на порядок осуществления оперативно-хозяйственной деятельности контролируемых субъектов (объектов). М. С. Шалумов пишет по этому поводу: «Поскольку вся оперативная деятельность субъектов (объектов) регламентируется нормативными актами, включая локальные, то осуществление контроля становится равнозначным неограниченному вмешательству в саму эту деятельность»⁴. Полностью согласиться с этой позицией нельзя, поскольку перечисленные законы закрепляют конкретные основания, поводы, порядок, средства вмешательства контролирующих органов (их должностных лиц) в оперативно-хозяйственную деятельность объектов контроля, а также устанавливают последствия нарушения условий вмешательства и ответственность должностных лиц органов контроля за нарушение этих условий. В свою очередь органы государственного (муниципального) контроля (надзора) и осуществление ими контрольных (надзорных) функций включены в предмет прокурорского надзора. И все же органы контроля уполномочены указать конкретные действия и порядок их совершения в предписании, а в отдельных случаях и запретить совершать какие-либо действия по осуществлению оперативно-хозяйственной деятельности (приостановить деятельность предприятия). Следовательно, степень влияния органов прокуратуры на оперативно-хозяйственную деятельность объектов надзора (объектов контроля) при осуществлении прокурорского

¹ Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ (в ред. Федерального закона от 4 марта 2014 г. № 23-ФЗ) // Рос. газ. 2011. 11 февр.

² См., например: О пожарной безопасности: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (в ред. от 23 июня 2016 г.) // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649; О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Там же. 1999. № 14. Ст. 1650; Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Рос. газ. 2002. 12 янв.

³ О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 4 июля 2016 г.) // Рос. газ. 2008. 30 дек.

⁴ Шалумов М. С. Проблемы функционирования российской прокуратуры в условиях формирования демократического правового государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 29.

надзора и органов государственного (муниципального) контроля (надзора) при осуществлении ими такового контроля (надзора) существенно различается. При этом последние, как и прокурор, не уполномочены совершать действия, относящиеся к оперативно-хозяйственной деятельности субъектов (объектов) надзора (контроля), вместо уполномоченных должностных лиц этих организаций.

Таким образом, оперативно-хозяйственная деятельность подконтрольных субъектов (органов, организаций и граждан) выступает объектом государственного контроля, который включает помимо оценки фактического исполнения законов и подзаконных нормативных актов определение целесообразности выбора средств и способов выполнения подконтрольными субъектами (объектами) их обязанностей, качественных и количественных показателей их деятельности. Объектом прокурорского надзора является лишь исполнение законов поднадзорными прокуратуре субъектами (объектами), включая издание ими правовых актов, при этом органы прокуратуры оценивают всю указанную деятельность субъектов (объектов) только с позиции законности, но не с позиции целесообразности, порядка соблюдения обязательных требований осуществления подконтрольной деятельности (Правил пожарной безопасности, санитарно-гигиенических правил, технических регламентов и прочих подзаконных и ведомственных (муниципальных) правовых актов).

Например, оспаривая постановление мирового судьи по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 17.7 КоАП РФ, по факту привлечения за неисполнение законных требований прокурора, изложенных в представлении межрайонного природоохранного прокурора Московской области от 19 ноября 2014 г., привлеченное к административной ответственности лицо указывало на неконкретность требований прокурора и, как следствие, на отсутствие своего умысла на неисполнение данных требований. Оценивая этот довод, Московский городской суд отметил в постановлении: «...в представлении прокурора от 19 ноября 2014 года указаны нарушения природоохранного законодательства, выявленные в ходе проверки, юридическое лицо, допустившее указанные нарушения, а также иные данные, необходимые для его выполнения, а поскольку на основании п. 2 ст. 26 Федерального закона от 17.01.1992 года № 2202-1 „О прокуратуре Российской Федерации“ прокурор не вправе вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность организаций, способ устранения нарушений, указанных в представлении, должно было выбрать само лицо, которому внесено представление»¹. Постановление мирового судьи о привлечении к административной ответственности оставлено без изменения с учетом установленных фактов бездействия лица по безотлагательному рассмотрению представления и совершению в течение одного месяца со дня получения представления конкретных действий, направленных на устранение выявленных нарушений закона.

Таким образом, пределом влияния прокурора на оперативно-хозяйственную деятельность субъекта (объекта) надзора будет указание в акте прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона и требование об их устранении, а также об устранении причин данных нарушений закона и условий, им способствующих. Определение порядка совершения действий, входящих в оперативно-хозяйственную деятельность субъекта (объекта) надзора, самих конкретных действий, совершение которых, по мнению прокурора, необходимо, выходит за рамки полномочий прокурора и признается вмешательством в оперативно-хозяйственную деятельность субъекта (объекта) надзора.

Не считается вмешательством в оперативно-хозяйственную деятельность проведение органами прокуратуры проверок исполнения законов поднадзорными субъектами (объ-

¹ Постановление Московского городского суда от 2 ноября 2015 г. № 4а-3366/2015 // СПС «Консультант-Плюс».

ектами), хотя в процессе их проведения сотрудники органов прокуратуры истребуют документацию, касающуюся предмета проверки. Конечно, прокурорские проверки должны осуществляться в строгом соответствии с Законом о прокуратуре, в абз. 1 п. 2 ст. 21 которого закреплено, что проверки исполнения законов проводятся на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором; а также в соответствии с нормативными актами Генерального прокурора РФ, в частности приказом Генерального прокурора РФ № 195, приказом от 28 мая 2015 г. № 265¹. Отступление от указанных нормативных актов следует считать не чем иным, как вмешательством органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов (объектов). Здесь вновь следует согласиться с М. С. Шалумовым, который отмечает: «Прокурорские проверки, в отличие от проверок контролирующих органов, проводятся на основании информации о нарушениях закона, прав и свобод граждан и в случаях, когда такие факты требуют принятия мер именно прокурором. Прокуратура не наделена такими административными полномочиями, как приостановление деятельности организации, вынесение обязательных предписаний, отказ в приемке объекта, наложение административных взысканий; она лишь ставит перед соответствующими органами или судом вопросы об устранении нарушений закона, наказании виновных лиц»².

Таким образом, прокурорские проверки не предполагают вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов (объектов).

Результатом систематического толкования п. 2 ст. 26 Закона о прокуратуре может стать следующий вывод: при осуществлении прокурорского надзора и государственного (муниципального) контроля недопустимо совершение действий за субъекта (объект) надзора (контроля), но лишь понуждение законными средствами совершить соответствующие действия, входящие в оперативно-хозяйственную деятельность. Отличием прокурорского надзора от государственного (муниципального) контроля является то, что контрольные органы определяют конкретные действия, отнесенные к оперативно-хозяйственной деятельности, и таким образом существенно влияют на оперативно-хозяйственную деятельность субъектов (объектов), а прокурор устанавливает цель этих действий – восстановление законности, не подменяя органы управления самого субъекта (объекта) и контрольные органы при выборе порядка совершения действий для достижения цели.

Интересно обратиться к судебной практике. Суды нередко констатируют недопустимость вмешательства прокуратуры в деятельность поднадзорных субъектов (объектов). Так, в решении Становлянского районного суда Липецкой области от 11 октября 2005 г. указывается, что прокуратура не имела права вмешиваться (путем внесения представления об устранении нарушений закона в адрес одной из организаций) в правоотношения, возникшие между двумя юридическими лицами по вопросу исполнения договора энергоснабжения, поскольку эти правоотношения являются договорными, хозяйственными. В решении также отмечено: «Суд приходит к выводу о том, что данным Представлением от 26.04.2005 года № 16ж-05 об устранении грубых нарушений законодательства об электроснабжении, защите прав потребителей, антимонопольного законодательства нарушены права ОАО „ЛЭСК“, предоставленные им ст. 546 ГК РФ, необоснованно произведено вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность, а также нарушен принцип свободы договора»³.

¹ О порядке исполнения Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 2-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»: приказ Генерального прокурора РФ от 28 мая 2015 г. № 265 // СПС «КонсультантПлюс».

² Шалумов М. С. Указ. соч. С. 29.

³ URL: http://stanovlsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=info_court.

К сожалению, неоднократно имели место случаи вмешательства прокуроров в оперативно-хозяйственную деятельность организаций коммунального комплекса в интересах крупных ресурсоснабжающих организаций путем применения мер прокурорского реагирования, содержащих прямые требования уплатить задолженность за энергетические ресурсы, хотя данная функция является функцией судебной власти. Прокурор не наделен полномочиями определять за организацию порядок действий по совершению платежей, даже если такое вмешательство направлено на защиту прав и свобод граждан-потребителей коммунальных услуг. Для защиты прав и свобод человека и гражданина на нормальное жизнеобеспечение у прокурора имеются иные правовые средства.

Так, прокурором Ики-Бурульского района Республики Калмыкия предъявлен иск к акционерному обществу «Газпром газораспределение Элиста» в Элистинский городской суд Республики Калмыкия в защиту прав и свобод, законных интересов неопределенного круга лиц о признании незаконным бездействия ответчика по возобновлению газоснабжения для добросовестных граждан-потребителей (к моменту рассмотрения дела судом ответчик возобновил газоснабжение добросовестных потребителей, поэтому требование об обязывании возобновить газоснабжение этих потребителей прокурор исключил). 17 ноября 2015 г. решением Элистинского городского суда Республики Калмыкия исковые требования прокурора удовлетворены.

Ответчик подал апелляционную жалобу в Верховный суд Республики Калмыкия, в которой просил суд апелляционной инстанции отменить решение Элистинского городского суда, приняв по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований прокурора. Ответчик обосновывал жалобу, в частности, доводом о несоответствии требований прокурора положениям п. 2 ст. 26 Закона о прокуратуре, поскольку данные требования, по мнению апеллянта, нарушают принцип невмешательства прокурора в оперативно-хозяйственную деятельность организации и выходят за пределы иска в защиту интересов неопределенного круга лиц. Удовлетворение судом заявления прокурора привело к прямому нарушению положений гражданского законодательства и противоречит установленным законом целям предпринимательской деятельности.

Апелляционным определением Верховного суда Республики Калмыкия от 26 января 2016 г. № 33-49/2016¹ решение Элистинского городского суда Республики Калмыкия оставлено без изменения, а апелляционная жалоба АО «Газпром газораспределение Элиста» – без удовлетворения. В обоснование своего решения Верховный суд Республики Калмыкия указал: в результате невозобновления газоснабжения АО «Газпром газораспределение Элиста» многоквартирных домов прекращена поставка коммунальных ресурсов жителям многоквартирных домов, которые лишены возможности получать коммунальные услуги в виде теплоснабжения, что нарушает законные права граждан. Действия ответчика по ограничению и прекращению поставки газа в котельные есть злоупотребление правом и доминирующим положением коммерческой организации. В соответствии с законодательством гражданам-потребителям коммунальных услуг должна быть обеспечена бесперебойная подача в жилое помещение коммунальных ресурсов надлежащего качества в объемах, необходимых потребителю. Наличие неоплаченной задолженности исполнителя таких услуг перед ресурсоснабжающей организацией не свидетельствует о правомерности осуществления действий по прекращению поставки ресурса. Соглашение, которое во избежание нарушения прав добросовестных потребителей должно быть заключено ответчиком до прекращения подачи газа, не было заключено, в связи с чем действия ответчика признаны незаконными. Отсутствие договорных отношений ответчика с гражданами-потребителями не может служить осно-

¹ СПС «КонсультантПлюс».

ванием для нарушения их прав и законных интересов. Действия энергоснабжающей организации по прекращению поставки ресурсов организациям-потребителям, к чьим сетям подключены абоненты, своевременно оплачивающие использованные топливно-энергетические ресурсы, при отсутствии соглашения о подаче топливно-энергетических ресурсов таким абонентам, в том числе гражданам-потребителям, ведут к нарушению их прав на получение коммунальных услуг. В силу п. 4 ст. 27 Закона о прокуратуре в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина, защищаемых в порядке гражданского судопроизводства, когда пострадавший по состоянию здоровья, возрасту или иным причинам не может лично отстаивать в суде свои права и свободы или когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение, прокурор предъявляет и поддерживает в суде иск в интересах пострадавших.

Судом также признано, что указанное заявление прокурора Ики-Бурульского района Республики Калмыкия направлено не только на устранение нарушений закона, уже допущенных ответчиком, но и на защиту интересов граждан, в отношении которых в будущем могут быть допущены подобные нарушения гарантированных Конституцией России и законами прав и свобод, и количество этих граждан, их круг определить невозможно.

По изложенным причинам апелляционная инстанция признала необоснованными доводы ответчика о том, что требования прокурора выходят за пределы иска в защиту интересов неопределенного круга лиц и противоречат п. 2 ст. 26 Закона о прокуратуре, предусматривающему невмешательство органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность организаций.

О недопустимости вмешательства прокуратуры в деятельность поднадзорных субъектов (объектов) высказался и Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17 февраля 2015 г. № 2-П¹ (абз. 3 п. 2 и абз. 7 п. 4).

Подводя итог анализа содержания специфического принципа организации и деятельности органов прокуратуры – принципа невмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность субъектов (объектов) надзора, необходимо сформулировать следующие выводы.

Представляется, что отсутствие в п. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре указания на недопустимость вмешательства прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность организаций является серьезным пробелом, поскольку при осуществлении «общего» надзора органы прокуратуры надзирают за исполнением законов точно таким же кругом поднадзорных им организаций и должностных лиц, что и при надзоре за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, и не уполномочены вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность этих организаций. Отсутствие формулировки о запрете вмешательства прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность организаций при осуществлении надзора за исполнением законов может привести к тому, что как в теории, так и на практике возникнет мнение, что такого рода вмешательство органов прокуратуры при выполнении ими функций по надзору за исполнением законов допустимо, а это вызовет весьма негативные последствия, в первую очередь нарушение рассматриваемого принципа организации и деятельности российской прокуратуры.

Анализ формулировки принципа невмешательства органов прокуратуры в деятельность поднадзорных субъектов (объектов), закрепленной в п. 2 ст. 26 Закона о прокуратуре, позволяет выявить еще один серьезный пробел: согласно Закону органам прокуратуры запрещено вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность только

¹ Рос. газ. 2015. 2 марта.

организаций, однако с такой позицией законодателя согласиться нельзя. Представляется наиболее целесообразной, логичной и законной такая позиция прокуратуры, при которой она не вмешивается в оперативно-хозяйственную деятельность всех поднадзорных ей субъектов (объектов), т. е. не только коммерческих и некоммерческих организаций, но и органов, перечисленных в п. 1 ст. 21 и п. 1 ст. 26 Закона о прокуратуре: федеральных министерств, государственных комитетов, служб и иных федеральных органов исполнительной власти, представительных (законодательных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, органов военного управления, органов контроля и органов управления. В самом деле, трудно представить, как прокурор вмешивается в оперативно-хозяйственную деятельность, например, Министерства юстиции РФ, уполномоченного по правам человека или местной администрации.

В связи с изложенными проблемами необходимо внести в Закон о прокуратуре дополнения.

Во-первых, предлагается закрепить отдельным пунктом в ст. 4 Закона о прокуратуре формулировку рассматриваемого принципа, изложив ее в следующем виде: *«6. При выполнении своих функций сотрудники российской прокуратуры обязаны руководствоваться также принципом невмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов (объектов). Не допускается какое-либо вмешательство органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных им органов и организаций, указанных в абзацах 1–5 пункта 2 статьи 1 настоящего Закона. За нарушение настоящего принципа должностные лица органов прокуратуры несут установленную законом ответственность как за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих должностных обязанностей».*

Во-вторых, в п. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре нужно ввести формулировку принципа невмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов (объектов), которая содержится, как было отмечено, лишь в п. 2 ст. 26 названного Закона, дополнив указанную формулировку в той части, в которой она содержит запрет вмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность только поднадзорных им организаций, указав наряду с организациями поднадзорные органы. Пункт 2 ст. 21 Закона о прокуратуре целесообразно изложить в следующей редакции: *«При осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы, не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность органов и организаций, указанных в пункте 1 настоящей статьи».*

В-третьих, аналогичную формулировку стоит закрепить в п. 2 ст. 26 Закона о прокуратуре: *«При осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы, не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность органов и организаций, указанных в пункте 1 настоящей статьи».*

Внесение предложенных изменений в Закон о прокуратуре не изменит предметной компетенции прокуроров при осуществлении ими функций надзора за оперативно-розыскной деятельностью, производством дознания, предварительного следствия, производством по делам об административных правонарушениях, контрольной (надзорной) деятельностью органов государственного (муниципального) контроля (надзора), поскольку перечисленные виды деятельности государственных (муниципальных) органов, должностных лиц, отнесенных Законом о прокуратуре к субъектам (объектам) надзора, не являются оперативно-хозяйственной деятельностью этих субъектов (объектов) надзора.

В случае принятия нового закона, определяющего в соответствии с ч. 1 ст. 129 Конституции РФ полномочия, организацию и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации, взамен действующего необходимо включение в него данного принципа в качестве специфического принципа организации и деятельности прокуратуры РФ.

В заключение представляется интересным обратиться к опыту прокуратур стран Содружества Независимых Государств. Так, ст. 23 «Недопустимость вмешательства прокурора в хозяйственную и иную деятельность» Закона Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Узбекистан „О прокуратуре“»¹ закрепляет, что вмешательство прокурора непосредственно в хозяйственную и иную деятельность, а также подмена ведомственного управления и контроля не допускаются. В приказе Генерального прокурора Кыргызской Республики от 16 мая 2005 г. № 6/6 «О запрете вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность хозяйствующих субъектов (объектов) при осуществлении прокурорских проверок»² особо отмечено, что «...в последнее время имеются факты вмешательства сотрудников органов прокуратуры, осуществляющих соответствующие проверки, в вопросы оперативно-хозяйственной деятельности субъектов предпринимательства, правильности начисления и уплаты налогов и иных обязательных платежей в бюджет, подменяя тем самым органы контроля и предмет надзорных проверок, что прямо противоречит требованиям пункта 2 статьи 15 Закона „О прокуратуре Кыргызской Республики“». Также в этом приказе установлена недопустимость вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность хозяйствующих субъектов.

Таким образом, принцип невмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов (объектов) признается и соблюдается не только прокуратурой Российской Федерации, но и прокуратурами других стран. Это свидетельствует о важности и значимости рассматриваемого принципа организации и деятельности прокуратуры как для всей отрасли прокурорского надзора, так и для органов прокуратуры.

Библиография

Апелляционное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 26 января 2016 г. № 33-49/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Апелляционное определение Свердловского областного суда от 28 октября 2015 г. по делу № 33-14922/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Басков В. И. Курс прокурорского надзора: учеб. для студентов юрид. вузов и факультетов с приложением нормат. актов. М., 1998.

Информационный портал г. Златоуста Челябинской области: URL: <http://zlatoust.org>.

О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Узбекистан «О прокуратуре»: Закон Республики Узбекистан от 29 августа 2001 г. // URL: <http://www.uza.uz>.

О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 17 ноября 1995 г. № 168-ФЗ (с изм. от 5 июня 2007 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

О запрете вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность хозяйствующих субъектов (объектов) при осуществлении прокурорских проверок: приказ Генерального прокурора Кыргызской Республики от 16 мая 2005 г. № 6/6 // URL: <http://www.adviser.kg>.

О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 4 июля 2016 г.) // Рос. газ. 2008. 30 дек.

О пожарной безопасности: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (в ред. от 23 июня 2016 г.) // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

¹ URL: <http://www.uza.uz>.

² URL: <http://www.adviser.kg>.

О порядке исполнения Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 2-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»: приказ Генерального прокурора РФ от 28 мая 2015 г. № 265 // СПС «КонсультантПлюс».

О прокуратуре Российской Федерации: Закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

О Счетной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ (в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ (в ред. Федерального закона от 4 марта 2014 г. № 23-ФЗ) // Рос. газ. 2011. 11 февр.

Об организации надзора и управления в органах прокуратуры Российской Федерации: приказ Генерального прокурора РФ от 28 мая 1992 г. № 20 (в ред. от 22 мая 1996 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 (в ред. от 21 июня 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Рос. газ. 2002. 12 янв.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

Основные направления прокурорской деятельности: учеб. пособие / под ред. Н. П. Дудина. СПб., 2011.

Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П // Рос. газ. 2015. 2 марта.

Постановление Московского городского суда от 2 ноября 2015 г. № 4а-3366/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Решение Становлянского районного суда Липецкой области от 11 октября 2005 г. // URL: http://stanovlsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=info_court.

Шалунов М. С. Проблемы функционирования российской прокуратуры в условиях формирования демократического правового государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

Bibliography

Apellyacionnoe opredelenie Sverdlovskogo oblastnogo suda ot 28 oktyabrya 2015 g. po delu № 33-14922/2015 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Apellyacionnoe opredelenie Verxovnogo suda Respubliki Kalmykiya ot 26 yanvarya 2016 g. № 33-49/2016 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Baskov V. I. Kurs prokurorskogo nadzora: ucheb. dlya studentov yurid. vuzov i fakul'tetov s prilozheniem normat. aktov. M., 1998.

Informacionnyj portal g. Zlatoust Chelyabinskoy oblasti: URL: <http://zlatoust.org>.

О порядке исполнения Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 2-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»: приказ Генерального прокурора РФ от 28 мая 2015 г. № 265 // SPS «Konsul'tantPlyus».

О пожарной безопасности: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (в ред. от 23 июня 2016 г.) // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

О прокуратуре Российской Федерации: Закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

О Счетной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ (в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Узбекистан «О прокуратуре»: Закон Республики Узбекистан от 29 августа 2001 г. // URL: <http://www.uza.uz>.

О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 17 ноября 1995 г. № 168-ФЗ (с изм. от 5 июня 2007 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

О запрете вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность хозяйствующих субъектов (объектов) при осуществлении прокурорских проверок: приказ Генерального прокурора Кыргызской Республики от 16 мая 2005 г. № 6/6 // URL: <http://www.adviser.kg>.

О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 4 июля 2016 г.) // Рос. газ. 2008. 30 дек.

Об обших принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ (в ред. Федерального закона от 4 марта 2014 г. № 23-ФЗ) // Рос. газ. 2011. 11 февр.

Об организации надзора и управления в органах прокуратуры Российской Федерации: приказ Генерального прокурора РФ от 28 мая 1992 г. № 20 (в ред. от 22 мая 1996 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 (в ред. от 21 июня 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Рос. газ. 2002. 12 янв.

Основныe направления прокурорской деятельности: учеб. пособие / под ред. Н. П. Дудина. СПб., 2011.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П // Рос. газ. 2015. 2 марта.

Постановление Московского городского суда от 2 ноября 2015 г. № 4а-3366/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Решение Становлянского районного суда Липецкой области от 11 октября 2005 г. // URL: http://stanovlsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=info_court.

Shalunov M. S. Проблемы функционирования российской прокуратуры в условиях формирования демократического правового государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРОЙ НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Домченко Артем Сергеевич

Аспирант кафедры теории государства и права, конституционного и административного права
Южно-Уральского государственного университета (Челябинск),
e-mail: artem.domchenko@yandex.ru

Статья посвящена сложным вопросам, возникающим при осуществлении прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов исполнительной власти. Исследуются методологические и правовые основы прокурорского надзора за законностью «квазинормативных» административно-правовых актов. Предпринимается попытка системного рассмотрения феномена административного нормотворчества в соотношении с деятельностью российской прокуратуры, направленной на обеспечение законности нормативных правовых актов органов исполнительной власти.

Ключевые слова: правовой акт, нормативные правовые акты органов исполнительной власти, прокурорский надзор, прокуратура, нормативность

PROBLEMATIC ISSUES OF THE RUSSIAN PROSECUTOR'S OFFICE SUPERVISION OVER THE LEGALITY OF NORMATIVE LEGAL ACTS OF BODIES OF EXECUTIVE POWER

Domchenko Artem

South Ural State University (Chelyabinsk),
e-mail: artem.domchenko@yandex.ru

The article is devoted to difficult issues arising in the implementation of public prosecutor's supervision over the legality of legal acts of the executive power. The methodological and legal basis of public prosecutor's supervision over the legality of «quasi-normative» administrative-legal acts are examined. The author attempts to consider systematically the phenomenon of administrative rule-making in relation to the Russian prosecutor's office activity directed to ensure the legality of legal acts of the executive power.

Key words: legal act, normative legal acts of bodies of executive power, public prosecutor's supervision, prosecutor's office, normativity

Деятельность публичной администрации невозможно представить без принимаемых в рамках предоставленных ей полномочий нормативных правовых актов, направленных на регламентацию общественных отношений того или иного вида. Однако субъекты исполнительной власти, обладая нормотворческим потенциалом, действуют в пространстве правовых ограничений, соблюдение которых обеспечивается органами контроля и надзора (их должностными лицами), в том числе относящимися к системе прокуратуры РФ.

Безусловно, этот процесс (как и большинство видов юридической практики) не может протекать без определенных трудностей, возникающих при осуществлении прокуратурой надзора за законностью нормативных правовых актов органов исполнительной власти¹.

¹ Для целей настоящей статьи категории «органы исполнительной власти», «органы публичного управления», «публичная администрация» употребляются в качестве синонимов.

Согласно ст. 21 ФЗ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ») к предмету прокурорского надзора относится соответствие законам правовых актов, издаваемых федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, органами контроля, их должностными лицами.

Генпрокурор России, называя в ряде приказов² надзор за законностью правовых актов (в том числе нормативных правовых актов органов исполнительной власти) одним из основных направлений надзорной деятельности, определяет арсенал средств прокурора по выявлению нарушений законности и реагированию на такие нарушения.

Многие исследователи (С. Г. Кехлеров, О. С. Капинус, А. Ю. Винокуров, В. Г. Бессарабов, В. А. Никонов и др.) прокурорский надзор за законностью правовых актов органов исполнительной власти рассматривают в качестве деятельности, выражающейся в сравнении (сопоставлении) законов и подзаконных актов различного уровня с дальнейшим выявлением в последних явно выраженных «несоответствий» актам (нормам права) высшего уровня согласно установленной иерархии правовых актов в России (от Конституции РФ до актов территориальных подразделений органов исполнительной власти и далее актов органов местного самоуправления) и применением мер прокурорского реагирования на выявленные нарушения законности. При этом законность толкуется расширительно: прокуратура надзирает не только за соответствием того или иного правового акта, в том числе нормативного, Конституции РФ и закону, но и обеспечивает соблюдение требований указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ. В частных случаях имеет место обращение и к иным нормативным правовым актам государственных органов, соблюдение требований которых фактически обеспечивается прокуратурой.

В то же время зачастую, комментируя законодательство, исследователи надзорной деятельности прокуратуры в части обеспечения законности правовых актов органов публичного управления ограничиваются лишь описанием реальных случаев и фактов выявления нарушений законности или приведением статистических данных³. Однако названный подход максимально упрощает видение проблемного поля деятельности органов прокуратуры, позволяет лишь обобщенно представить надзор за законностью нормативных правовых актов органов исполнительной власти. Поэтому полагаем верным рассмотрение интересующего нас феномена с четырех позиций: 1) статуса прокуратуры как государственного органа, осуществляющего надзор за законностью правовых актов органов публичного управления; 2) количества органов исполнительной власти, задействованных в подготовке и принятии нормативных правовых актов; 3) характера нормативных правовых актов органов исполнительной власти; 4) средств прокуратуры по обеспечению законности нормативных правовых актов публичной администрации.

¹ СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

² Приказы Генпрокурора России от 2 октября 2007 г. № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления»; от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»; от 21 июня 2013 г. № 252 «О совершенствовании прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства органами государственной власти, местного самоуправления, иными органами и организациями»; от 29 августа 2014 г. № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» и др.

³ См., например: *Завражнов Е.* Правотворческая функция органов прокуратуры // *Законность*. 2014. № 7; *Поневежский В.* Взаимодействие прокуратуры и законодательных (представительных) органов власти субъектов Федерации в процессе формирования их законодательной базы // Там же. 2006. № 1; *Щербаков А.* Взаимодействие прокуратуры с органами власти и местного самоуправления // Там же. 2014. № 10; *Рожкевич А.* Организация надзора за законностью нормативных правовых актов // Там же. 2013. № 12.

1. Обратимся к исходному суждению о том, что «в управленческом процессе пре-скриптивная информация в виде норм и индивидуальных решений идет всегда в одном направлении – сверху вниз, от управляющей к управляемой системе»¹, что правовые акты различного уровня выстраиваются иерархически в соответствии с местом принимающего их государственного органа во властной вертикали (однако и здесь не обходится без исключений, к примеру при выработке административно-правовой политики в результате принятия программных актов управления: концепций, стратегий, программ и т. д.).

«Методы административно-политического влияния, как правило, основаны на альтернативных подходах к использованию видов управления в той или иной сфере деятельности, ограничении или ослаблении государственного вмешательства в ведение отдельных видов деятельности, возможности использования иных регулятивных средств, автономном или согласованном с иными социальными институтами и учреждениями проведении государственной политики, а также вариационном сочетании методов государственного управления и руководства»².

В то же время нужно учитывать следующий тезис, методологически исходный для дальнейших рассуждений: «Каждый орган, принимающий решение, должен отдавать себе отчет в занимаемом им месте в системе институтов и в необходимости обеспечения целостности и работоспособности системы в целом. Иными словами, комплекс институциональных целей должен обслуживаться в той же мере, что и комплекс материальных социальных целей»³.

Таким образом, прокуратура, осуществляющая надзор за законностью нормативных правовых актов органов исполнительной власти, не должна противопоставлять себя как система органов и учреждений механизму (аппарату) государства, обществу, коллективам и индивидам, нарушать привычный ход делового оборота, необоснованно вмешиваться в деятельность хозяйствующих и иных субъектов.

Вместе с тем небезынтересными – особенно в контексте ст. 10 Конституции РФ – представляются полномочия прокуратуры как не относящегося ни к одной ветви власти органа по воздействию на органы государственной власти: законодательной и исполнительной. Так, абз. 2 п. 3 приказа Генпрокурора России от 7 декабря 2007 г. № 195 предписано нижестоящим прокурорам использовать право участия в заседаниях законодательных (представительных), исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления, осуществлять периодические проверки. Пункт 1.9 приказа Генпрокурора России от 27 марта 2009 г. № 93⁴ обязывает органы прокуратуры инициировать приведение в соответствие с ФЗ № 294-ФЗ нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов муниципальных образований.

На основании сказанного остается лишь выстраивать предположения о возможности «принуждающей инициативы» прокуратуры по отношению к наделенным высшим законом РФ властью нормотворческим субъектам. Не является ли такая деятельность надзирающего органа вмешательством или подменой деятельности органов законодательной (представительной) и исполнительной власти? Оправдывает ли себя работающая

¹ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: моногр. М., 2015. С. 81–82.

² Осинцев Д. В. Методы формирования административной политики // Административное право и процесс. 2014. № 4. С. 13–19.

³ Фуллер Лон Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. М., 2016. С. 214–215.

⁴ О реализации Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»: приказ Генпрокурора РФ от 27 марта 2009 г. № 93 // СПС «КонсультантПлюс».

казуально, применительно к каждому частному случаю нарушения закона, прокуратура в качестве исключительно действенного средства, используемого в целях обеспечения режима законности? Ведь «...Правительство (государство в лице его уполномоченных органов. – А. Д.) может снабдить санкциями ясные и определенные законы, относительно неизменные, и следить за их неукоснительным исполнением, не корректируя производимые ими действия; или же оно может в отдельных случаях вмешиваться, придумывая в каждой частной ситуации частное средство, так что не остается определенных законов, а есть непрерывный ряд „чудес“, произвольных актов»¹. Можно возразить: *прокуратура вмешивается на основании закона*. Однако ни один из законов, включая Конституцию РФ, не рассматривает прокуратуру (государственный орган) в качестве *органа государственной власти*. Отнесение же органа к той или иной ветви власти обуславливает возможность позитивного вмешательства в различные общественные отношения.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»² говорится о координирующем положении прокуратуры, межведомственном и межотраслевом характере прокурорского надзора как института, предназначенного для универсальной, постоянной и эффективной защиты конституционно значимых ценностей, а следовательно, распространяющегося и на те сферы общественных отношений, применительно к которым действует специальный (ведомственный) государственный контроль (надзор). Предпринята попытка согласования институциональных противоречий между властными поднадзорными прокуратуре субъектами и надзирающей за ними (в конституционно-правовом смысле не наделенной государственной властью – ст. 10, 11, 129 Конституции РФ) прокуратурой.

Изложенные рассуждения могут привести к выводу не только о методологической, но и о правовой несостоятельности осуществления прокурорского надзора за законностью правовых актов вообще и нормативных правовых актов в частности.

Исследуя вопросы статуса прокуратуры как государственного органа, осуществляющего надзор за законностью правовых актов органов публичного управления, необходимо также указать на специфику отношений Президента РФ и Правительства РФ с прокуратурой. Дело в том, что несовершенство юридической техники самого ФЗ «О прокуратуре РФ» (особенно в части закрепления перечня поднадзорных прокуратуре субъектов) неоднократно становилось поводом для возникновения на практике, откровенно говоря, абсурдных ситуаций. Например, в Свердловском областном суде решался вопрос о возможности прокурорского реагирования на Указ Президента «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага Федеральной службы судебных приставов»³. Хотя известно по умолчанию (можно считать исторически), что конституционно-правовое положение Президента в России находится за рамками контрольно-надзорных полномочий какого-либо органа.

Что касается прокурорского реагирования на акты Правительства РФ, то следует заметить, что простое информирование вышестоящего органа (должностного лица, в данном случае – Президента РФ) об имеющихся место нарушениях закона является разновидностью административной жалобы, но не средством прокурорского реагирования. Такое прошение может подать любой субъект, в том числе физическое лицо. В связи с этим полагаем, что специально указывать на наличие данной возможности в ст. 24 ФЗ «О прокуратуре РФ» не следовало.

¹ Жувеель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / пер. с фр. В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. М., 2011. С. 474.

² СЗ РФ. 2015. № 9. Ст. 1389.

³ Апелляционное определение Свердловского областного суда по делу № 33-3624/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

Кроме того, как возможно признание акта Правительства РФ незаконным, если это исключается прежде всего предназначением Правительства РФ по исполнению Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов Президента РФ, международных договоров РФ, осуществлению систематического контроля за их исполнением федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ, принятию мер по устранению нарушений законодательства РФ¹. Если же обратиться к технико-юридическим приемам, определяющим возможности по принятию нормативных правовых актов Правительством РФ, то законодатель, по сути дела, позволяет закрывать пробельное поле на основе делегированных полномочий. Содержательно такие акты никак не могут противоречить закону (если только по наименованию, однако для прокурорского реагирования в данном случае нет оснований, ведь ничьи интересы не затрагиваются), так как закона по этому случаю не было. Вообще говоря, интересно: а подобные инциденты были? Если они появятся, то не исключен риск возникновения тупиковой юридической ситуации, поскольку органы прокуратуры сами руководствуются в деятельности актами Правительства РФ, которые принимаются исходя из положений ФЗ «О прокуратуре РФ» (по антикоррупционной экспертизе, материально-техническому и социально-бытовому обеспечению и т. д.).

2. Вызывает вопросы также противопоставление в практике прокуратуры средств выявления нарушений законности и реагирования на такие нарушения действиям и решениям нескольких органов исполнительной власти, задействованных в административно-нормотворческом процессе. Допустим, прокурор опротестовывает нормативный правовой акт органа публичного управления, в создании, экспертизе и регистрации которого участвовали несколько органов исполнительной власти (Минюст России, Минэкономразвития России, Минфин России и еще несколько десятков ведомств, экспертов, структур общественного контроля и иных уполномоченных субъектов). Возникает обоснованный вопрос относительно достаточности мер прокурорского реагирования: как в этом случае, не ограничиваясь принесением протеста на противоречащий закону нормативный административно-правовой акт, оказать эффективное воздействие на причастных к появлению такого акта субъектов? Стоит ли в каждом конкретном случае подобного нарушения требований закона вносить представление прокурора, в частности, в Минюст России в целях привлечения к ответственности лиц, проводивших антикоррупционную экспертизу не соответствующего закону правового акта, осуществлявших регистрацию акта? Очевидно, что нормативный правовой акт органов исполнительной власти – результат взаимодействия многих элементов системы публичной администрации. Реагирование прокуратуры в форме принесения протеста на противоречащий закону правовой акт в таком случае не только является по сути *администрированием чужих полномочий* в рамках нормотворческого процесса, но и приводит к смещению ответственности за создание «дефектного правового продукта»: «крайним» в числе органов, ответственных за данный продукт, становится субъект, принявший акт, нарушающий закон.

Очень важный, на наш взгляд, момент. Допустим, правовой акт опротестован, протест признан обоснованным. Хотелось бы узнать, что дальше делать. Просто отменить такой акт? Какой переходный период при этом может быть установлен, какое правовое регулирование отношений будет действовать в переходный период? Можно представить ситуацию, когда будет опротестован акт ФТС России о включении в Реестр кредитных организаций, обладающих правом выдачи банковских гарантий уплаты таможенных пошлин, налогов; или приказ Минтруда России об утверждении профессиональных стандартов; или приказ Минфина России о сводной росписи федерального бюджета и т. д. Таким

¹ Статья 4 ФКЗ от 17 декабря 1997 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве РФ» (СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712).

протестом нетрудно парализовать нормальный порядок администрирования не только в отдельном ведомстве, но и во всей системе государственного управления. В связи с этим полагаем, что протест должен быть гибким актом реагирования, а не категоричным указателем на буквальное несовпадение формулировок одного документа с другим. Кроме того, он должен поддерживаться иными мерами влияния на сопутствующие нарушения закона или неточности в принятии нормативного правового акта. К сожалению, нигде не говорится о том, как реагировать на неверные заключения юридической и антикоррупционной экспертиз, ошибки в оценке регулирующего и фактического воздействия, о взыскании сумм, выплаченных экспертам за ошибочные заключения, и т. д.

3. Широко распространен подход (в целом согласующийся с положениями ст. 1 ФЗ «О прокуратуре РФ»), предполагающий, что «прокуратура призвана осуществлять надзор за исполнением законов, но не подзаконных актов, и в силу своего государственно-правового статуса призвана осуществлять надзор за *законностью* подзаконных правовых актов, но не за *их исполнением*. Таким образом, и деятельность, и правовые акты поднадзорных объектов (субъектов) должны оцениваться прокуратурой только с точки зрения законности»¹.

Справедливо считать, что такой подход, позволяющий прокуратуре «корректировать» нормативные правовые акты органов исполнительной власти, способствуя приведению их в соответствие с законом, исключая надзор за исполнением указанных актов, устраняет условия для манипулирования органами управления, привнесения в систему публичной администрации внешних, чуждых ей целей, задач, директив. Действительно, в противном случае органами прокуратуры дискреционно, произвольно будет приниматься решение о выборе эталона, меры, критерия (например, подзаконного нормативного правового акта любого вышестоящего органа исполнительной власти), под которые будут механически «подгоняться» все иные акты меньшей юридической силы, что не только минимизирует принцип правовой определенности, но и приведет к хаосу в правовой системе, несмотря на то что подобная деятельность может быть в целом направлена на упорядочение правовой системы, усиление иерархии правовых актов.

В то же время не стоит забывать, что «мнение о размытости, нечеткости закона в нашей стране не учитывает строгости подзаконных актов, ведомственных распоряжений, внутренних инструкций и распоряжений органов государственного управления, а также просто давно устоявшихся порядков, которые не нуждаются в законодательном закреплении»². Закон в таком случае не может быть абсолютным мерилем, уступая место подзаконным актам различного уровня. Органам и должностным лицам прокуратуры не остается ничего, кроме *обеспечения законности посредством обращения к подзаконным актам*. Несмотря на всю парадоксальность, данный подход широко применяется на практике и находит поддержку в позициях Конституционного Суда РФ³.

К слову, в практике прокуратуры действия и акты (в том числе нормативные) органов исполнительной власти оцениваются на соответствие актам вышестоящих или тех же органов исполнительной власти, а также СанПиН, стандартам, техническим регламентам, иным документам, зачастую не содержащим норм права, государственным программам, планам, стратегиям, концепциям и т. д. Так, прокуратурой Саратовской области в судебном порядке оспорена утвержденная постановлением правительства области территориальная программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Саратовской области на 2013 г. и плановый период 2014

¹ *Ерғашев Е. Р.* Прокурорский надзор в Российской Федерации: учеб. для бакалавров. М., 2012. С. 222–223.

² *Бибихин В. В.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 2: Введение в философию права. М., 2013. С. 13.

³ Например, официальный смысл приобретает позиция о *нормативном единстве* закона и подзаконного акта (Постановление Конституционного Суда РФ от 31 мая 2016 г. № 14-П // СЗ РФ. 2016. № 24. Ст. 3602).

и 2015 гг. в части занижения объемов медицинской помощи и нормативов финансового обеспечения медицинских учреждений как не соответствующая федеральному стандарту, утвержденному постановлением Правительства РФ. Правительством области во исполнение решения суда, удовлетворившего требования прокуратуры, в территориальную программу внесены необходимые изменения¹.

Также неизбежным для органов прокуратуры при обеспечении надзора за законностью нормативных правовых актов органов исполнительной власти становится анализ нормативных актов, документов (в том числе технических) и материалов, которые используются для оценки (и последующего изменения или отмены) актов публичной администрации, имеющих собственные основания и характерные черты, иную правовую природу. Объяснений сложившейся ситуации в правоприменительной практике прокуратуры множество, однако в основном это связано со специфическим содержанием ряда нормативных правовых актов органов исполнительной власти, авторы которых обладают (в отличие от органов и должностных лиц прокуратуры) специальными познаниями в области стандартизации, сертификации, тарифного регулирования, налогообложения, утверждения прогноза социально-экономического развития, создания и упразднения структур управления, отбора перечней объектов приватизации, технологических, лингвистических и программных средств размещения информации в сети Интернет, утверждения профессиональных стандартов и т. д. Одновременно общий характер прокурорского надзора, недостаточный уровень знаний и компетентности прокурорских работников при обеспечении законности «профильных узконаправленных» нормативных правовых актов органов публичной администрации приводят к вмешательству в режиме «отчаянных попыток дилетанта в профессиональной деятельности».

На основании сказанного остается сделать вывод, что современная российская прокуратура осуществляет надзорную деятельность по обеспечению правовых актов в условиях невозможности следования установкам, содержащимся в Федеральном законе «О прокуратуре РФ». Сложилась практика, отличная от законодательного регулирования, а орган надзора, о котором говорит законодатель, фактически отличается от прокуратуры, обеспечивающей режим законности на территории России. Указанный тезис подтверждается не только показателями деятельности региональных прокуратур, но и обобщениями данных о состоянии законности на территории Российской Федерации, в частности подготовленными Генеральной прокуратурой РФ².

4. Переходя к вопросу о средствах прокуратуры по обеспечению законности нормативных правовых актов публичной администрации, стоит специально оговорить, что «отсутствие в Федеральном законе „О прокуратуре Российской Федерации“ отдельной главы, посвященной актам прокурорского реагирования, негативно влияет на прокурорскую практику их применения, не позволяет систематизировать все акты, а также исследовать каждый из актов, не используя другое законодательство»³.

Действительно, нет единой правовой базы, закрепляющей основные виды средств реагирования прокурора на выявленные нарушения законности. Данную технико-юридическую неточность дополняет недостаточность имеющихся средств при надзоре за законностью нормативных правовых актов органов исполнительной власти. Не секрет, что

¹ URL: <http://prok-murmansk.ru/genproc/1248-generalnaya-prokuratura-rf-obobshchila-rabotu-prokurorov-po-nadzoru-za-zakonnostyu-pravovyh-aktov-organov-gosudarstvennoy-vlasti-subektov-i-mestnogo-samoupravleniya>.

² См., например: доклады Генерального прокурора РФ на заседаниях Совета Федерации Федерального Собрания РФ 2010–2016 гг., в которых подводятся итоги прокурорско-надзорной деятельности по обеспечению законности (Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ: URL: <http://genproc.gov.ru/gen-prokurator/appearances>). Названные в настоящей статье проблемы не нашли отражения в этих докладах.

³ Филипенко С. В. Проблемы применения актов прокурорского реагирования на современном этапе развития Российского государства // Бизнес, Менеджмент и Право. 2014. № 1. С. 110–113.

не всякий акт публичной администрации может быть опротестован прокурором, даже если этот акт содержит нормы, нарушающие положения законодательства. Так, сложно ответить на вопрос о достаточности средств реагирования прокуратуры на выявленные нарушения законности так называемыми квазинормативными актами.

Дело в том, что системный подход к пониманию нормативности находит поддержку в складывающейся правоприменительной практике. Конституционный Суд РФ в одном из постановлений¹ дает расширительное толкование нормативности правового акта, утверждая, что акты федерального органа исполнительной власти, в которых даются письменные разъяснения по вопросам применения законодательства, могут быть предметом судебного оспаривания в качестве нормативных правовых актов, если такие акты содержат предписания общего характера, правила, адресованные неопределенному кругу лиц, рассчитанные на неоднократное применение и, следовательно, оказывающие регулирующее воздействие на общественные отношения. Следовательно, ряд писем, указаний, разъяснений и других актов органов исполнительной власти, официально не признаваемых нормативными правовыми актами, могут в судебном порядке оспариваться, если они подпадают под критерии, выработанные Конституционным Судом РФ.

Закономерно возникают два вопроса. Во-первых, каким образом прокуратура выявит нарушение закона «квазинормативным» актом, если такие акты: а) официально не публикуются, не регистрируются; б) принимаются массово, в оперативном порядке, передаются от одного подразделения органа исполнительной власти к другому при сохранении общей конфиденциальности? Во-вторых, как именно прокуратура будет реагировать на письмо (иной подобный акт) органа публичного управления при обнаружении в нем несоответствий законодательству, т. е. какой акт прокурорского реагирования необходимо принимать?

Действительно, сотни писем (указаний, требований, прочих интерпретационных и иных актов), проходящих через департаменты и управления органов исполнительной власти, могут содержать новые нормы, изменять существующие общественные отношения, при этом не доходя до сведения участников данных отношений. Неужели каждый подобный акт должен оспариваться в суде органами прокуратуры?

Поскольку зачастую «квазинормативные» акты не могут быть отменены простым опротестованием, применением представления к принявшим такие акты должностным лицам, а оспаривание «квазинормативных» актов в суде обнаруживает известные проблемы, полагаем возможным использовать предостережение о недопустимости нарушения закона, вносимое должностному лицу, принимающему «квазинормативные» акты. Особо нужно оговаривать необходимость издания акта, содержащего нормы права, в специально установленном законодательством порядке (по уполномоченному субъекту, форме, срокам, регистрационным и иным действиям, опубликованию). В то же время мы не можем отказать «квазинормативным» актам в признании за ними статуса правовых актов. В соответствии с абз. 2 п. 1.1 указания Генпрокурора России от 6 июля 1999 г. № 39/7 «О применении предостережения о недопустимости нарушения закона»² предостережение можно применять только при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью *правовых актов*.

Правоприменительная практика обнаруживает проблемы применения и такого средства прокурорского реагирования, как представление об устранении нарушений зако-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть» // СЗ РФ. 2015. № 15. Ст. 2301.

² Сборник основных организационно-распорядительных документов Генпрокуратуры РФ. М., 2004. Т. 1.

на. В рамках затронутой проблематики интересна правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в определении от 25 февраля 2016 г. № 238-О¹: «В соответствии со статьей 24 ФЗ „О прокуратуре Российской Федерации“ *представление об устранении нарушений закона* (здесь и далее курсив мой. – А. Д.) вносится прокурором или его заместителем в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения, и подлежит безотлагательному рассмотрению; в течение месяца со дня внесения представления должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих; о результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме (пункт 1); при рассмотрении представления коллегиальным органом прокурору сообщается о дне заседания (пункт 2); в случае несоответствия постановлений Правительства Российской Федерации Конституции Российской Федерации и законам Российской Федерации Генеральный прокурор Российской Федерации информирует об этом Президента Российской Федерации (пункт 3). Данные законоположения определяют порядок внесения представления прокурора *как меры прокурорского реагирования и средства государственной защиты прав граждан*, направленных на устранение допущенных нарушений закона, а также их причин и условий, а потому сами по себе они не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права граждан».

Возникает вопрос: представление как акт прокурорского реагирования на незаконные правовые акты вносится только если необходимо обеспечить государственную защиту прав и свобод граждан или в иных случаях также допускается применение указанного средства прокурорского реагирования?

Внимательно посмотрим на содержание пп. 1 и 1.1 ч. 2 ст. 1 и ст. 39 Кодекса административного судопроизводства РФ от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ². Действительно, при защите общественных и государственных интересов прокурор должен избирать иное средство и форму правовой защиты – административный иск, тогда его следует признавать одним из субъектов административного представительства, а не должностным лицом специфического государственного органа (безусловно, у него своеобразные функции и цели в административном судопроизводстве, но средства правовой защиты и процессуальные действия не отличаются от предусмотренных для иных субъектов).

Необходимо рассмотреть в настоящей статье также проблематику использования средств прокурорского реагирования на нарушающие требования законности нормативные правовые акты государственных корпораций *с властной компетенцией, сконструированной по подобию федерального органа исполнительной власти*³. С одной стороны, полагаем, что это выходит за рамки нашего исследования (номинально госкорпорации не входят в систему и структуру государственных органов исполнительной власти), а с другой – нельзя не обратить внимание на *фактическое властно-привилегированное положение* некоторых госкорпораций («Росатом», «Роскосмос»; в свете последних изменений в управлении сферой разработки, производства и экспорта высокотехнологичной промышленной продукции к указанному положению приближается и «Ростех»⁴). Так,

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кихова Алигаджи Юсуповича на нарушение его конституционных прав статьей 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 238-О (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

² СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

³ Указанная характеристика, позволяющая обособить одни госкорпорации от других (не обладающих нормотворческим и властным потенциалом), заимствована из работы А. В. Винницкого (Винницкий А. В. Публичная собственность. М., 2013).

⁴ О некоторых вопросах Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»: Указ Президента РФ от 22 июля 2016 г. № 356 // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

на деле реализуя «министерские» полномочия, государственные корпорации «Росатом» и «Роскосмос» издают нормативные правовые акты в форме приказов, положений, инструкций (а также административных регламентов, вводящихся в действие приказами), распоряжений (принимаются «Роскосмосом»), содержащих обязательные требования для государственных органов, должностных лиц, различного рода организаций и граждан¹. Вполне очевидно, что названные правовые акты могут нарушать нормы законодательства, права граждан и организаций, полномочия публично-властных субъектов, обуславливая необходимость вмешательства в сложившиеся отношения контрольно-надзорных ведомств.

Основной сложностью прокурорского надзора при этом становится не исследование дуализма правового положения государственных корпораций с дальнейшим отнесением их к поднадзорным субъектам, а выбор средств прокурорского реагирования на их «квазиадминистративные» нормативные правовые акты². Выявив нарушение законности актами госкорпораций, прокуратура обнаружит свою правовую беспомощность, убедившись в непригодности всего прокурорско-надзорного инструментария для указанных случаев.

Интересным в связи с этим является и различие формулировок ч. 9 ст. 8 ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности „Роскосмос“» («в соответствии с законодательством Российской Федерации нормативные правовые акты Корпорации могут быть обжалованы в порядке, установленном для оспаривания нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти») и ч. 6 ст. 8 ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии „Росатом“» («нормативные правовые акты Корпорации могут быть обжалованы в Верховный Суд Российской Федерации в порядке, установленном для оспаривания нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти»). В действительности российская прокуратура практически не принимает участия в оспаривании нормативных правовых актов госкорпораций, зачастую ограничиваясь лишь дачей заключения по рассматриваемым в Верховном Суде РФ делам³.

Таким образом, в настоящей статье обозначен ряд проблем, затрудняющих или делающих вовсе невозможным осуществление прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов исполнительной власти в свете изменяющегося законодательства и появления новых инструментов управления в деятельности публичной администрации. Указанные проблемы, нужно полагать, по большей части связаны не столько с несовершенством нормативно-правовой основы деятельности современной прокуратуры, сколько с сущностью, целями, задачами, институциональными противоречиями органов и должностных лиц прокуратуры в их сложной взаимосвязи с иными органами, организациями и лицами.

Библиография

Апелляционное определение Свердловского областного суда по делу № 33-3624/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹ См., например: ст. 8 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии „Росатом“» (СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6078), ст. 8 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности „Роскосмос“» (СЗ РФ. 2015. № 29. Ст. 4341).

² В отличие от «квазинормативности» ряда актов органов исполнительной власти, о которых речь шла выше, нормативный характер правовых актов госкорпораций не вызывает сомнений (в том числе ввиду законодательного закрепления), однако вследствие «квазиадминистративного» статуса самих госкорпораций (как не являющихся государственными органами исполнительной власти) нормативные правовые акты, издаваемые ими, следует считать «квазиадминистративными» нормативными правовыми актами, отличая их от «квазинормативных» административно-правовых актов органов исполнительной власти.

³ См., например: решение Верховного Суда РФ от 10 сентября 2015 г. № АКПИ15-782 // СПС «КонсультантПлюс».

Бибихин В. В. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2: Введение в философию права. М., 2013.

Винницкий А. В. Публичная собственность. М., 2013.

Генеральная прокуратура РФ обобщила работу прокуроров по надзору за законностью правовых актов органов государственной власти субъектов и местного самоуправления // URL: <http://prok-murmansk.ru/genproc/1248-generalnaya-prokuratura-rf-obobshchila-rabotu-prokurorov-po-nadzoru-za-zakonnostyu-pravovykh-aktov-organov-gosudarstvennoy-vlasti-subektov-i-mestnogo-samoupravleniya>.

Ергашев Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учеб. для бакалавров. М., 2012.

Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / пер. с фр. В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. М., 2011.

Завражнов Е. Правотворческая функция органов прокуратуры // Законность. 2014. № 7.

Кодекс административного судопроизводства РФ от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6078.

О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос»: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 215-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 29. Ст. 4341.

О некоторых вопросах Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»: Указ Президента РФ от 22 июля 2016 г. № 356 // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

О Правительстве РФ: Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 4-ФКЗ // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712.

О применении предостережения о недопустимости нарушения закона: указание Генпрокурора РФ от 6 июля 1999 г. № 39/7 // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генпрокуратуры РФ. М., 2004. Т. 1.

О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

О реализации Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»: приказ Генпрокурора РФ от 27 марта 2009 г. № 93 // СПС «КонсультантПлюс».

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кихова Алигаджи Юсуповича на нарушение его конституционных прав статьей 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 238-О (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

Осинцев Д. В. Методы формирования административной политики // Административное право и процесс. 2014. № 4.

Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ: URL: <http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances>.

Поневежский В. Взаимодействие прокуратуры и законодательных (представительных) органов власти субъектов Федерации в процессе формирования их законодательной базы // Законность. 2006. № 1.

Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 9. Ст. 1389.

Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть» // СЗ РФ. 2015. № 15. Ст. 2301.

Постановление Конституционного Суда РФ от 31 мая 2016 г. № 14-П // СЗ РФ. 2016. № 24. Ст. 3602.

Решение Верховного Суда РФ от 10 сентября 2015 г. № АКПИ15-782 // СПС «КонсультантПлюс».

Рожкевич А. Организация надзора за законностью нормативных правовых актов // Законность. 2013. № 12.

Филипенко С. В. Проблемы применения актов прокурорского реагирования на современном этапе развития Российского государства // Бизнес, Менеджмент и Право. 2014. № 1.

Фуллер Лон Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. М., 2016.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: моногр. М., 2015.

Щербаков А. Взаимодействие прокуратуры с органами власти и местного самоуправления // Законность. 2014. № 10.

Bibliography

Apellyacionnoe opredelenie Sverdlovskogo oblastnogo suda po delu № 33-3624/2014 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Bibixin V. V. Sobr. soch.: v 3 t. T. 2: Vvedenie v filosofiyu prava. M., 2013.

Cherdancev A. F. Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudencii: monogr. M., 2015.

Ergashev E. R. Prokurorskiy nadzor v Rossijskoj Federacii: ucheb. dlya bakalavrov. M., 2012.

Filipenko S. V. Problemy primeneniya aktov prokurorskogo reagirovaniya na sovremennom etape razvitiya Rossijskogo gosudarstva // Biznes, Menedzhment i Pravo. 2014. № 1.

Fuller Lon L. Moral' prava / per. s angl. T. Danilovoj. M., 2016.

General'naya prokuratura RF obobshhila rabotu prokurorov po nadzoru za zakonnost'yu pravovykh aktov organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov i mestnogo samoupravleniya // URL: <http://prok-murmansk.ru/genproc/1248-generalnaya-prokuratura-rf-obobshchila-rabotu-prokurorov-po-nadzoru-za-zakonnostyu-pravovykh-aktov-organov-gosudarstvennoj-vlasti-subektov-i-mestnogo-samoupravleniya>.

Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva RF ot 8 marta 2015 g. № 21-FZ // SZ RF. 2015. № 10. St. 1391.

O Gosudarstvennoj korporacii po atomnoj ehnergii «Rosatom»: Federal'nyj zakon ot 1 dekabrya 2007 g. № 317-FZ // SZ RF. 2007. № 49. St. 6078.

O Gosudarstvennoj korporacii po kosmicheskoy deyatelnosti «Roskosmos»: Federal'nyj zakon ot 13 iyulya 2015 g. № 215-FZ // SZ RF. 2015. № 29. Ct. 4341.

O nekotorykh voprosakh Gosudarstvennoj korporacii po sodejstviyu razrabotke, proizvodstvu i ehksportu vysokotekhnologichnoj promyshlennoj produkcii «Rostex»: Ukaz Prezidenta RF ot 22 iyulya 2016 g. № 356 // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

O Pravitel'stve RF: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 17 dekabrya 1997 g. № 4-FKZ // SZ RF. 1997. № 51. St. 5712.

O primenении predosterezheniya o nedopustimosti narusheniya zakona: ukazanie Genprokurora RF ot 6 iyulya 1999 g. № 39/7 // Sbornik osnovnykh organizacionno-rasporyaditel'nykh dokumentov Genprokuratury RF. M., 2004. T. 1.

O prokureture Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 17 yanvarya 1992 g. № 2202-1 // SZ RF. 1995. № 47. Ct. 4472.

O realizacii Federal'nogo zakona ot 26 dekabrya 2008 g. № 294-FZ «O zashhite prav yuridicheskix lic i individual'nykh predprinimatelej pri osushhestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i municipal'nogo kontrolya»: prikaz Genprokurora RF ot 27 marta 2009 g. № 93 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Kixova Aligadzhi Yusupovicha na narushenie ego konstitucionnykh prav stat'ej 24 Federal'nogo zakona «O prokureture Rossijskoj Federacii»: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25 fevralya 2016 g. № 238-O (dokument opublikovan ne byl) // SPS «Konsul'tantPlyus».

Oficial'nyj sayt General'noj prokuratury RF: URL: <http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances>.

Osincev D. V. Metody formirovaniya administrativnoj politiki // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 4.

Ponevezhskij V. Vzaimodejstvie prokuratury i zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) organov vlasti sub"ektov Federacii v processe formirovaniya ix zakonodatel'noj bazy // Zakonnost'. 2006. № 1.

Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 17 fevralya 2015 g. № 2-P po delu o provere konstitucionnosti otdel'nykh polozhenij Federal'nogo zakona «O prokureture Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2015. № 9. Ct. 1389.

Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 31 marta 2015 g. № 6-P po delu o provere konstitucionnosti punkta 1 chasti 4 stat'i 2 Federal'nogo konstitucionnogo zakona «O Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii» i abzaca tret'ego podpunkta 1 punkta 1 stat'i 342 Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj otkrytogo akcionernogo obshhestva «Gazprom neft'» // SZ RF. 2015. № 15. Ct. 2301.

Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 31 maya 2016 g. № 14-P // SZ RF. 2016. № 24. Ct. 3602.

Reshenie Verxovnogo Suda RF ot 10 sentyabrya 2015 g. № AKPI15-782 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Rozhkevich A. Organizaciya nadzora za zakonnost'yu normativnykh pravovykh aktov // Zakonnost'. 2013. № 12.

Shherbakov A. Vzaimodejstvie prokuratury s organami vlasti i mestnogo samoupravleniya // Zakonnost'. 2014. № 10.

Vinnickij A. V. Publichnaya sobstvennost'. M., 2013.

Zavrazhnov E. Pravotvorcheskaya funkciya organov prokuratury // Zakonnost'. 2014. № 7.

Zhuvenel' B. de. Vlast': Estestvennaya istoriya ee vozrastaniya / per. s fr. V. P. Gajdamaka, A. V. Mateshuk. M., 2011.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ЗЕМЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ
ПОД ПРОМЫШЛЕННЫМИ ОБЪЕКТАМИ
ДЛЯ ЦЕЛЕЙ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ
(на примере АО «Уралэлектромедь»)**

Тихоненко Виталий Владимирович

Магистр кафедры земельного и экологического права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: moro3110@gmail.ru

Вислинский Марк Дмитриевич

Магистр кафедры земельного и экологического права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: mark.vislinskiy@mail.ru

Авторы на примере земель под промышленными объектами в г. Верхняя Пышма, в частности земель АО «Уралэлектромедь», проводят анализ методических подходов к кадастровой оценке разных периодов, выявляют их сходство и различия, достоинства и недостатки. Даны предложения по совершенствованию федерального и регионального земельного законодательства.

Ключевые слова: кадастровая оценка, земельные отношения, промышленное предприятие, закон, право

**THE COMPARATIVE ANALYSIS OF METHODOICAL APPROACHES
AND ECONOMIC EFFICIENCY OF THE STATE ASSESSMENT RESULTS
CONCERNING POPULATED LANDS,
LOCATED UNDER THE INDUSTRIAL FACILITIES,
FOR TAXATION PURPOSES
(by the example of JSC «Uralelectromed»)**

Tikhonenko Vitaliy

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: moro3110@gmail.ru

Vislinskiy Mark

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: mark.vislinskiy@mail.ru

By the example of lands located under the industrial facilities in Verhnyaya Pyshma, in particular the lands of JSC «Uralelectromed», the authors analyze a number of methodical approaches to cadastral assessment of different periods, discover their similarities and differences, benefits and drawbacks. Recommendations on improvement of the federal and regional land legislation are given.

Key words: cadastral assessment, land relations, industrial enterprise, act, law

Земельный налог – один из самых эффективных видов налогов, пополняющих местные бюджеты. В сравнении с другими налогами он имеет некоторые преимущества, поскольку объектом налогообложения является конкретный земельный участок конкретного правообладателя с юридически признанными границами, закрепленными в государственном кадастре недвижимости, экономическими и качественными характеристиками. Все это создает сложности при попытке уклониться от уплаты земельного налога. Следовательно, гораздо проще прогнозировать, насколько будет наполнен бюджет от таких налоговых поступлений. Одновременно земельный налог стимулирует привлечение инвестиций в развитие территорий, поощряя инвесторов за производимые ими улучшения земельных участков и рациональное использование.

Совершенствование государственного регулирования земельных отношений имеет большое значение. В связи с проведением земельной реформы в Российской Федерации, установлением множества форм земельной собственности и их равенства встал вопрос о реформировании системы государственного земельного кадастра, которая служит информационной основой государственного управления земельными ресурсами и экономического регулирования земельных отношений¹.

Прогнозирование наполнения бюджета за счет взимания земельного налога с одной стороны и корректировка налоговой политики – с другой невозможны без анализа эффективности использования и экономического результата работ по государственной кадастровой оценке земель. Надлежаще организованное налогообложение не только способствует наполнению бюджета, но и стимулирует рациональное использование земельных ресурсов, в том числе экономически целесообразную застройку территорий, а также служит базой для определения арендных платежей и обоснования инвестиционных проектов².

В соответствии с Налоговым кодексом РФ массовая, или кадастровая, оценка формирует налогооблагаемую базу для земельных участков, а в ближайшем будущем будет формировать ее и для всех единых объектов недвижимости. К сожалению, в результате недостаточной организованности при проведении государственной кадастровой оценки земель, порой неумелого руководства этим довольно сложным процессом в регионах отношение к кадастровой оценке стало негативным, хотя сама идея массовой оценки абсолютно верна, что подтверждает мировой опыт³.

В соответствии с Федеральным законом «О плате за землю»⁴ налогооблагаемой базой являлась площадь участка, а ставка земельного налога устанавливалась в рублях на единицу площади⁵. Размер земельного налога рассчитывался как произведение площади земельного участка на ставку земельного налога. Для городов и рабочих поселков были определены средние ставки земельного налога, дифференцированные в зависимости от численности населения и экономического развития районов, а также коэффициентов, применяемых при их исчислении. Конкретные ставки земельного налога на земли городов и поселков закреплялись актами представительных или исполнительных органов местного самоуправления на базе средних ставок с учетом:

коэффициента увеличения средней ставки земельного налога за счет статуса города и его социально-культурного потенциала;

¹ Вислинский М. Д., Тихоненко В. В. Совершенствование кадастровой деятельности в области использования земель // Электрон. прил. к «Рос. юрид. журн.». 2015. № 3. С. 21.

² Варламов А. А. Земельный кадастр: в 6 т. Т. 4: Государственная кадастровая оценка земель. М., 2006. С. 279–280.

³ Сапожников П. М., Носов С. И. Особенности определения кадастровой стоимости земель сельскохозяйственного назначения в современных условиях // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2011. № 11. С. 82.

⁴ О плате за землю: Закон РСФСР от 11 октября 1991 г. № 1738-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. 31 окт.

⁵ Сапожников П. М., Носов С. И. Указ. соч. С. 82.

местоположения и зоны градостроительной ценности городской территории, установленной зонированием для дифференциации ставок земельного налога;

коэффициента увеличения средней ставки земельного налога в курортных зонах.

Целевое использование средств, собираемых от земельного налога, заключалось в обеспечении финансирования мероприятий по коммунальному обустройству городов, на которые ранее выделялись средства из централизованных бюджетов. Поэтому размер ставок налога определялся в первую очередь размерами издержек коммунального строительства в городах с учетом их природно-географических условий, во вторую – размером строительной ренты по городам и регионам. Нормативная цена земли на первоначальном этапе устанавливалась как пятидесятикратная величина ставки земельного налога, т. е. исходя из расчета 2 %-й ставки капитализации текущих платежей. В дальнейшем нормативная цена земли стала определяться величиной двухсоткратной ставки земельного налога, что при применении ежегодных индексаций ставок привело во многих городах к существенному превышению нормативной цены на землю над рыночной и дисбалансу в размере налогооблагаемой базы между регионами, муниципальными образованиями и населенными пунктами¹. Пока отсутствовал земельный рынок, такой подход был закономерен и правомерен. Однако к 1996 г. земля стала вовлекаться в гражданский оборот, начал формироваться рынок земли и используемые подходы к определению налоговой базы утратили актуальность.

В связи с вступлением в силу постановления Правительства РФ от 15 марта 1997 г. № 319 нормативная цена земли стала определяться уровнем рыночных цен на нее. Но поскольку нормативная цена земли являлась зональным показателем, то одна и та же стоимость устанавливалась для всех земельных участков, находящихся на территории какой-либо зоны, несмотря на то что даже соседствующие участки по своим потребительским свойствам и рыночной стоимости могут существенно различаться.

Система налогообложения в виде земельного налога имела ряд недостатков:

регулирование земельного налога на основании положений Закона «О плате за землю» привело к нестыковке между субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями, населенными пунктами и категориями земель в части распределения налогового бремени между налогоплательщиками;

распределение поступлений земельного налога между разными уровнями бюджетной системы не соответствовало смыслу существования земельного налога как местного, снижало заинтересованность органов местного самоуправления в работе по налогообложению и сбору земельного налога;

установление налоговых ставок, порядка и сроков уплаты налога органами власти разных уровней (федеральных, региональных и местных) не обеспечивалось единой методологией и серьезно осложняло сбор земельного налога;

предоставление различного рода необоснованных льгот по уплате земельного налога значительно уменьшало объемы поступления средств от его сбора;

при административном определении размеров налоговых ставок не учитывались индивидуальные особенности и экономические характеристики конкретных земельных участков, их местоположение, вид использования и рыночная стоимость.

Упорядочение проведения работ по государственной кадастровой оценке земель в нормативно-правовом, организационном, методическом плане и в части использования результатов кадастровой оценки земель началось с постановлений Правительства РФ от

¹ О порядке определения нормативной цены земли: постановление Правительства РФ от 15 марта 1997 г. № 319 // СЗ РФ. 1997. № 15. Ст. 1539.

25 августа 1999 г. № 945¹ и от 8 апреля 2000 г. № 316². С принятием и введением в действие главы 31 «Земельный налог» части второй Налогового кодекса РФ (Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ), делегирующей введение земельного налога представительным органам местного самоуправления исходя из кадастровой стоимости земельного участка, потенциальный экономический эффект от государственной кадастровой оценки земель был предопределен. Итогом этих изменений явилось утверждение Методики и Технических указаний по государственной кадастровой оценке земель поселений, а также проведение первого тура государственной кадастровой оценки земель населенных пунктов, в том числе земель под промышленными объектами.

Методика расчета государственной кадастровой оценки земель населенных пунктов 2002 г. сыграла положительную роль на переходном этапе изменения методических подходов к определению налоговой базы для исчисления земельного налога при зарождающемся земельном рынке. Однако дальнейшее развитие рынка недвижимости, земельные преобразования и создание государственного земельного кадастра объектов недвижимости (позднее – государственного кадастра недвижимости) требовали увеличения эффективности использования земель, повышения социального, инвестиционного и производственного потенциала земельных ресурсов, расширения конституционных прав граждан на землю, индивидуализации и систематизации сведений о каждом земельном участке, в том числе в части налоговых платежей. В связи с этим были проведены работы по актуализации результатов государственной кадастровой оценки земель населенных пунктов: в 2007 г. (второй тур); в 2010 г. (обусловлены экономической ситуацией на рынке, проводились по тем же методическим и техническим указаниям, что и второй тур, но с дополнением факторов стоимости); в 2013 г. (земли населенных пунктов под промышленными объектами).

Пятнадцатилетний опыт выполнения работ по государственной кадастровой оценке земель различных категорий выявил необходимость повышения точности расчетов, учета накопленных знаний и привлечения международных наработок. Недостаточно рассчитать кадастровую стоимость, нужно сравнить методики и проверить качество расчетов, проанализировать адекватность результатов произошедшим изменениям и сравнить их с результатами предыдущего тура кадастровой оценки, провести анализ социально-экономических последствий применения полученных результатов в целях налогообложения.

Сравнение и анализ методических подходов к определению кадастровой стоимости земель населенных пунктов в 2002, 2007, 2010, 2013 гг. показали их существенные различия.

1. В первом туре объектом кадастровой оценки являлся кадастровый квартал, позднее – земельный участок.

2. Согласно Методике в 2002 г. кадастровая стоимость определялась в границах кадастровых кварталов по 14 группам видов функционального использования земель независимо от их наличия в кадастровом квартале. В 2007, 2010 и 2013 гг. кадастровая стоимость определялась по 16 группам видов разрешенного использования конкретных земельных участков.

3. Группировка земель под промышленными объектами во втором и последующих турах государственной кадастровой оценки земель существенно отличается от группировки земель под промышленными объектами в 2002 г. по количеству групп и их содержанию.

¹ О государственной кадастровой оценке земель: постановление Правительства РФ от 25 августа 1999 г. № 945 // СЗ РФ. 1999. № 35. Ст. 4326.

² Об утверждении Правил проведения государственной кадастровой оценки земель: постановление Правительства РФ от 8 апреля 2000 г. № 316 // Там же. 2000. № 16. Ст. 1709.

4. В 2007 г. для городских населенных пунктов из 16 групп видов разрешенного использования земель по семи (группы 1–5, 7, 9) расчет кадастровой стоимости осуществлялся на основе построения статистических моделей оценки, а по пяти (группы 6, 8, 10–12) определялась рыночная стоимость каждого земельного участка и приравнивалась к кадастровой. В 2002 г. с использованием рыночной информации о стоимости квартир в городских населенных пунктах оценивались земли только одного вида функционального использования – под многоэтажной жилой застройкой, земли же других видов оценивались посредством нормативных коэффициентов, не имеющих рыночной природы.

5. В целях максимального уменьшения влияния субъективного фактора на процесс оценки начиная со второго тура кадастровая оценка проводилась по земельным участкам в границах субъекта Российской Федерации. В 2002 г. существенное влияние на результаты оценки через показатели качества кадастровых кварталов оказало субъективное мнение экспертов, в массе своей неспециалистов в области оценки, группы которых создавались при администрациях каждого муниципального образования.

Итак, можно сделать вывод, что результаты государственной кадастровой оценки земель населенных пунктов в каждом из туров получены на основании использования разной методологии, являются следствием различных подходов к определению кадастровой стоимости и несопоставимы по причине разной экономической природы.

Внедрение новых подходов к исчислению земельного налога и их изменение мы рассмотрели на примере земель под промышленными объектами в г. Верхняя Пышма, в частности земель АО «Уралэлектромедь».

При этом использовались:

результаты четырех туров государственной кадастровой оценки земель населенных пунктов под промышленными объектами и конкретно земель АО «Уралэлектромедь»;

сведения о площадях;

сведения о ставке земельного налога (она составляет 1,5 %).

АО «Уралэлектромедь» принадлежат земли в кадастровом квартале № 66:36:0108001 (г. Верхняя Пышма). Площадь земель – 840 313 кв. м.

Приложение 1 дает наглядное представление об изменении кадастровой стоимости земель населенных пунктов под промышленными объектами г. Верхняя Пышма, а также конкретно земель АО «Уралэлектромедь». Наблюдаемые изменения показателей кадастровой стоимости земель явились следствием описанных ранее особенностей методических подходов к определению кадастровой стоимости земельных участков в 2002, 2007, 2010 и 2013 гг. Повысилась эффективность налогообложения, улучшилось восприятие налогоплательщиками кадастровой стоимости как налогооблагаемой базы¹.

Приложение 1

Удельные показатели кадастровой стоимости земель под промышленными объектами в г. Верхняя Пышма

Год		2002	2007	2010	2013
УПКС, руб./кв.м					
Верхняя Пышма	Минимальный	206,14	206,14	341,59	352,46
	Средний	2408,00	4408,73	3981,92	2575,88
	Максимальный	4279,93	5520,29	4443,25	4733,29
АО «Уралэлектромедь»		1263,05	2710,81	2282,64	1406,28

¹ Тихоненко В. В., Вислинский М. Д. Правовое регулирование государственной кадастровой оценки земель населенных пунктов под промышленными объектами. Екатеринбург, 2016. С. 115.

В приложении 2 представлены данные об изменении удельного показателя кадастровой стоимости, налогооблагаемой базы и суммы земельного налога в 2002, 2007, 2010, 2013 гг.

Приложение 2

**Изменение удельных показателей кадастровой стоимости,
налогооблагаемой базы и земельного налога
на земли под промышленными объектами
в г. Верхняя Пышма и земли АО «Уралэлектротяжмаш»
по результатам четырех туров государственной кадастровой оценки земель**

Вид разрешенного использования – земельные участки, предназначенные для размещения производственных и административных зданий, строений, сооружений промышленности, коммунального хозяйства, материально-технического, продовольственного снабжения, сбыта и заготовок.

Площадь земель в г. Верхняя Пышма – 42 806 331 кв. м, земель АО «Уралэлектротяжмаш» – 840 313 кв. м.

Показатель	Год	Верхняя Пышма	АО «Уралэлектротяжмаш»
Удельный показатель кадастровой стоимости (средний), руб./кв. м	2002	2408,00	1263,05
	2007	4408,73	2710,81
	2010	3981,92	2282,64
	2013	2575,88	1406,28
Налогооблагаемая база, тыс. руб.	2002	103 077 645 048,00	717 971 830,33
	2007	188 721 555 669,63	2 277 928 883,53
	2010	170 451 385 535,52	1 918 132 066,32
	2013	110 263 971 896,28	1 181 715 365,64
Сумма земельного налога	2002	1 546 164 675,72	10 769 577,45
	2007	2 830 823 335,04	34 168 933,25
	2010	2 556 770 783,03	28 771 980,99
	2013	1 653 959 578,44	17 725 730,48

Как видим, с 2002 по 2007 г. произошло увеличение налогооблагаемой базы по г. Верхняя Пышма почти в 2 раза, но с 2007 по 2010 г. она снизилась в 1,1 раза, с 2010 по 2013 г. – снижение в 1,5 раза. В целом с 2002 по 2013 г. фиксируется увеличение налогооблагаемой базы в 1,1 раза. По землям АО «Уралэлектротяжмаш» с 2002 по 2007 г. показатель кадастровой стоимости увеличился в 2 раза, с 2007 по 2010 г. уменьшился в 1,1 раза, с 2010 по 2013 г. уменьшился в 1,6 раза. За весь период с 2002 по 2013 г. увеличился в 1,1 раза.

При использовании описанных результатов экономического анализа необходимо учитывать, что они отражают лишь общие тенденции в изменении налогооблагаемой базы, никоим образом не учитывая такие факторы, как:

компонентный состав налогоплательщиков и их фактические возможности по уплате налога;

количество объектов налога;

разветвленный перечень налоговых льгот.

Эти факторы оказывают прямое влияние на потенциально возможный размер доходов бюджета от взимания земельного налога.

Из результатов экономического анализа следует, что при определении кадастровой стоимости в соответствии с Методикой государственной кадастровой оценки 2010 и 2013 гг. был получен определенный эффект в информационном, экономическом и технико-экономическом смысле.

Информационный эффект заключается в получении органами местного самоуправления объективной, достоверной, дифференцированной по виду целевого использования информации о стоимости земельных участков, кварталов и ценности городских территорий, которую можно широко применять при управлении земельными ресурсами, осуществлении перспективного развития города, проведении рациональной земельной и налоговой политики, совершении сделок с землей различными субъектами прав, определении наиболее рационального и эффективного развития той или иной части городской территории и (или) конкретного земельного участка.

Экономический эффект определяется фактической экономической отдачей от земельно-оценочных действий в виде увеличения сбора земельного налога. Реальный размер земельных платежей – это основной показатель, по которому можно оценить эффективность земельно-кадастровых работ.

Технико-экономический эффект состоит в том, что Методика и результаты последних туров государственной кадастровой оценки значительно более точно отвечают условиям и целям обложения земельным налогом по сравнению с результатами первых туров, поскольку в большей степени основываются на состоянии рынка недвижимости в момент проведения оценки. Кроме того, в Методике 2010 и 2013 гг. по сравнению с Методикой 2007 г. дополнен перечень факторов, отражающих ценность городских земель для 9-го вида разрешенного использования земель и конкретного земельного участка АО «Урал-электрометаль», которые необходимо учитывать при их кадастровой оценке.

Однако методики имеют и ряд недостатков:

сложный алгоритм расчета кадастровой стоимости, использование специфического программного обеспечения, что не дает возможности проверки полученных результатов; недоработка группировки земельных участков по отдельным видам разрешенного использования земель.

Исправление этих недостатков должно повлиять на дальнейшее развитие методики кадастровой оценки и повышение совокупного социально-экономического эффекта ее результатов в следующих турах.

Для решения обозначенных проблем требуется внести изменения в федеральное и региональное законодательство об оценочной деятельности, иные нормативные акты, регулирующие порядок проведения государственной кадастровой оценки, особенно во избежание несогласованности действий между органами государственной власти и организациями, проводящими кадастровую оценку земель.

Прежде всего следует уточнить определение понятия «результаты государственной кадастровой оценки». Широкое его толкование в некоторых случаях приводит к тому, что эти результаты не соответствуют требованиям законодательства.

Для решения вопросов, связанных с правовым регулированием государственной кадастровой оценки земель населенных пунктов под промышленными объектами, необходимо:

- 1) разработать ясные, экономически обоснованные методики расчета с привлечением профессиональных оценщиков, российских научных организаций, занимающихся теорией оценки;
- 2) осуществлять периодическую переоценку при изменении факторов ценообразования с наименьшими затратами средств;

3) выработать единую методику анализа ценообразующих факторов для более обоснованного их выбора с целью дальнейшего построения моделей;

4) сделать процедуру кадастровой оценки более открытой, публичной и понятной.

В значительной степени эффективному управлению земельными ресурсами будет способствовать создание информационной базы данных кадастровой оценки, содержащей максимальную информацию о рынке недвижимости, земельных участках, инфраструктуре и других факторах стоимости земли.

Развитие рыночных отношений, создание многоукладной экономики, утверждение различных организационно-правовых форм собственности и хозяйствования приводят к совершенствованию правового, экологического, экономического механизма оценки земель, а проведение кадастровой оценки и обоснованное применение ее результатов способствует рациональному использованию земельных ресурсов и эффективному управлению ими.

В целом можно сделать вывод, что новая технология работает, дает адекватные современному уровню развития земельно-имущественных отношений результаты, направление ее совершенствования, базирующееся на максимальном использовании рыночной информации, выбрано верно. Трудности неизбежны. Поэтому политика органов местного самоуправления должна быть достаточно гибкой, своевременно реагирующей на изменения законодательной базы и экономических условий, для чего этим органам предоставлено достаточно полномочий. Для устранения издержек при применении результатов новых методик государственной кадастровой оценки земель населенных пунктов в части распределения налогового бремени между налогоплательщиками статьями гл. 31 Налогового кодекса РФ администрациям муниципальных образований дано право устанавливать нормативными правовыми актами дифференцированные ставки земельного налога с учетом платежеспособности налогоплательщиков, не превышающие обозначенных пределов, и применять широкий спектр льгот.

Приведенные результаты работ по государственной кадастровой оценке земель можно использовать не только для решения задач, связанных с налогообложением земельных участков как объектов имущества. Их следует учитывать при принятии органами власти различных уровней решений, касающихся управления территорией, создания наиболее благоприятных условий для проживающих на этих территориях людей и бизнеса.

Результаты кадастровой оценки земель населенных пунктов под промышленными объектами как составной части комплексной программы кадастровой оценки недвижимости могут использоваться для целей:

формирования налогооблагаемой базы земель населенных пунктов в целом и конкретно под промышленными объектами;

территориально-экономического зонирования для размещения производственных предприятий;

уточнения схемы территориально-экономического зонирования, в частности для размещения промышленных предприятий;

установления ставок арендной платы за пользование муниципальными землями;

определения стартовых цен продажи прав собственности или долгосрочной аренды на конкурсах и аукционах;

расчета величины компенсационных выплат при изъятии земель для муниципальных нужд;

обоснования наиболее рациональных и перспективных направлений городской застройки;

информирования органов муниципальной власти и оказания платных услуг различным субъектам земельного рынка;

создания фондового рынка земельных бумаг и ипотеки.

Налогообложение земли выступает источником пополнения бюджетов муниципальных образований. Кроме того, оно должно стать и становится средством повышения эффективности использования ресурсов городских земель. Введение системы налогообложения, основанной на результатах кадастровой оценки, влечет ряд важных экономических последствий для развития муниципальных образований и самой системы местного самоуправления.

Проведенная на базе научно обоснованной методики и с использованием единого программного обеспечения кадастровая оценка земель вносит важный вклад в экономическое развитие территорий городов, муниципальных образований, субъектов РФ и Российской Федерации в целом. Кадастровая оценка усиливает возможности финансового самоопределения, улучшает экономические и социальные условия в муниципальных образованиях.

Поскольку доходы от взимания земельного налога являются значительным источником местного (муниципального) финансирования и бюджета, экономические и социальные вопросы определения налоговой базы приобретают принципиальное значение уже в настоящий момент. Оптимальным их решением будет применение методов массовой оценки, основанных на единой методике с использованием стандартизированного программного обеспечения для расчета кадастровой стоимости исходя из данных о ситуации на рынке недвижимости, что обеспечит непредвзятость, эффективность, преемственность, сопоставимость результатов на территории региона и страны в целом.

Библиография

- Варламов А. А. Земельный кадастр: в 6 т. Т. 4: Государственная кадастровая оценка земель. М., 2006.
- Вислинский М. Д., Тихоненко В. В. Совершенствование кадастровой деятельности в области использования земель // Электрон. прил. к «Рос. юрид. журн.». 2015. № 3.
- О государственной кадастровой оценке земель: постановление Правительства РФ от 25 августа 1999 г. № 945 // СЗ РФ. 1999. № 35. Ст. 4326.
- О плате за землю: Закон РСФСР от 11 октября 1991 г. № 1738-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. 31 окт.
- О порядке определения нормативной цены земли: постановление Правительства РФ от 15 марта 1997 г. № 319 // СЗ РФ. 1997. № 15. Ст. 1539.
- Об утверждении Правил проведения государственной кадастровой оценки земель: постановление Правительства РФ от 8 апреля 2000 г. № 316 // СЗ РФ. 2000. № 16. Ст. 1709.
- Сапожников П. М., Носов С. И. Особенности определения кадастровой стоимости земель сельскохозяйственного назначения в современных условиях // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2011. № 11.
- Тихоненко В. В., Вислинский М. Д. Правовое регулирование государственной кадастровой оценки земель населенных пунктов под промышленными объектами. Екатеринбург, 2016.

Bibliography

- O gosudarstvennoj kadastrovoj ocenke zemel': postanovlenie Pravitel'stva RF ot 25 avgusta 1999 g. № 945 // SZ RF. 1999. № 35. St. 4326.
- O plate za zemlyu: Zakon RSFSR ot 11 oktyabrya 1991 g. № 1738-1 // Vedomosti SND i VS RF. 1991. 31 okt.
- O poryadke opredeleniya normativnoj ceny zemli: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 marta 1997 g. № 319 // SZ RF. 1997. № 15. St. 1539.
- Ob utverzhdenii Pravil provedeniya gosudarstvennoj kadastrovoj ocenki zemel': postanovlenie Pravitel'stva RF ot 8 aprelya 2000 g. № 316 // SZ RF. 2000. № 16. St. 1709.
- Sapozhnikov P. M., Nosov S. I. Osobennosti opredeleniya kadastrovoj stoimosti zemel' sel'skoxozyajstvennogo naznacheniya v sovremennyx usloviyax // Imushhestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2011. № 11.
- Tixonenko V. V., Vislinskij M. D. Pravovoe regulirovanie gosudarstvennoj kadastrovoj ocenki zemel' naselennyx punktov pod promyshlennymi ob'ektami. Ekaterinburg, 2016.
- Varlamov A. A. Zemel'nyj kadastr: v 6 t. T. 4: Gosudarstvennaya kadastravaya ocenka zemel'. M., 2006.
- Vislinskij M. D., Tixonenko V. V. Sovershenstvovanie kadastrovoj deyatelnosti v oblasti ispol'zovaniya zemel' // Ehlektron. pril. k «Ros. jurid. zhurn.». 2015. № 3.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Иващук Иван Сергеевич

Кандидат юридических наук, ведущий юрисконсульт
ООО «Центр земельного права и природопользования» (Москва),
e-mail: wait4words@gmail.com

Статья посвящена проблемам и перспективам регулирования использования земельных участков в сельском хозяйстве. Автор проводит анализ возможных вариантов развития охраны земель сельскохозяйственного назначения посредством совершенствования механизмов правового регулирования использования земельных участков.

Ключевые слова: виды разрешенного использования, земли сельскохозяйственного назначения, устойчивое развитие сельских территорий, охрана земель, наилучшие (добросовестные) сельскохозяйственные практики

PERSPECTIVES OF THE IMPROVEMENT OF AGRICULTURAL LANDS PROTECTION THROUGH THE DEVELOPMENT OF MECHANISMS OF LEGAL REGULATION OF LAND USE

Ivashhuk Ivan

Center of land law and natural resource, Ltd (Moscow),
e-mail: wait4words@gmail.com

The article is devoted to problems and perspectives of land use regulation in the agricultural sphere. The author analyzes perspectives of agricultural lands protection through the improvement of the mechanism of land use regulation.

Key words: types of permitted use, agricultural lands, sustainable development of rural territories, land preservation, generally accepted agricultural practices

При исследовании проблем современного земельного законодательства одним из наиболее популярных объектов для критики являются ограничения в использовании и обороте земельных участков¹. В обобщенной форме критический взгляд на правовое регулирование земельных отношений сфокусирован на том, что земельное законодательство Российской Федерации не поспевает за развитием общества, не может в полной мере удовлетворить его потребности, прежде всего в градостроительной сфере.

Очевидно, что проблемы в сфере регулирования земельных отношений, как и в любой другой отрасли публичного права, возникают не только из-за дефектов правового

¹ Батталова Л. М. Проблемы формирования земельного законодательства (историко-правовой аспект) // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 83–84; Галиновская Е. А. О направлениях совершенствования установления категорий и разрешенного использования земель // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 10. С. 78–79; Чубаров В. В. Некоторые проблемы взаимодействия гражданского и земельного законодательства и пути их решения // Журн. рос. права. 2005. № 10. С. 60–61.

регулирования, но и в значительной степени по причине низкой эффективности механизмов государственного и общественного управления, отсутствия у органов государственной власти представления об эффективных средствах решения проблем и желания совершенствовать механизм использования земельных ресурсов.

Представляется, что несовершенство системы государственного управления и правовых механизмов в наибольшей степени проявляется в тех отношениях, где накопилось критическое количество социально-экономических противоречий, соответственно, качество правового инструментария имеет принципиальное значение.

По нашему мнению, крайне негативные тенденции сохраняются в сфере использования земель сельскохозяйственного назначения. Отсутствие благоприятных перспектив для земель, используемых в сельскохозяйственном производстве, можно в течение продолжительного времени наблюдать невооруженным взглядом: зарастание лесной и кустарниковой растительностью, снятие и незаконная продажа почвогрунта, активное использование земельных участков для иных, не связанных с сельским хозяйством целей.

Для того чтобы определиться с методами решения проблемы, необходимо представлять модель процессов.

Эффективность и полнота государственного регулирования использования земельных участков могут быть изучены и оценены в разрезе двух основных взаимосвязанных аспектов: параметры осуществляемой хозяйственной деятельности (направления, виды и методы сельскохозяйственного производства, эффективность использования территории) и результат хозяйственной деятельности (сельскохозяйственная продукция (ее виды, количество), воздействие на окружающую среду).

В настоящее время правовое регулирование сконцентрировано в основном на оценке результатов деятельности. Необходимость правовой оценки хозяйственной деятельности через призму не только результатов, но и основных параметров обусловлена комплексом причин. Во-первых, сельскохозяйственное производство оказывает на окружающую среду комплексное, часто сложнопрогнозируемое влияние, в связи с чем выявление и ограничение самых опасных видов деятельности имеют приоритетное значение. Во-вторых, квалификация существенного числа сельскохозяйственных производителей не позволяет им самостоятельно справиться с высокими экологическими рисками сельскохозяйственной деятельности. В-третьих, для развития технологий целесообразно стимулировать наиболее прогрессивные формы сельскохозяйственного использования земельных участков. В-четвертых, законодательство в сфере охраны земель практически не предусматривает применение профилактических мер по предотвращению экологического вреда.

С учетом изложенного нужно подробно рассмотреть вопрос о достаточности для регулирования сельскохозяйственного производства системы видов разрешенного использования земельных участков; их перечень закреплен в соответствующем Классификаторе¹.

Сельскохозяйственное использование согласно Классификатору подразделяется на следующие основные виды деятельности:

растениеводство (выращивание зерновых и иных сельскохозяйственных культур, топирующих, лекарственных, цветочных культур, льна, конопли и иных сельскохозяйственных культур, овощеводство, садоводство);

животноводство (скотоводство, звероводство, птицеводство, свиноводство);

пчеловодство;

рыбоводство;

¹ Об утверждении Классификатора видов разрешенного использования земельных участков: приказ Минэкономразвития России от 1 сентября 2014 г. № 540 // Рос. газ. 2014. 24 сент. (далее – Классификатор).

научное обеспечение сельского хозяйства;
хранение и переработка сельскохозяйственной продукции;
ведение личного подсобного хозяйства на полевых участках;
питомники;
обеспечение сельскохозяйственного производства.

Данная классификация в целом повторяет систему видов сельскохозяйственной деятельности, закрепленную в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОК 029-2014)¹, которая в свою очередь подразделяется по видам сельскохозяйственной продукции. Представляется прогрессивным, что для каждого из видов разрешенного использования, перечисленных в Классификаторе, приведено подробное содержание разрешенной деятельности, кроме того, прямо указано наличие или отсутствие у правообладателя права на размещение на земельном участке объектов капитального строительства.

С момента утверждения Классификатора появилась возможность более гибкого регулирования деятельности сельскохозяйственных организаций, поощрения социально значимых видов деятельности (типов сельскохозяйственной продукции) и ограничения неблагоприятных. Ведь уже как минимум с XVII в. очевидно, что для успешного развития сельского хозяйства крайне важно достижение баланса растениеводства и животноводства в рамках определенной территории. Это обусловлено тем, что продукция растениеводства активно используется в животноводстве, а отходы животноводства в идеале должны полностью расходоваться для удобрения земель, предназначенных для растениеводства.

Вместе с тем наряду с позитивными существует и ряд негативных последствий реализации представленного подхода к разграничению видов разрешенного использования.

Во-первых, вызывает сомнения принципиальная необходимость в конкретизации экономических видов деятельности на земельных участках сельскохозяйственного назначения. Подобное регулирование экономических процессов в части использования земельных участков в определенной степени снижает возможности по адаптации сельскохозяйственного производителя к изменяющимся экономическим условиям (например, по изменению направления деятельности в связи с выбором другого типа сельскохозяйственной культуры). Указанная проблема усугубляется неблагоприятными в конкурентном плане условиями для ведения сельскохозяйственного производства в Российской Федерации по сравнению с большинством европейских стран (прежде всего по климатическим условиям).

Во-вторых, в Классификаторе присутствуют некоторые внутренние противоречия. Так, пп. 2.1, 2.2 и 13.1–13.3 предусмотрены виды разрешенного использования: для индивидуального жилищного строительства, приусадебный участок личного подсобного хозяйства, ведение огородничества, садоводства, дачного хозяйства. Наличие перечисленных практически идентичных по содержанию видов разрешенного использования противоречит внутренней логике Классификатора, где деятельность по использованию земельных участков максимально разграничивается для того, чтобы в дальнейшем в рамках документации по планировке территории можно было устанавливать комплексные виды разрешенного использования. Таким образом, Классификатор отчасти имеет тот же недостаток, из-за которого в течение продолжительного времени критиковался Земельный кодекс РФ: потеряна внутренняя системность, что приводит к необоснован-

¹ О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014 (КПЕС 2008): приказа Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2014. № 21.

ному смешению видов разрешенного использования, установленных в рамках различных категорий земель¹. Собственно, указанная проблема и обусловила в значительной степени необходимость принятия Классификатора.

В-третьих, в указанном Классификаторе полностью игнорируется экологический фактор при определении границ использования земельных участков. Потребность в учете этого фактора предопределена высокой опасностью сельскохозяйственного производства для окружающей среды. Это связано с применением большого количества опасных для окружающей среды и человека химических и биологических веществ. Вредные вещества в том или ином виде неизбежно распространяются в окружающей среде: накапливаются в почве, просачиваются в подземные и наземные водотоки, переносятся ветром и т. д. В отличие от промышленного производства, которое позволяет создавать искусственные барьеры в виде зданий и сооружений, в сельском хозяйстве возможностей ограничивать воздействие гораздо меньше. В связи с этим при регулировании сельскохозяйственного производства более остро, чем в промышленности, стоит вопрос об ограничении деятельности, выступающей источником потенциального вреда для окружающей среды. Указанная проблема усугубляется тем, что основная цель сельскохозяйственного производителя в рамках существующей экономической модели – извлечение прибыли, поэтому сельскохозяйственное производство неизбежно идет по пути интенсификации, что также увеличивает экологические риски.

Вместе с тем наличие сходных условий (климатических, почвенно-географических и иных) ведения сельского хозяйства в границах одной территории создает возможность для установления следующих ограничений хозяйственной деятельности:

разрешенные агрохимикаты (типы, классы, предельные объемы внесения, периоды внесения);

применяемые технологии сельскохозяйственного производства (классы и типы сельскохозяйственной техники, методики обработки почвы);

параметры разрешенного строительства (площадь застройки, типы зданий и сооружений, места размещения зданий и сооружений);

предельные параметры биологического воздействия (поголовье скота и птицы, виды растений);

иные параметры хозяйственной деятельности, определяющие уровень негативного воздействия на окружающую среду².

Указанные нормы по сути являются локальными ограничениями хозяйственной деятельности, которые теоретически могли бы вводиться посредством установления охранных зон. Однако в таком случае охранные зоны будут распространяться на большинство земельных участков сельскохозяйственного назначения, что, как представляется, противоречит их правовой природе, предполагающей применение только в особых случаях.

Установление видов разрешенного использования с целью ограничения неблагоприятного воздействия на окружающую среду имеет ключевое значение для поощрения более экологически безопасных технологий сельскохозяйственного производства.

Вместе с тем внедрение механизмов предупреждения экологического вреда и снижения рисков связано с очевидными трудностями. Обусловлены они прежде всего тем, что в рамках системы законодательного регулирования использования земель практически отсутствуют «механизмы предупреждения»³.

¹ Бандорин Л. Е. Разрешенное использование земельных участков: проблемы понимания сущности определения // Имущественные отношения в РФ. 2015. № 12. С. 49–50.

² Бринчук М. М. Охрана окружающей среды в сельском хозяйстве // Аграрное и земельное право. 2009. № 5. С. 78–82.

³ Щедрин Н. В. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности. Красноярск, 2010. С. 48–51.

В настоящее время правовое регулирование охраны земель сельскохозяйственного назначения реализуется в наибольшей степени через административные меры по привлечению к юридической ответственности в случае обнаружения признаков совершенного правонарушения. В отличие от системы охранительных мер предупредительный подход включает оценку не только результатов хозяйственной деятельности на момент причинения вреда окружающей среде, но и ключевых параметров этой деятельности. Предупреждение негативных последствий сельскохозяйственной деятельности на практике предполагает построение сложных моделей, которые должны одновременно учитывать значимые как естественные, так и антропогенные процессы, протекающие в рамках экосистемы.

Реализации указанного подхода препятствуют следующие проблемы:

ресурсоемкость: установление вида сельскохозяйственного использования требует комплексного исследования территории, в рамках которого будут определены наиболее эффективные (как в экономическом, так и в экологическом аспекте) способы ведения сельскохозяйственного производства;

масштабность регулируемых процессов: проводить регулирование сельскохозяйственной деятельности целесообразно в отношении обширной территории и совершенно бесполезно для отдельных земельных участков.

Меры охраны и предупреждения должны обеспечивать достижение экологической цели регулирования использования земель сельскохозяйственного назначения: устойчивое развитие сельского хозяйства, при котором в течение рационально прогнозируемого времени не происходит снижение качественных характеристик почв.

Принципиальное отличие между рассматриваемыми подходами заключается в субъекте, берущем на себя ответственность за адаптацию методов и технологий, используемых в сельскохозяйственном производстве: в отношении мер охраны решение проблем возложено на сельскохозяйственного производителя; меры предупреждения, напротив, подразумевают существенное участие общества и государства в финансировании и реализации мероприятий. Результатом такой деятельности являются нормы поведения, носящие в зависимости от их значимости рекомендательный либо обязательный характер.

В Европейском союзе и Соединенных Штатах Америки правовое регулирование пошло по пути последовательного регламентирования сельскохозяйственного производства: происходит постепенный переход от главенства мер охраны к предупредительным подходам в регулировании сельскохозяйственной деятельности, когда создаются системы стандартов, которые в отечественной литературе именуются наилучшими (добросовестными) сельскохозяйственными практиками. Такими практиками признаются стандарты, направленные в первую очередь на обеспечение производства качественной сельскохозяйственной продукции при минимизации вреда окружающей среде (регулирование сроков и объемов использования агрохимикатов, глубины и способов вспашки, параметров систем орошения и водоотведения и т. д.). При этом формируется эмпирическая база, позволяющая выявлять возможность создания на основе наиболее успешных практик общеобязательных норм. Внедрение же наилучших сельскохозяйственных практик в зарубежное законодательство привело к образованию правовых механизмов защиты: их применение сельскохозяйственным производителем практически полностью лишает правообладателей смежных земельных участков процессуальных перспектив в случае подачи негативных исков, связанных с неудобствами, причиняемыми сельскохозяйственным производством¹.

¹ Совершенствование наилучших сельскохозяйственных практик происходит поэтапно. В процессе реализации проводятся комплексные исследования результатов применения сельскохозяйственных практик. При необходимости массового внедрения наиболее значимых методов и способов ведения сельскохозяй-

Изложенное позволяет сформулировать ключевой вывод: регулирование использования земельных участков сельскохозяйственного назначения объективно вынуждено быть максимально гибким, учитывать условия сельскохозяйственного производства на конкретной территории, иметь возможность оперативно устанавливать и снимать ограничения для хозяйственной деятельности.

Из этого очевидно следует, что использование земельных участков не может регулироваться исключительно императивными методами. Эффективно можно реализовать в основном диспозитивные методы, прежде всего экономические и социальные формы побуждения. Это в первую очередь должно выразиться во внедрении более совершенных методик и средств, создании условий для инвестирования в энергосберегающие экологически безопасные технологии. При прочих равных диспозитивные методы будут более эффективны, чем императивные, воплощенные в виде норм, ограничивающих хозяйственную деятельность.

Внедрению механизмов, содержащих императивные методы, должно предшествовать многолетнее изучение территории (мониторинг состояния почв и других природных и природно-антропогенных объектов, оценка успешности реализации экономических и технологических моделей). По результатам анализа собранной информации появится объективная возможность для создания локальных ограничений применительно к наиболее вредным для окружающей среды и экономически несостоятельным видам деятельности.

К сожалению, законодательство Российской Федерации, в том числе Классификатор, не содержит механизмов, позволяющих эффективно реализовать нормы по ограничению негативного воздействия, стимулированию тех или иных способов или методов ведения сельскохозяйственного производства.

В связи с этим можно сделать вывод, что система правового регулирования использования земель сельскохозяйственного назначения недостаточно насыщена механизмами регулирования сельскохозяйственной деятельности. Правовая оценка, осуществляемая только при привлечении к ответственности в рамках административного или уголовного процесса, затрагивает лишь результаты хозяйственной деятельности.

Таким образом, прогрессивным шагом для совершенствования правового регулирования использования земельных участков сельскохозяйственного назначения представляется более подробная регламентация хозяйственной деятельности, которая будет выражена в широком комплексе мер по государственному стимулированию (например, посредством разработки и распространения систем сертификации) и локальному регулированию (создание документации по планировке сельских территорий и локальных нормативных актов) использования земельных участков в сельскохозяйственном производстве.

Библиография

2012 Vermont Statutes. Title 12 Court Procedure. Chapter 195 Nuisance Suits Against Agricultural Activities. § 5753 Agricultural activities; protection from nuisance lawsuits.

Бандорин Л. Е. Разрешенное использование земельных участков: проблемы понимания сущности определения // Имущественные отношения в РФ. 2015. № 12.

ственного производства, а также ограничения неудачных практик могут приниматься локальные нормативные правовые акты, которые устанавливают ограничения при использовании земельных участков. Посредством реализации указанных системных мер осуществляется постепенное внедрение в процесс использования земельных участков в сельскохозяйственном производстве более совершенных технологий. См., например: 2012 Vermont Statutes. Title 12 Court Procedure. Chapter 195 Nuisance Suits Against Agricultural Activities. § 5753 Agricultural activities; protection from nuisance lawsuits.

Батталова Л. М. Проблемы формирования земельного законодательства (историко-правовой аспект) // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1.

Бринчук М. М. Охрана окружающей среды в сельском хозяйстве // Аграрное и земельное право. 2009. № 5.

Галиновская Е. А. О направлениях совершенствования установления категорий и разрешенного использования земель // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 10.

О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014 (КПЕС 2008): приказ Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2014. № 21.

Об утверждении Классификатора видов разрешенного использования земельных участков: приказ Минэкономразвития России от 1 сентября 2014 г. № 540 // Рос. газ. 2014. 24 сент.

Чубаров В. В. Некоторые проблемы взаимодействия гражданского и земельного законодательства и пути их решения // Журн. рос. права. 2005. № 10.

Щедрин Н. В. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности. Красноярск, 2010.

Bibliography

2012 Vermont Statutes. Title 12 Court Procedure. Chapter 195 Nuisance Suits Against Agricultural Activities. § 5753 Agricultural activities; protection from nuisance lawsuits.

Bandorin L. E. Razreshennoe ispol'zovanie zemel'nykh uchastkov: problemy ponimaniya sushchnosti opredeleniya // Imushchestvennye otnosheniya v RF. 2015. № 12.

Battalova L. M. Problemy formirovaniya zemel'nogo zakonodatel'stva (istoriko-pravovoy aspekt) // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2010. № 1.

Brinchuk M. M. Oхрана okruzhayushhej sredy v sel'skom khozyajstve // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2009. № 5.

Chubarov V. V. Nekotorye problemy vzaimodejstviya grazhdanskogo i zemel'nogo zakonodatel'stva i puti ix resheniya // Zhurn. ros. prava. 2005. № 10.

Galinovskaya E. A. O napravleniyakh sovershenstvovaniya ustanovleniya kategorij i razreshennogo ispol'zovaniya zemel' // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2012. № 10.

O prinyatii i vvedenii v dejstvie Obshherossijskogo klassifikatora vidov ehkonomicheskoy deyatel'nosti (OKVEHD2) ОК 029-2014 (KDES Red. 2) i Obshherossijskogo klassifikatora produkcii po vidam ehkonomicheskoy deyatel'nosti (OKPD2) ОК 034-2014 (KPES 2008): prikaz Rosstandarta ot 31 yanvarya 2014 g. № 14-st // Ehkonomika i zhizn' (Buxgalterskoe prilozhenie). 2014. № 21.

Ob utverzhdenii Klassifikatora vidov razreshennogo ispol'zovaniya zemel'nykh uchastkov: prikaz Minehkonmrazvitiya Rossii ot 1 sentyabrya 2014 g. № 540 // Ros. gaz. 2014. 24 sent.

Shhedrin N. V. Konceptual'no-teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya i primeneniya mer bezopasnosti. Krasnoyarsk, 2010.

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ (окончание)

Малинова Изабелла Павловна

Доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: ruzh@usla.ru

Рассматривается методологическая составляющая истории и философии науки. Анализируется влияние философских дискурсов на правовое мышление. Дается оригинальный анализ оппозиций классической и неклассической философии права, их противоборства в правовом сознании и юридической науке XX–XXI вв.

Ключевые слова: наука, право, метод, методология, дискурс, парадигма

HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (the end)

Malinova Izabella

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: ruzh@usla.ru

The author investigates a methodological component of history and philosophy of science. She studies how philosophical discourses have influenced the legal thinking. There is a novel analysis of the oppositions of classic and non-classic philosophy of law, their confrontation in legal awareness and legal science of the 20–21st centuries.

Key words: science, law, method, methodology, discourse, paradigm

12. Предмет юридической герменевтики. Понятия «текст», «интерпретация», «герменевтический круг», «аспекты значения понятий»

Юридическая герменевтика – наука о толковании, интерпретации в праве. Г. Ф. Шершеневич считал, что «предметом юридической герменевтики являются техники толкования юридических текстов».

Герменевтический дискурс присутствует во всех рубриках философии права, поскольку служит средством реализации самой древней формы правовой свободы – состязательности – на основе юридически значимой интерпретации событий и толкования норм права.

Текст – идеи, выраженные средствами определенного языка. Языки могут быть вербальными (слова, буквы, цифры, знаки) и невербальными (жесты, мимика, ритуальная, архитектурная символика и др.).

Есть два подхода к пониманию текста:

- 1) текст – система вербально, символически выраженных смыслов, идей;
- 2) свойствами текста обладают все явления действительности, в том числе правовой (например, жизненные события могут по-разному «читаться», интерпретироваться, в них может быть усмотрен разный юридический смысл или его отсутствие).

Для толкования вербальных текстов необходимо знание логико-философской теории понятия, ее лексикона.

Значение понятия – класс предметов, явлений, обозначаемых этим понятием, т. е. его объем. Например, значение понятия государства – это все государства.

Для чего в словаре определяется значение понятия? Для того, чтобы сохранить в культуре его первоначальное значение. Так, «змея подколотная» не входит в первоначальный класс змей как рептилий.

Смысл понятия – совокупность свойств, при наличии которых мы данный предмет обозначаем данным понятием (например, слова «слон», «кошка» начали употребляться в качестве обозначений совсем других предметов).

В ряде направлений философии XX в. разделение значения и смысла понятий не принято, и используется только выражение «значение понятия». Но в этом случае приходится выделять аспекты значения понятий и вводить соответствующие разграничения в определении функций, структуры понятий в сфере мышления, в тексте.

Аспекты значения понятий разграничил в работе «Семиотика» Ролан Барт.

Парадигмальный аспект значения понятий – словарное (общепринятое, социально легитимированное) значение слова, словосочетания.

Синтагматический аспект значения понятия – значение слова, словосочетания в конкретном тексте (фактически смысл понятия).

Интерпретация – мыслительная операция, нацеленная на выявление скрытого смысла, прямо в тексте не сформулированного. Интерпретация – одна из самых ранних форм проявления правовой свободы, потому что лежит в основе реализации принципа состязательности. Субъекты права имеют возможность защищать свои интересы, интерпретируя свои действия, действия других субъектов, а также толкуя тексты норм.

Герменевтический круг – соотношение в тексте части и целого: текст в целом невозможно понять, не зная его частей, а каждую из частей невозможно понять, не понимая текста в целом.

13. Х.-Г. Гадамер: соотношение интерпретации и догматизации в праве

Наиболее известное произведение Х.-Г. Гадамера – «Истина и метод». В нем ученый опирался на методологические модели лингвистической философии, согласно которым язык рассматривается как традиция: язык сохраняет свою целостность, самоидентификацию за счет седиментации (оседания) в нем результатов интерпретации его терминов в актах речевой коммуникации. Таким образом, любая традиция сохраняется только за счет закрепления в ней результатов ее изменений в конкретных ситуациях ее интерпретации.

Гадамер уподобил право языку – с той точки зрения, что право обладает свойствами традиции, и поэтому понять его развитие можно с помощью тех же методологических моделей, которые сконструировали лингвисты. В русском переводе текста Гадамера указано, что право основано на «предании». Понятно, что здесь автор следует идеям английского философа XVIII в. Д. Юма, для которого «право основано на привычке, хабитусе».

С позиции Гадамера, право сохраняет свою целостность и самоидентификацию за счет «догматизации» в правовой традиции результатов ее интерпретаций в конкретных судебных процессах и иных правовых ситуациях.

В качестве правовой традиции можно рассматривать развитие любой национальной правовой системы, любого правового института, любой правовой категории, юридической нормы, юридической конструкции.

В свете концепции Гадамера толкование в праве можно расценивать как особый вид правовой деятельности (до перестройки толкование понималось только как вспомогательная мыслительная операция в рамках некоторых других видов правовой деятельности).

14. Методы толкования вербальных текстов (способы определения значения слов и выражений)

В позитивистской традиции представителями неопозитивизма были разработаны методы толкования вербальных текстов.

1. Значение слова, выражения – способ его употребления в языке. Такой метод определения значения основан на теории «языковых игр» Л. Витгенштейна: в естественном языке существуют области, отличающиеся специфическими правилами словообразования и смыслообразования, словоупотребления, лексиконом, фразеологией (литературный язык, профессиональные языки, сословные жаргоны, сленги различных социальных групп и т. д.). Например, помимо профессионального языка компьютерщиков есть их профессиональный сленг. Сохраняя свою относительную автономность, различные области языка взаимодействуют.

2. Значение слова, выражения – соотношение слова и образа в сознании (Б. Рассел). Мыслительная деятельность интерпретатора представляет собой не только «битвы противоречивых помыслов»¹, но и особого рода интеллектуальную игру. В ней есть майевтика, ирония, юридическое позиционирование.

По меткому выражению Х.-Г. Гадамера, в юридической герменевтике юрист встречается с филологом². При толковании юридически значимых текстов недостаточно выяснения буквального (словарного) значения слов и выражений. В связи с этим весьма плодотворным может оказаться вовлечение в судебскую практику толкования известных, ставших новой классикой концепций значения понятий Б. Рассела и Л. Витгенштейна.

Б. Рассел рассматривал значение слова как отношение слова к образу в сознании³, разграничивая общественно санкционированное (т. е. словарное) значение слова и тот смысл, который подразумевается индивидом в речевом акте: «Но хотя словарь или энциклопедия дают нам то, что может быть названо официальным или общественно санкционированным значением слова, нет двух людей, которые в своем сознании вкладывают в одно и то же слово одинаковое содержание»⁴. Данная концепция может выступать методологической пресуппозицией такой когнитивной техники толкования, которая нацелена на выяснение смысла, вложенного субъектом в свое публичное высказывание, письменное заявление или в спорную (неясную) формулировку условия договора. Когнитивная техника толкования индивидуальных юридических актов, имеющая своим методологическим основанием концепцию Б. Рассела, требует выхода в личностные контексты. Если речь идет о толковании неясно сформулированных условий договора, то для выяснения подлинных мотивов, намерений каждого из контрагентов требуется выход в контексты индивидуализированных обстоятельств, соответствующих заключению договора.

Более универсальной в юридическом применении может оказаться концепция «языковых игр» Л. Витгенштейна, согласно которой значение слова есть способ его употребления в языке⁵. Называя процесс употребления слов в языке игрой⁶, основоположник лингвистического направления аналитической философии исследовал когнитивно-чувственные основания языковых игр, их роль в развитии языка и мышления: «Когда изменяются языковые игры, изменяются и понятия, а вместе с понятиями и значения слов»⁷.

¹ Данте Алигьери. Новая жизнь // Данте Алигьери. Собр. соч.: в 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 21.

² Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988. С. 388.

³ Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. Киев, 1997. С. 82.

⁴ Рассел Б. История западной философии / пер. с англ. М., 1959. С. 69.

⁵ Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 99, 331.

⁶ Там же. С. 83.

⁷ Там же. С. 331.

Идеи Витгенштейна о взаимосогласованном изменении слов и обозначаемых ими понятий применимы не только в диахроническом (историческом), но и в синхроническом измерении. Последнее представляет собой социокультурное пространство, в котором существуют различные языковые области, характеризующиеся присущими им особыми правилами слово- и смыслообразования, словоупотребления, оригинальным лексиконом и фразеологией. Это довольно разные языки, хотя они функционируют в пространстве единого естественного языка: литературный язык, профессиональный язык, сленги различных социальных групп (молодежный сленг, городское арг, воровской жаргон). По меткому выражению Л. Витгенштейна, «язык – это инструмент. Его понятия – инструменты»¹. В различных языковых областях есть свой специфический «инструментарий».

При использовании теории «языковых игр» в качестве методологии возможны толковательные техники, в которых юридически значимые интерпретационные версии строятся и обосновываются с помощью выхода в контексты разных языковых областей. В подобных случаях применим конкурс словарей, в котором легитимирующие основания предлагаемых словарных дефиниций определяются степенью авторитетности энциклопедического издания. Но если конкурс словарей не дает однозначных результатов, то требуется уже контекстуальное толкование, включая филолого-лингвистические экспертизы.

Известен случай из юридической практики, когда скандально прославившийся артист в своем интервью назвал популярную певицу оскорбительным и неприличным словом, обозначающим в просторечии женщину легкого поведения. Она подала иск о защите чести и достоинства, но адвокаты ответчика выиграли дело, сославшись на академический словарь русского языка XVIII в., в котором данное слово расшифровывается как «ложь, неправда» и не имеет того оскорбительного смысла, который оно приобрело в современном языке, утратив прежнее значение. Пресуппозицию выгодной для подзащитного интерпретационной версии эксперт-филолог нашел в языковых контекстах старорусского языка. Очевидно, что решение суда лишь формально соответствовало буквальному, словарному значению оскорбительного слова. Нет никаких сомнений в том, что адвокат истицы выиграл бы дело, если бы, сославшись на теорию «языковых игр» Л. Витгенштейна, доказал, что в современном языке данное слово употребляется только в одном – неприличном – смысле.

Особенность этой когнитивной техники толкования – обращение к социокультурным, языковым контекстам. Толковательная техника, методологическим основанием которой выступает теория «языковых игр», весьма перспективна, спектр возможностей ее использования в правоприменительной практике неисчерпаем.

15. Буквальное и контекстуальное толкование

Специфическим является отношение к термину «буквальное толкование» в сфере гражданского права. Например, в Комментариях к ГК РФ В. В. Витрянский пишет, что буквальное толкование – это толкование словарное. При этом речь идет прежде всего о толковании *актов индивидуального регулирования* (договоров, завещаний).

В рамках философско-правового подхода термин «буквальное толкование» рассматривается в корреляции с термином «контекстуальное толкование», которое осуществляется в тех случаях, когда словарного недостаточно. Важно отметить, что под буквальным толкованием в принципе понимается не только словарное, а вообще общественно санкционированное толкование, основанное на общепринятых представлениях, конвенциях о смысле фраз, слов.

¹ Витгенштейн Л. Указ. соч. Ч. 1. С. 236.

Кстати, в международных нормах о толковании договоров буквальное толкование определяется через формулу «общепринятые смыслы» (ст. 31, 32 Венской конвенции о толковании международных договоров 1969 г.).

Вообще буквальное толкование в когнитивном аспекте – это именно толкование в общепринятом смысле, ведь словари являются способом легитимации общепринятых смыслов.

Повторим, что при разрешении конкретных споров может потребоваться конкурс словарей, так как в них могут быть совершенно разные варианты разъяснения смысла одного и того же слова, выражения.

Контекстуальное толкование – уяснение смысла текста или его части путем выхода в избранные интерпретатором контексты (правовые, социокультурные, ситуационные и т. д.). Например, в ч. 2 ст. 431 ГК РФ законодатель рекомендует для выяснения действительной общей воли сторон выход в контексты обстоятельств, соответствующих заключению договора, к которым относит предшествующую переписку, последующее поведение сторон и т. д. Если процессуально предусмотренным образом суд признает текст спорного условия неясно сформулированным, то для него буквальное толкование уже невозможно, а возможно только контекстуальное.

При решении любой интерпретационной проблемы необходимо выходить в разные контексты, располагающиеся в разных системах координат, так как юриспруденция в целом и отдельные ее отрасли, конкретные правовые ситуации неразрывно связаны именно с социокультурными контекстами.

16. Классификация видов интерпретационной деятельности, ее общая структура и смысл с точки зрения юридической герменевтики

В ТГП разработаны развернутые классификации толкования закона. В них базовым является разделение на официальное и неофициальное толкование. Но в эти классификации не входят виды интерпретации актов индивидуального регулирования и самих жизненных событий.

Подход юридической герменевтики не ограничивается классификацией видов толкования текстов законов. Элементами системной классификации видов интерпретационной деятельности в праве являются:

1) юридически значимая интерпретация событий, действий, так как все события, действия обладают свойствами текста и могут быть «прочитаны», т. е. интерпретированы. Не случайно М. Хайдеггер называл человеческое бытие *понимающим* бытием. В любом событии, действии можно найти тот или иной культурный, политический или иного рода смысл. В данном случае речь идет о юридически значимом смысле;

2) интерпретация актов индивидуального регулирования (договоров, завещаний). Следует подчеркнуть, что здесь речь идет о включении текстов актов данного типа в общую классификацию видов интерпретационной деятельности в праве;

3) толкование тех юридических норм, на основе которых выявляется юридический смысл жизненных событий и действий.

Общая логика этой классификации такова.

В первом разделе речь идет о юридически значимой интерпретации (квалификации) жизненных событий как в виде действий, так и в вербально-текстовой форме актов индивидуального регулирования (договоров, завещаний). Во втором разделе классификации речь идет об интерпретации текстов тех норм, на основании которых в первом разделе были произведены юридически значимые интерпретации.

Классификация видов интерпретационной деятельности в контекстах юридической герменевтики имеет в основе когнитивные аспекты толкования, философские методологические модели.

Состязательность базируется на интерпретации субъектами права в своих интересах норм и событий, которые под эти нормы «подверстываются». В борьбе правовых интересов всегда была чрезвычайно важна степень обоснованности (легитимации) конкурирующих интерпретационных версий, выдвигаемых участниками судебных разбирательств. При этом важнейшей составляющей такого рода легитимации является авторитетность, общепризнанность, научная и культурная ценность тех методологических оснований, на которых построены предлагаемые вниманию суда интерпретации.

Г. Ф. Шершеневич использовал термин «техники толкования»¹, подразумевая виды, методы, процессуально-юридические регламенты толкования. С нашей точки зрения, техники толкования можно подразделить на собственно юридические (нацеленные на процессуально-юридические аспекты толкования) и когнитивные (сфокусированные на методах мыслительных операций интерпретационного типа). Последние осуществляются через обращение к методологическим контекстам герменевтики, лингвистики, аналитической философии, семиологии, философии права.

17. Буквальное и контекстуальное толкование (к истории вопроса)

В истории юриспруденции прослеживается эволюция соотношения буквального и контекстуального толкования актов индивидуального регулирования.

Вплоть до эпохи Юстиниана в римском частном праве превалировал принцип безусловного приоритета буквального толкования. Это приводило к тому, что воля завещателя нередко противоречила существующим законам: раб не мог унаследовать имущество, поскольку юридически являлся вещью, а не самостоятельным гражданином, собственником. До Юстиниана завещание рабу не выполнялось, так как он не мог обладать собственностью. И согласно принципу «Закон не может быть изменен волею договаривавшихся сторон» в сочетании с приоритетом толкования по букве наследство передавалось по закону. Однако Юстиниан предложил принцип, согласно которому целью толкования завещания является выяснение действительной воли завещателя: если наследодатель завещал рабу, значит, если бы он знал закон, то дал бы будущему наследнику вольную. Отсюда следует, что надо давать вольную тому рабу, которому наследодатель завещает свое состояние или его часть. С методологической точки зрения Юстиниан ввел принцип приоритета контекстуального, а не буквального толкования актов индивидуального регулирования, дал начало традиции толкования по воле.

Договор и завещание – это акты индивидуального регулирования, поэтому принципы соотношения буквального и контекстуального (по воле) толкования для них аналогичны.

18. Методологические проблемы толкования актов индивидуального регулирования (принцип *contra proferentem*)

Толкование договора со времен римского права является достаточно самостоятельной юридической конструкцией, пережившей за много веков существенные трансформации. В ч. 1 ст. 431 ГК РФ указано: «При толковании договора судом должно приниматься во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Если (спорное) условие договора сформулировано неясно, то его буквальный смысл следует выяснять путем обращения к другим условиям договора и смыслу договора в целом». Таким образом, в ч. 1 ст. 431 ГК РФ законодателем предусмотрено обязательное установление судом ясности или неясности формулировки спорного условия, и в случае установления «неясности» *рекомендуется все равно выяснять буквальный смысл спорного условия*, что само по себе парадоксально. Законодатель не учитывает, что в случае установления неясности формулировки спорного условия речь уже может идти не о буквальном, а только о кон-

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910.

текстуальном толковании. Но, рекомендуя уяснить буквальный смысл спорного условия через выход в контекст договора в целом, законодатель отождествляет буквальное и контекстуальное толкование, что ведет к путанице.

Ясно или неясно сформулировано оспариваемое условие договора, решает суд. В большинстве случаев это центральный предмет спора. Например, обманутому дольщику в суде нужно доказать, что спорное условие сформулировано неясно. Договоры присоединения часто нарушают права граждан тем, что в них есть *преднамеренно* неясно сформулированные условия, т. е. «ловушки».

Если суд установит, что условие договора сформулировано неясно, то с точки зрения логики, герменевтики, семантики буквальный смысл такого условия уже не может быть определен. А законодатель рекомендует именно это.

Во избежание коллизионности толкования ст. 431 ГК РФ Высший Арбитражный Суд РФ принял постановление от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договоров и ее пределах», согласно которому неясно сформулированное условие договора обращается против его автора-контрагента. Фактически это достаточно удачная попытка компенсации недостатков ст. 431 ГК РФ путем закрепления принципа *contra proferentem*.

19. Философские основания принципа толкования по воле

В отечественном гражданском законодательстве закреплено правило, согласно которому приоритет отдается буквальному толкованию текста договора (ст. 431 ГК РФ), хотя, казалось бы, в эпоху либерализации права более уместным было бы установить в качестве главной цели толкования договоров выявление действительной воли сторон. Однако последнее закреплено только в ч. 2 ст. 431. Если требования первой части не могут быть выполнены, то нужно выяснять действительную общую волю сторон. Но почему на первое место законодатель ставит не выяснение воли сторон, а буквальное толкование волеизъявления? Скорее всего, это позаимствовано из Венской конвенции о правилах толкования договора 1969 г. Но ведь в ней речь идет о чтении международных договоров, которые составляются на разных языках. Там чтение международного договора неизбежно сопряжено с его толкованием. В российском же праве все договоры составляются на русском языке, поэтому нет стадии перевода.

В Конвенции говорится о чтении договора *разноязычными* контрагентами.

20. Проблема нормативности официальных интерпретационных актов

Проблема нормативного статуса (юридической силы) официальных интерпретационных актов уходит корнями в эпоху римского права (дискуссии о законодательных полномочиях римского Сената, а также дискуссии русских юристов о нормативном статусе официальных толкований Сената) и по-прежнему актуальна.

Проблема юридической силы интерпретационных актов высших судебных инстанций является предметом серьезного обсуждения, причем не только теоретического, но и непосредственно связанного с конкретными вопросами правоприменительной практики. Это, можно сказать, древняя проблема. Еще Августин Блаженный утверждал: «То же самое мы видим и в рассуждении настоящих временных законов: хотя люди и судят о них, когда их устанавливают, но раз законы установлены и введены в действие, судье позволяется судить уже не о них, а сообразно с ними»¹. Но это не относится к высшим судебным инстанциям хотя бы потому, что в правоприменении последнее слово остается за ними.

¹ Августин (Блаженный). Творения: в 2 т. Т. 1: Об истинной религии. СПб.; Киев, 1998. С. 432.

Легитимирующую силу имеют интерпретационные акты и Конституционного Суда, и других официальных инстанций¹. Именно они оказались сегодня в центре полемики в научной литературе.

М. Н. Марченко считает, что если, как предлагают отдельные авторы, именовать эти акты «своеобразными» нормами или «квазинормами», то «тем самым в определенной мере снимается искусственный пафос и острота спора, который время от времени возникает по поводу того, создает Конституционный Суд России новые нормы права или же он только применяет, толкует и уточняет уже существующие нормы...»².

В рамках обсуждаемой темы уместно напомнить, что дискуссии о том, обладают ли решения и толкования высших судебных инстанций свойством нормативности, традиционны для отечественного права. Весьма показателен в связи с этим следующий исторический факт: опыт толкования кассационными департаментами Сената Российской империи в XIX – начале XX в. стал предметом серьезной полемики, имеющей общественный резонанс. Среди юристов преобладало мнение, суть которого обобщенно изложил Г. Ф. Шершеневич: «...Кассационные решения могут иметь такое же значение источников права, как и наука, т. е. они убеждают в правильности своего толкования, но обязательная сила им чужда. Однако Сенат идет далее и придает своим решениям не только нравственное, но и юридическое значение, предполагая их обязательность для судов на будущее время, т. е. придает им силу закона... Но нигде в нашем законодательстве не признано за Сенатом права издавать законы... Наши ученые юристы с поразительным единодушием отрицают юридическую обязательность кассационных решений»³.

Эту точку зрения поддержал первоприсутствующий (председательствующий) в Уголовном кассационном департаменте Сената действительный тайный советник Н. С. Таганцев, решительно утверждая, что «судебные решения не могут быть признаваемы законом общим, для всех обязательным или служить основанием окончательных решений по делам подобным»⁴. Причем он сожалел, что «...наша судебная практика несколько иначе отнеслась к этому вопросу»⁵.

С немного иной позиции рассматривал этот вопрос Л. И. Петражицкий: «...Кассационные решения, конечно, не законы, а юридические экспертизы, обязательные по закону для того суда, который по данному делу постановляет судебное решение в собственном смысле»⁶.

Исторические корни обозначенной проблемы прослеживаются уже в римском праве. Главным органом власти в Римской республике с конца VI в. до н. э. был Сенат. Известный французский мыслитель XVIII в. Кондорсэ писал по этому поводу: «Сенат, эксплуатировавший уважение народа к старым учреждениям, скоро понял, что привилегия толковать законы почти равносильна праву создавать новые, и он пополнился юристами», стараниями которых, «не имея прямой законодательной власти... присвоил себе право толкования законов»⁷.

Сегодня очевидно, что и по прошествии веков проблема нормативного характера толкований, создаваемых высшими судебными и государственными инстанциями, не утратила остроты и актуальности.

¹ Перевалов В. Д. Теория государства и права: учеб. М., 2005. С. 237–238.

² Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учеб. М., 2001. С. 605.

³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 52.

⁴ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 95.

⁵ Там же.

⁶ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 504.

⁷ Цит. по: Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М., 1996. С. 83.

Интерпретационные акты Конституционного Суда РФ обычно содержат примерно следующую категоричную формулировку: «Конституционно-правовой смысл указанных нормативных положений, выявленный в настоящем Определении на основе правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в сохраняющих свою силу решениях, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике»¹. Однако не следует забывать, что толкование – необходимый компонент судебной состязательности, поэтому не совсем корректно звучат прямолинейные вердикты Суда, запрещающие какие-либо дальнейшие варианты толкования. Кроме того, даже если речь идет об официальном толковании, созданном законодательным органом, обладающим правом формулировать новые версии текста ранее принятых норм, нет никаких оснований для того, чтобы сопровождать результаты такого рода интерпретационной деятельности запретами упомянутого типа.

Несомненно, само по себе установление конституционно-правового смысла юридических норм – это необходимая и очень важная для системы правосудия прерогатива Конституционного Суда, если она не сопровождается запретом на дальнейшие толкования официально интерпретированной нормы. Выявленный в интерпретационном акте Суда конституционно-правовой смысл той или иной нормы может и должен задавать установки для каких-либо дальнейших ее толкований, предотвращая несоответствие последних Конституции.

В условиях либерализации права абсолютизация нормативной силы официальных интерпретаций, если речь не идет о законодательно авторизованных толкованиях, фактически созвучна категорическому вердикту В. М. Хвостова: «Что касается *легальной интерпретации*, то она только по названию есть толкование и в сущности ничего общего не имеет с истинным толкованием. Сила легальной интерпретации зависит не от внутренних свойств толкования, а от того, что оно предписывается надлежащим органом государственной власти; это в сущности не толкование старой нормы, а установление новой нормы права, снабженной обратной силою...»²

Гораздо более современно звучит сегодня следующее утверждение Н. С. Таганцева: «Мысль о том, что значение толкования стоит в прямой связи с несовершенством закона, показывает непонимание природы закона и сущности толкования. Наоборот, чем совершеннее закон уголовный, чем более в нем заменяются конкретные признаки обобщенными юридическими понятиями, чем строже употребляемый законодателем юридический язык, тем больше значения получают для правильности его применения научные приемы толкования законов...»³

21. Классификация видов толкования текстов правовых норм

С точки зрения юридической герменевтики весьма важно исследование соотношения процессуальных и эпистемологических, когнитивных аспектов толкования текстов правовых норм. В классификации выделяются следующие два вида:

1) *дискреционно-типовая* интерпретация правовых норм (дискреция – это усмотрение). Это интерпретация в ходе конкретных судебных разбирательств, которая может укорениться как неписаная традиция в сфере правоприменительной деятельности;

2) *прескриптивно-эталонная* интерпретация правовых норм (прескрипция – предписание). Она осуществляется уполномоченными органами как официальное толкование,

¹ См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2008 г. № 214-О-П по жалобе гражданина Севашева Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Рос. газ. 2008. 7 мая.

² Хвостов В. М. Система римского права: учеб. М., 1996. С. 40.

³ Таганцев Н. С. Указ. соч. Т. 1. С. 87.

обязательное, имеющее близкий к нормативному статус. Результаты этого вида официального толкования правовых норм обладают юридической силой.

22. Язык науки

Каждая научная отрасль находит в исследуемом объекте свой предмет исследования, строит его понятийную (идеальную) модель, а значит, создает соответствующий понятийный аппарат. У каждой научной отрасли свой особенный язык. Он создается учеными, поэтому является искусственным, конвенционально выстроенным. В ходе развития каждой научной дисциплины, в процессе совершения новых открытий ученые конструируют новые понятия.

Например, на рубеже XIX–XX вв. в международном научном сообществе математиков и естествоиспытателей критерии истинности научных концепций в основном носили *конвенциональный* характер: в личных контактах и на конференциях ученые обсуждали интерпретации и символично-терминологические обозначения, связанные с новыми научными открытиями.

Но в 1920-х гг. неопозитивисты «в тоске по безусловным основаниям научного знания» обосновали принцип *опытной верификации* научных понятий, в соответствии с которым критерием научности понятий выступала их опытная верифицируемость. В связи с этим предлагалась кардинальная «чистка» языка науки на том основании, что, как утверждал Альфред Айер, «положения, не имеющие опытной проверки, познавательно бессмысленны». Однако Хилари Патнем разрушил доверие к принципу опытной верификации как надежному критерию научной истинности, указав на его самоопровергаемость: сам принцип не удовлетворяет сформулированным в нем требованиям, так как не может быть опытно подтвержден. Это предопределило возврат к конвенциональным критериям истинности научного знания.

Таким образом, достаточно отчетливо просматривается модель спиралевидной эволюции представлений об основополагающих критериях научности понятий, а значит, и истинности теорий.

В 1920-х гг. Казимир Айдукевич создал теорию *радикального конвенционализма*, согласно которой научные языки представляют собой замкнутые системы, построенные на научных конвенциях. Он считал одним из основных принципов, лежащих в основе таких искусственных языков, абсолютную однозначность терминов. Айдукевич обосновал концепцию принципиальной непереводаемости научных текстов, созданных средствами разных научных языков. Однако в дальнейшем он отказался от этой радикальной позиции, приняв во внимание, что все замкнутые искусственные языки являются продуктом конвенций, заключаемых и устанавливаемых средствами естественного языка, а естественным языкам свойственны многозначность терминов, игра смыслов, и данный «дефект» естественных языков не может быть полностью устранен при создании искусственных языков. Научная картина мира зависит от избранной субъектами научного познания «понятийной аппаратуры».

Философские языки (дискурсы) играют методологическую роль в научном мышлении, поскольку содержащиеся в них правила оперирования понятиями и сам понятийный состав несут в себе определенные знания всеобщего характера о фундаментальных связях всеобщего характера.

Библиография

Августин (Блаженный). Творения: в 2 т. Т. 1: Об истинной религии. СПб.; Киев, 1998.

Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988.

- Данте Алигьери. Новая жизнь // Данте Алигьери. Собр. соч.: в 2 т. М., 2001. Т. 2.*
Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учеб. М., 2001.
Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2008 г. № 214-О-П по жалобе гражданина Севашева Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Рос. газ. 2008. 7 мая.
Перевалов В. Д. Теория государства и права: учеб. М., 2005.
Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
Рассел Б. История западной философии / пер. с англ. М., 1959.
Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. Киев, 1997.
Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции: в 2 т. М., 1994. Т. 1.
Хвостов В. М. Система римского права: учеб. М., 1996.
Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М., 1996.
Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910.
Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995.

Bibliography

- Avgustin (Blazhennyj). Tvoreniya: v 2 t. T. 1: Ob istinnoj religii. SPb.; Kiev, 1998.*
Chernilovskij Z. M. Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava. M., 1996.
Dante Alig'eri. Novaya zhizn' // Dante Alig'eri. Sobr. soch.: v 2 t. M., 2001. T. 2.
Gadamer H.-G. Istina i metod: osnovy filosofskoj germenевtiki. M., 1988.
Marchenko M. N. Problemy teorii gosudarstva i prava: учеб. М., 2001.
Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2008 г. № 214-О-П по жалобе гражданина Севашева Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Рос. газ. 2008. 7 мая.
Perevalov V. D. Teoriya gosudarstva i prava: учеб. М., 2005.
Petrzhickij L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej nравstvennosti. SPb., 2000.
Rassel B. Chelovecheskoe poznanie: Ego sfera i granicy. Kiev, 1997.
Rassel B. Istoriya zapadnoj filosofii / per. s angl. М., 1959.
Shershenevich G. F. Obshchaya teoriya prava. М., 1910.
Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izd. 1907 g.). М., 1995.
Tagancev N. S. Russkoe ugovnoe pravo. Chast' obshchaya: lekci: v 2 t. М., 1994. T. 1.
Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty. М., 1994. Ch. 1.
Xvostov V. M. Sistema rimskogo prava: учеб. М., 1996.

**ГРИГОРИЙ БАЕВ – ДИРЕКТОР
И ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ
ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
СВЕРДЛОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

Насибуллин Рафил Ахнафович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: ran.19@yandex.ru, igp@usla.ru

Рассказывается о жизни и деятельности Григория Ивановича Баева (1904–1956) – незаурядной, яркой личности, рабочего-выдвиженца, выпускника Института красной профессуры, заведующего кафедрой теории и истории государства и права (1939–1941) и директора (1938–1939) Свердловского юридического института, члена военных трибуналов стрелковой бригады, фронта, армии, подполковника юстиции, председателя Мурманского и Иркутского областных судов.

Ключевые слова: Григорий Баев, выдвиженец, институт, преподаватель, кафедра, партия, репрессии, юстиция

**GREGORY BAEV – DIRECTOR AND HEAD OF THE DEPARTMENT
OF THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW
OF THE SVERDLOVSK LAW INSTITUTE**

Nasibullin Rafil

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: ran.19@yandex.ru, igp@usla.ru

Article is devoted to the life and work of Gregory Ivanovich Baev (1904–1956) – an outstanding personality, worker-nominee, a graduate of the Institute of Red Professors, head of the department of theory and history of state and law (1939–1941) and director (1938–1939) of the Sverdlovsk Law Institute, a member of the military tribunals of rifle brigade, front, army, Lieutenant Colonel of Justice, Chairman of Murmansk and Irkutsk oblast courts.

Key words: Gregory Baev, nominee, institute, lecturer, department, the party, repressions, justice

В октябре 1956 г. ушел из жизни яркий, незаурядный человек Григорий Иванович Баев – директор и заведующий кафедрой теории и истории государства и права Свердловского юридического института, подполковник юстиции, председатель Мурманского и Иркутского областных судов.

Г. И. Баев родился в сентябре 1904 г. в с. Артаково Одоевского уезда Московской губернии в рабочей семье. Его отец в основном проживал в Москве, работал на текстильной фабрике «Эмиль Циндель». В 1909 г., когда Григорию было всего пять лет, его отец умер. Через несколько лет семья переехала в Москву, где мать, чтобы прокормить детей (десятилетнего Григория и малолетнюю дочь), трудилась служанкой, работала на производстве (умерла в 1946 г.). Григорий, окончивший три класса сельской школы, был отдан работать мальчиком в чайную, а затем в парикмахерскую. В 1919 г. уехал из Москвы в с. Зубрилово Балашовского уезда Саратовской губернии и вступил в члены Третьей Петроградской сельскохозяйственной коммуны, где работал до конца 1922 г. В коммуне он вступил в комсомол и состоял в нем до 1925 г.

В 1923 г. Г. И. Баев вернулся в Москву, где трудился рабочим в Народном комиссариате внешней торговли и подмастерьем кондитера на государственной кондитерской фабрике «Красный Октябрь» (бывшая «Эйнем») до 1929 г. С 1925 г. – член ВКП(б), инструктор Замоскворецкого райкома ВЛКСМ (февраль – декабрь 1925 г.). Член общефабричного партийного комитета, секретарь цеховой партийной ячейки фабрики «Красный Октябрь». «Работая на фабрике, он без отрыва от производства окончил 8-месячные юридические курсы при Московском губернском суде и годичные вечерние курсы административно-хозяйственных работников»¹. В 1929 г. в порядке выдвижения Г. И. Баева направили работать народным судьей Замоскворецкого района Москвы, затем членом кассационной коллегии Московского окружного (областного) суда.

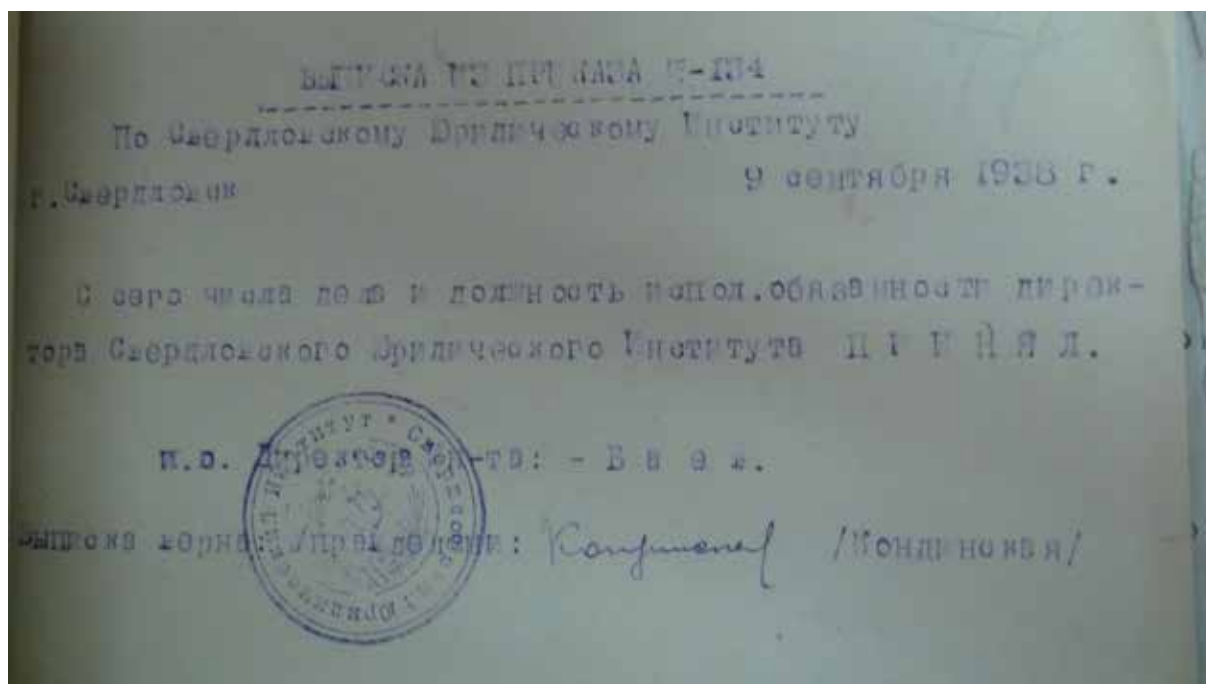
В 1931–1933 гг. обучался в Институте подготовки кадров красной профессуры. В 1933–1936 гг. обучался в Институте красной профессуры – «техникуме коммунистических агитаторов», готовившем партийных марксистских вузовских преподавателей, на факультете советского государства и права и одновременно преподавал в Московском институте советского строительства и Московском правовом институте.

Г. И. Баев

По распределению с сентября 1936 г. Г. И. Баев стал доцентом в Свердловском юридическом институте на кафедре государства и права, где преподавал энциклопедию (теорию) государства и права. Обязанности заведующего вновь созданной кафедры государства и права исполнял в 1936–1937 гг. профессор Степан Федорович Кечежян (1890–1967), читавший курсы всеобщей истории государства и права и государственного устройства буржуазных стран. С. Ф. Кечежян относился к числу тех замечательных представителей дореволюционной российской юриспруденции, которые в трудных послереволюционных условиях всемерно содействовали сохранению и развитию юридической науки и юридического образования в стране.

¹ Казарин В. Н. Иркутский областной суд в 1950-е гг. // Сибирский юрид. вестн. 2006. № 2. С. 100.

Энергичный Григорий Иванович занимался административной деятельностью. Он стал заместителем директора Института по научной и учебной части (1937–1938) и директором (9 сентября 1938 г. – 26 декабря 1939 г.) Свердловского юридического института. Неоднократно избирался членом парткома Института, дважды – членом пленума Ежовского райкома ВКП(б) Свердловска. С марта 1938 г. по май 1939 г. работал вторым секретарем Ежовского (с апреля 1939 г. Молотовского, с сентября 1957 г. Верх-Исетского) райкома ВКП(б) Свердловска. При этом Г. И. Баев вместе с женой и двумя детьми проживал в комнате в здании Института. В 1939 г. кафедру теории государства и права объединили с кафедрой истории государства и права. Объединенную кафедру теории и истории государства и права возглавил Г. И. Баев¹. Он стал первым лектором по истории политических учений.

На кафедре работали всего три преподавателя без ученой степени. Всеобщую историю государства и права с сентября 1939 г. преподавал Борис Федорович Ливчак (1906–1993) – интеллигент в третьем поколении, сын городского архитектора Симбирска (Ульяновска), выпускник историко-философского факультета Московского государственного университета (1931), преподаватель диалектического и исторического материализма на кафедре общественных наук Уральского политехнического института в Свердловске (1931–1936), преподаватель истории в свердловских школах (1936–1939). Впоследствии участник Сталинградской битвы, лейтенант, командир стрелкового взвода штрафников, преподаватель (с сентября 1943 г.) Свердловского юридического института, кандидат юридических наук (1946), доцент (1947), доктор исторических наук (1967), профессор (1967–1975), заведующий кафедрой истории государства и права (1963–1971) Свердловского юридического института. Историю государства и права СССР преподавал Афанасий Моисеевич Патрик (1907–1941) – выпускник Ленинградского института истории, философии и ли-

¹ См. выдержки из протоколов заседаний кафедры теории и истории государства и права за 1940 г., подготовленные к печати доцентом Н. Н. Зипунниковой: Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2014. Вып. 2. С. 370–378. В конце 1930-х гг. Свердловский юридический институт был небольшим юным моновузом с домашней атмосферой, в котором насчитывалось лишь 29 преподавателей, в том числе три профессора и 15 доцентов, и всего 325 студентов на всех четырех курсах (Свердловский юридический институт. 1931–1981. М., 1981. С. 10).

тературы (1934), преподаватель новой истории Свердловского государственного педагогического института (1934–1941), директор Свердловского юридического института (декабрь 1939 г. – апрель 1941 г.). Освобожден от должности директора по состоянию здоровья, перешел на работу в Свердловский сельскохозяйственный институт заведующим кафедрой основ марксизма-ленинизма и вскоре умер от туберкулеза легких. С февраля 1941 г. историю государства и права СССР преподавал кандидат юридических наук, доцент, историк грузинского права Иван Иулович Сургуладзе (1902 – ?), впоследствии доктор юридических наук, профессор Тбилисского государственного университета.

Как многие представители его поколения, Г. И. Баев был убежденным коммунистом, сталинистом. Так, будучи директором СЮИ, Г. И. Баев начал свой доклад на научной институтской конференции 4 апреля 1939 г. вполне традиционно: «Краткий курс истории нашей партии, разработанный и составленный при непосредственном участии и под руководством гениальнейшего мыслителя, величайшего мирового ученого тов. Сталина, последователя дела Маркса – Энгельса – Ленина, является исключительно важным событием в жизни нашей партии, советского народа и трудящихся всего мира»¹. Вполне в духе времени он трактовал радикальный пересмотр марксистской идеи об отмирании государства и права: «Враги народа, подлые враги, продажные цепные собаки пытались ослабить силу и мощь нашего советского социалистического государства. Они утверждали, что наше социалистическое государство ничем не отличается от буржуазного государства... Это они пытались насаждать в сознании трудящихся масс чувство пренебрежительного отношения к советской законности. Троцкистско-бухаринские агенты утверждали, что наше социалистическое государство отмирает с первых дней Октябрьской революции, что государство и право отмирает»².

В характеристике Г. И. Баева 1938 г. отмечалось: «Во время пребывания в партийной организации Юридического института проявил себя идеологически выдержанным коммунистом, принимает активное участие в общественной политической жизни парторганизации и борьбе с классовыми врагами. Все даваемые поручения парторганизацией выполняет добросовестно и аккуратно. Используется парторганизацией пропагандистом по первоисточникам классиков Марксизма. На последних выборах избран членом парткома. Тов. Баеву Г. И. по партийной линии вынесено предупреждение за дачу распоряжения Заведующему библиотекой Юридического института о выдаче учебника по Советскому хозяйственному праву под редакцией врага народа „Доценко“ профессору Колоножникову, которая в дальнейшем была изъята»³. В автобиографии от 14 ноября 1937 г. Г. И. Баев признавал: «За время пребывания в партии ни в каких оппозиционных группировках не участвовал, а наоборот, все время вел активную борьбу против вся-

¹ Стенограмма заседания научной конференции Свердловского юридического института от 4 апреля 1939 г. // ГАСО. Ф. 2143. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 4–5.

² Там же. Л. 44. Тон задавал глава советской юридической науки. Профессор (академик с 1939 г.), Прокурор СССР А. Я. Вышинский в обвинительной речи против антисоветского право-троцкистского блока 11 марта 1938 г. говорил: «Бухарины и Рыковы, Ягоды и Булановы, Крестинские и Розенгольцы, Икрамовы, Шаранговичи, Ходжаевы и другие – это та же „пятая колонна“, это тот же ПОУМ, это тот же Ку-клукс-клан... Потом идут провокаторы и агенты царской охранки – Зеленский, Зубарев, Иванов. Иванов к тому же еще и английский шпион. Прибавьте к этой компании группу отравителей-убийц Левина, Плетнева, Казакова, Крючкова, Максимова-Диковского и других, связанных с ними, и тогда морально-политический облик этого блока и каждого из его участников станет ясным до предела. Вот почему мы можем сказать – вот зловонная куча человеческих отбросов, не останавливавшихся ни перед чем, не брезгавших ничем, готовых на все – на взрывы заводов и железнодорожных поездов, на истребление скота, на порчу хлеба, на убийство, шпионаж и измену» (Вышинский А. Я. Сталин и враги народа. М., 2012 // URL: http://royallib.com/book/vishinskiy_andrey/stalin_i_vragi_naroda.html).

³ Архив УрГЮУ. Личное дело Г. И. Баева. Л. 30.

ких извращений генеральной линии партии. Сестра моя как член партии с 1931 г. также не имела никаких взысканий и ни в каких оппозициях не участвовала. Ближайших родственников, связанных в какой-либо степени с врагами народа, не имею. В ноябре 1937 г. парторганизация Юридического института вынесла мне предупреждение за то, что я в марте 1937 г., при проведении теоретической конференции, разрешил взять для справки книгу одному из профессоров, которая тогда и не была в то время изъята, и находилась на пользовании библиотеки, но поскольку ее редактировал Доценко, оказавшийся врагом народа, я не должен был ее выдавать»¹.

Профессор *Георгий Моисеевич Колоножников* (1880–1958)² представлял собой редкий тип чудом выжившего старого испуганного русского интеллигента, которого как редкого специалиста допустили к преподаванию в политическом вузе. Он родился в с. Ягодное Камышанского уезда Царицынской губернии в крестьянской семье, окончил Саратовскую духовную семинарию (1895–1901) и юридический факультет Томского университета с дипломом I степени (1901–1907). В 1907 г. по предложению министра народного просвещения был оставлен профессорским стипендиатом для подготовки к профессорскому званию по кафедре гражданского права и судопроизводства Томского университета сроком на два года под руководством профессора монархических убеждений, ректора Томского университета (1909–1913), попечителя Казанского (1914–1915) и Киевского (1915–1917) учебных округов, эмигранта *Ивана Александровича Базанова* (1867–1943).

Приват-доцент (1909–1913), профессор (1913–1917) кафедры торгового права и торгового судопроизводства Томского университета. В 1912 г. в Томском университете в качестве диссертации на соискание степени магистра гражданского права защитил монографию «Облигации торгово-промышленных акционерных товариществ. Ч. 1. Условия выпуска облигаций» (Томск, 1913; 2-е изд. М., 2004; 3-е изд. М., 2004). В 1907 г. был направлен на два года в научную командировку за границу, главным образом в Париж и Берлин, пополнял знания также в Лондоне, Брюсселе, Женеве. В апреле 1910 г. – сентябре 1911 г. был снова командирован за границу, где работал над диссертацией в Берлинском университете под руководством крупнейших немецких профессоров гражданского права. Там летом 1914 г. его и застала Первая мировая война. Около недели Г. М. Колоножников провел в немецкой тюрьме, в начале октября 1914 г. возвратился в Томск.

Награжден орденом Святой Анны III степени (1915), медалью 300-летия царствования дома Романовых (1913). В мае – сентябре 1916 г. был командирован с научной целью в Норвегию и Швецию. Профессор кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства юридического (затем экономического) факультета Донского университета (с 1925 г. – Северо-Кавказского университета) в Ростове-на-Дону (апрель 1917 г. – 1931 г.), профессор кафедры хозяйственного права Финансово-Экономического института в Ростове-на-Дону (1931–1936). С января 1935 г. во втором семестре Г. М. Колоножников преподавал в Свердловском правовом институте строительное, кредитно-банковское, финансовое право, арбитраж и арбитражный процесс, историю частного буржуазного права, в 1936–1937 гг. – финансовое право и латинский язык, заведовал кафедрой

¹ Архив УрГЮУ. Личное дело Г. И. Баева. Л. 31. Старейший уральский историк, доцент Галина Александровна Кулагина (1914–2008) вспоминала: «Библиотека [Свердловского государственного педагогического института] получила, как это обычно в те времена делалось, „закрытые“ списки о снятии с полки всех трудов репрессированных ученых. Становилось опасным держать их в личном пользовании, приходилось вымарывать фамилии, уничтожать титульные листы, теряя при этом уважение к самому себе... В один из дней в исторический кабинет пришла бледная и перепуганная заведующая библиотекой Милица Иннокентьевна Тяжелкова (ее предшественницу незадолго перед тем сняли с должности как жену врага народа) и потребовала срочно сдать хрестоматию по новой истории. Оказалось, что фамилии редактора и составителей (Лукина и Далина) вымараны так, что при желании вполне прочтываются. – „Знаешь, Костя, – предупредила она по секрету Попова, – сообщено, куда следует, что старший лаборант выдает студентам книги врагов народа“. Вечером дома, когда муж [К. Попов] рассказал мне об этом, я со злостью вырвала и уничтожила титульный лист из известной книги Джона Рида „Десять дней, которые потрясли мир“. Долгое время потом казнила себя за малодушие» (Кулагина Г. А. Свидетель века. Екатеринбург, 2005. С. 103–104).

² Написано по: ГАСО. Личное дело проф. Г. М. Колоножникова. Ф. 2143-р. Оп. 1-л. Ед. хр. 5. Л. 1–14; URL: [http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php?title=Колоножников,_Георгий_Моисеевич_\(Моисеевич\)&oldid=9860](http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php?title=Колоножников,_Георгий_Моисеевич_(Моисеевич)&oldid=9860).

языкознания. Свободно читал и мог объясняться на французском и немецком языках, на латыни, мог переводить английские и итальянские юридические книги.

Г. И. Баеву пришлось работать в Институте в сложных условиях. В марте 1938 г. были арестованы три преподавателя Свердловского юридического института: первый ректор профессор Юрий Михайлович Позан, профессор Иван Александрович Антропов, доцент Павел Андреевич Гордеев – и 17 студентов-активистов. В августе 1938 г. Ю. М. Позан, И. А. Антропов, П. А. Гордеев и семь студентов (Ваган Погосович Мартиросян, Ким Ен Чер, Сергей Павлович Ним, Андрей Иванович Пак, Моисей Николаевич Пак, Хван Сан-Вон, Цой Ир)¹ были расстреляны по обвинению «в создании контрреволюционной троцкистской организации среди преподавателей и студентов, готовящих террористические акты в отношении руководителей коммунистической партии и правительства». Впоследствии реабилитированы.

Представитель старой интеллигенции, профессор *Иван Александрович Антропов*² родился 16 апреля 1888 г. в Елабуге Вятской губернии в купеческой семье. Русский. После смерти матери с шести лет жил у тетки в Чистополе Казанской губернии, два с половиной года учился в приходской школе, затем окончил гимназию в Казани (1906). Год проучился на юридическом факультете Казанского университета (1906–1907), затем на юридическом факультете Петербургского университета (1907–1910) у выдающихся профессоров М. И. Туган-Барановского (1865–1919), В. М. Гессена (1868–1920), Л. И. Петражицкого (1867–1931), М. М. Ковалевского (1851–1916), И. А. Покровского (1868–1920), И. М. Тютрюмова (1855–1943), потом снова на юридическом факультете Казанского университета, который окончил в 1912 г. с золотой медалью за сочинение по гражданскому процессу «Отношение суда к закону в практике гражданских кассационных дел Правительствующего Сената по договорам имущественного и личного найма». Был оставлен для подготовки к профессорскому званию по предложению крупных цивилистов: приват-доцента Александра Владимировича Завадского (1873–1915) и профессора, председателя Казанской организации кадетской партии Александра Александровича Симолина (1879–1919). Помощник присяжного поверенного округа Казанской судебной палаты (1912–1917).

В 1913 г. командирован в Берлин для занятий в семинаре, был студентом Берлинского университета вплоть до начала Первой мировой войны. Выехав из Берлина на второй день после начала войны, И. А. Антропов не смог вывезти ни строчки из написанных там (и ранее) работ, исследования «SubLocatio rei в классическом римском и современном русском праве», «Суд и закон о договорах имущественного и личного найма в классическом римском и современном германском и французском праве» (рукопись магистерской диссертации). Через Швецию и Финляндию в сентябре 1914 г. вернулся в Россию, сдал магистерские экзамены (1915), был зачислен приват-доцентом кафедры гражданского права и судопроизводства в Казанский университет, вел занятия по курсу гражданского процесса.

В 1904–1908 гг. – член Российской социал-демократической партии по фракции большевиков. В феврале 1907 г. был избран в Центральный университетский студенческий орган по списку фракции большевиков, где был избран товарищем (заместителем) председателя. С осени 1907 г. отошел от партийной работы и политики. Осенью 1917 г. с группой университетских преподавателей участвовал в работе «независимых социалистов»³.

Профессор кафедры гражданского судопроизводства Пермского государственного университета (избран в апреле 1918 г., но не доехал до Перми), профессор Омского сельскохозяйственного института по кафедре кооперативного права (октябрь 1918 г. – январь 1920 г.). Одновременно председатель Сопровождающего при Уфимской дирекции, помощник управляющего делами, юрисконсульт, старший юрисконсульт Управления делами, товарищ управляющего делами «Российского Правительства» А. В. Колчака в Омске (1918–1920). Профессор кафедры гражданского права (1920–1924), теории права (1924–1930) Иркутского государственного университета. Всего в уни-

¹ К вопросу о столетнем юбилее университета: новое в биографии вуза (по материалам «Круглого стола») 18 мая 2016 г. // URL: <http://usla.ru>.

² Написано по: ГАСО. Личное дело проф. И. А. Антропова. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Ед. хр. 51. Л. 1–165.

³ ГАСО. Личное дело проф. И. А. Антропова. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Ед. хр. 51. Л. 68–69.

верситете читал 13 (!) курсов: промышленно-торгового права, теории права, гражданского процесса, права производства, обмена и распределения, права внутреннего советского управления, хозяйственного права, кооперативного права, продовольственного права, основ гражданского и промышленно-торгового права, основ социально-хозяйственного права, истории и теории кооперации, судостроительства, трудового права¹. Юрисконсульт Иркутского губернского союза потребительских обществ (1921–1923) и Иркутской конторы Якутгосторга (1924–1931).

Профессор, заведующий кафедрой хозяйственного права сначала Сибирского института советского права, а после его перевода в Свердловск – Свердловского правового (юридического) института (сентябрь 1931 г. – июль 1937 г.). Приказом директора института Ю. М. Позана от 2 июля 1937 г. И. А. Антропов был уволен: «В связи с тем, что профессором кафедры Сов[етского] гражданского права и процесса Антроповым Ив. Ал. был допущен в преподавании ряд политических ошибок, уволить проф. Антропова с работы в Институте со 2-го июля с/г. Бухгалтерии произвести полный расчет. Основание: Постановление кафедры Гражданского права и процесса от „...“ 1937 г. и отношение УУЗ НКЮ СССР² от 26/VI-37 г. 14-а. К.18»³. Начальник юридического отдела «Оргэнерго» в Свердловске (1936–1938).

Профессор Юрий Михайлович Позан⁴ являл собой тип нового советского интеллигента. Он родился 29 мая 1899 г. в Канске Иркутской губернии в семье кустика-мыловара. Еврей. По окончании реального училища в 1917 г. поступил на медицинский факультет Томского университета, в котором обучался три года. В марте 1919 г. юношу, окончившего к тому времени два курса, мобилизовали в Белую армию А. В. Колчака и назначили фельдшером 45-го Сибирского полка в Томске. В июне 1919 г. Ю. М. Позан дезертировал из Белой армии и пять месяцев жил по фиктивным документам. С декабря 1919 г. по июнь 1920 г. служил помощником лекаря Канского военного госпиталя Рабоче-крестьянской Красной армии.

Ю. М. Позан

Ю. М. Позан – арестант

В 1918 г., будучи студентом-медиком, одновременно зачислился вольнослушателем юридического факультета Томского университета, осенью 1920 г. прекратил учебу на медицинском факультете и перешел на юридический факультет Томского университета, который окончил в 1922 г. Заведующий юридическим отделом Иркутского губернского союза потребительской кооперации (1923–1924). Член Иркутского губернского суда (1924–1926), заместитель председателя Иркутского окружного суда (1927–1928). Член ВКП(б) с 1924 г. С 1925 г. – преподаватель уголовного права и судостроительства, с октября 1928 г. – доцент кафедры судебного права факультета права,

¹ ГАСО. Личное дело проф. И. А. Антропова. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Ед. хр. 51. Л. 66.

² УУЗ НКЮ СССР – Управление учебных заведений народного комиссариата юстиции СССР.

³ ГАСО. Личное дело проф. И. А. Антропова. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Ед. хр. 51. Л. 13 (183).

⁴ Написано по: ГАСО. Личное дело проф. Ю. М. Позана. Ф. 2143-р. Оп. 1-л. Ед. хр. 6. Л. 1–67.

декан экономического факультета (1930) Иркутского государственного университета. Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР от 20 апреля 1931 г. «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства» факультет советского строительства выделен из Иркутского университета и был преобразован в Сибирский институт советского права, директором которого в июне 1931 г. был назначен Ю. М. Позан.

На основании постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР от 1 августа 1934 г. Институт (15 преподавателей во главе с директором Ю. М. Позаном) был переведен из Иркутска в Свердловск (ныне Екатеринбург) и стал называться Свердловским правовым институтом (с 1935 г.), а затем Свердловским юридическим институтом (с 1936 г.). С 1 августа 1934 г. по 1 августа 1937 г. Ю. М. Позан – директор и профессор по кафедре уголовного права Свердловского юридического института. С 1 августа 1937 г. – заведующий кафедрой уголовного права и процесса института. Депутат Кагановичского районного совета Свердловска (1936–1938).

Гордеев Павел Андреевич (1906–1938) – выпускник судебно-прокурорского отделения факультета советского права Московского государственного университета (1930), аспирант Института советского права (1930–1933), заместитель директора по учебной части Иркутского института советского права (с 1933 г.), прокурор Ленинского района Свердловска, доцент Свердловского юридического института (сентябрь 1936 г. – февраль 1937 г.)¹.

В личном деле П. А. Гордеева имеется распоряжение Прокурора СССР А. Я. Вышинского прокурору Свердловской области Густаву Ивановичу Лейману (расстрелян в 1938 г.) от 4 августа 1936 г.: «НКЮ [Наркомат юстиции] РСФСР возбудил передо мной ходатайство об откомандировании прокурора Ленинского района гор. Свердловска тов. Гордеева П. А. в распоряжение Свердловского Правового Института для использования его как научного работника – преподавателя по общей теории государства и права. Рассмотрев это ходатайство, я нахожу его подлежащим удовлетворению. Тов. Гордеев окончил аспирантуру в Московском Правовом Институте, был направлен НКЮ РСФСР для преподавательской и учебно-административной работы в Иркутском Правовом Институте и с переводом последнего в Свердловск перешел в Свердловск на ту же работу. Предлагаю тов. Гордеева освободить от обязанностей прокурора Ленинского р-на гор. Свердловска и передать его в распоряжение Свердловского Правового Института. Сделайте это сейчас же, чтобы к 1-му сентября (началу учебного года) тов. Гордеев целиком был на учебной работе. Об исполнении мне сообщите. А. Вышинский»².

Несмотря на сложные условия, директор Свердловского юридического института Г. И. Баев не побоялся принять на работу в апреле 1939 г. старшим преподавателем криминалистики и заведующим криминалистической лабораторией Института судимого за контрреволюционные преступления Михаила Михайловича Любавского (1904 г. – после 1978 г.), который в 1920–1922 гг. служил в войсках ВЧК в Ставропольском крае, с 1923 по 1937 г. – в органах ВЧК – ОГПУ – НКВД в уголовном розыске на руководящих должностях. Возглавлял научно-техническую работу на Урале (в Свердловске, Челябинске), в Дальневосточном крае (Хабаровске и Благовещенске) и Казани, являлся выпускником юридического факультета Казанского университета (1937), учеником основателя советской криминалистики, доктора юридических наук, профессора, руководителя научно-технической службы уголовного розыска НКВД РСФСР (1922–1934) Сергея Михайловича Потапова (1873–1957). Любавский сам стал выдающимся экспертом-криминалистом с богатым практическим опытом расследования преступлений.

В ноябре 1937 г. начальника научно-технического отдела уголовного розыска Рабоче-крестьянской милиции НКВД Татарской АССР М. М. Любавского арестовали по подозрению в деятельности, направленной на подрыв боеспособности уголовного розыска, в троцкистских настроениях, в восхвалении империалистической Японии и периода НЭПа по доносу его сослуживца, оперуполномоченного Владимира Кузьмина, которо-

¹ Архив УрГЮУ. Личное дело П. А. Гордеева. Л. 2–3.

² Там же. Л. 9.

го назначили после ареста Любавского на его должность¹. «Следствие длилось долго, потому что арестованный то признавался после пыток в предъявленных обвинениях, то оказывался от них. В итоге судебное заседание вынесло приговор: лишение свободы на семь лет. В августе 1938 г. Любавский был отправлен в Байкало-Амурские лагеря на станцию Ворошиловск»². В период «бериевской оттепели» дело М. М. Любавского было пересмотрено и прекращено за недоказанностью предъявленных обвинений. В декабре 1938 г. его освободили. Он долго обивал пороги НКВД в надежде вернуться в строй, однако в этом ему было отказано³.

М. М. Любавский проводит занятия по криминалистике
со студентами Свердловского юридического института (1942 г.)

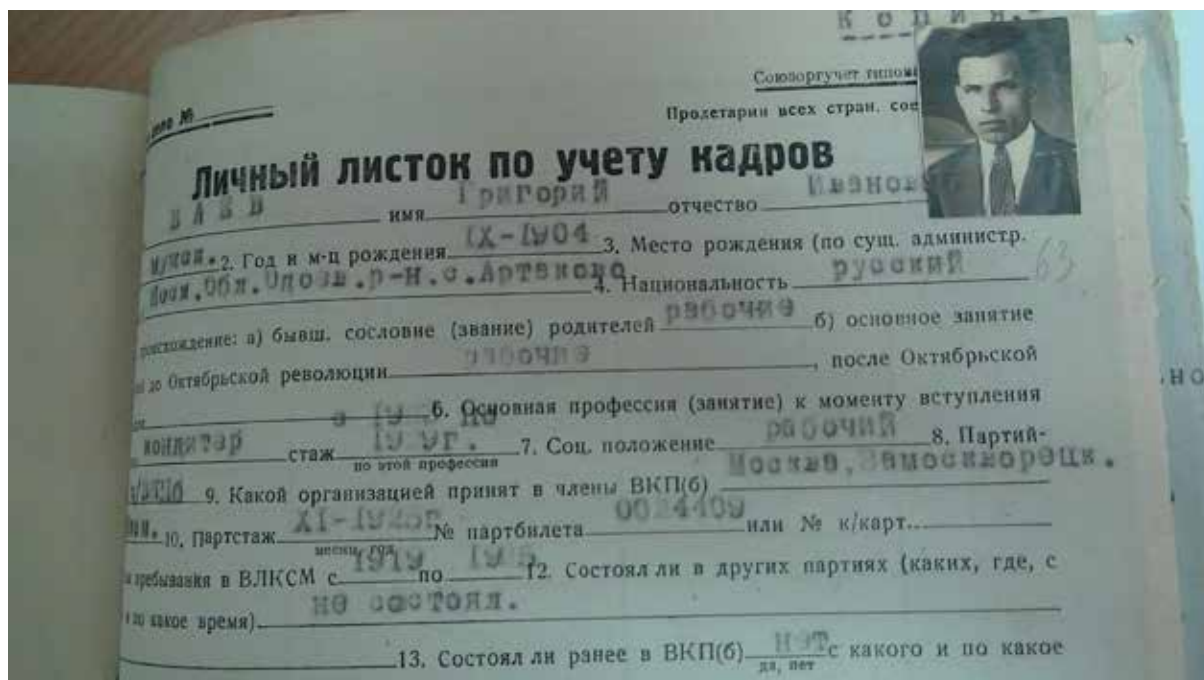
Любавский переехал в Свердловск, оказался без денег, жилья и работы. «На другой день [26 марта] 1939 г., ровно в 9 часов утра, я был в институте... Директор Свердловского юридического института Григорий Иванович Баев, человек средних лет, среднего роста, голубоглазый произвел на меня хорошее впечатление не только любезным отношением,

¹ М. М. Любавский писал: «Мое выступление [на кружке экономической географии в 1935 г.] заняло примерно минут 15. Я рассказал о том, что среди капиталистических государств Азии наиболее развитым в экономическом отношении является Япония. Привел пример ее агрессивной политики с 1870 года и бегло рассказал об особенностях ее экономики к 1936 г. За такое объяснение получил от руководителя отличную оценку, а В. Кузьмин сделал следующую реплику: „Это похоже на восхваление капиталистического государства“. Правда, руководитель кружка и некоторые слушатели резко выступили против изречения Кузьмина. Он молчал и злобно поглядывал на всех и особенно на меня. В то время я не придавал серьезного значения происшедшему на занятиях в кружке, однако впоследствии в 1937 г. этот мой рассказ об экономике Японии лег в основу обвинения меня в контрреволюционной агитации и лишил возможности работать в органах. Получилось все просто, но трагически. Кузьмин написал заявление в органы госбезопасности о том, что на кружковых занятиях я восхвалял Японию и этого оказалось достаточно для того, чтобы меня арестовать, продержать в тюрьме 14 месяцев, а затем освободить в связи с прекращением дела, за отсутствием состава преступления» (Любавский М. М. У истоков советской криминалистики. Нижний Тагил, 1975. Т. IV: В Казани. 1934–1939 гг. Машинопись воспоминаний. С. 36).

² Шайдуллин Р. Герои вчерашних дней // Особый менталитет. 2015. № 3.

³ Шайдуллин Р. Герои вчерашних дней // Там же. № 4.

но и серьезностью и внимательностью. Он терпеливо выслушал длинное и печальное повествование о моей жизни, не спеша ознакомился с документами, которые я вручил ему и сказал о том, что много слышал обо мне от Д. М. Крыночкина, А. В. Крысина и А. М. Урусова в то время начальника Свердловского областного управления милиции. Наступило минутное молчание. – Вот вам бумага, анкеты. Напишите заявление на мое имя с просьбой принять вас на работу в институт преподавателем криминалистики. Напишите и подробную автобиографию и все оставьте секретарю. Дня через 3–4 зайдите. Располагаетесь здесь в кабинете. Он встал, давая понять, что аудиенция окончена, крепко пожал мне руку, оделся и вышел, сказав секретарю, женщине средних лет (как оказалось впоследствии, это была жена бывшего заместителя начальника управления милиции Грязнова, арестованного 2 года назад и до настоящего времени находящегося под следствием), чтобы заявление, анкету и автобиографию она взяла у меня. Ушел я радостным и взволнованным. Так я поступил на работу в Свердловский юридический институт»¹.

Как уже говорилось, нагрузка Г. И. Баева была чрезвычайно высокой: он был заместителем директора, директором, членом парткома, секретарем райкома партии, преподавал историю политических учений, заведовал кафедрой. При такой большой учебной и административной загруженности Григорий Иванович работал над кандидатской диссертацией по теории государства и права на тему «Развитие политической мысли о социализме и коммунизме»², был в научной командировке в Москве (15 марта – 20 апреля 1940 г.) для работы над кандидатской диссертацией³. В отчете кафедры теории и истории государства и права за 1939/1940 учебный год отмечалось, что «в очередном учебном году намечена защита двух диссертаций тт. Баева и Еникеевой. Во втором семестре тов. Баеву была предоставлена научная командировка сроком на 1 месяц. Опыт пока-

¹ Любавский М. М. У истоков советской криминалистики. Т. V: Организация и работа криминалистической лаборатории Свердловского юридического института. 1939–1948 гг. Машинопись воспоминаний. Нижний Тагил, 1975. С. 2.

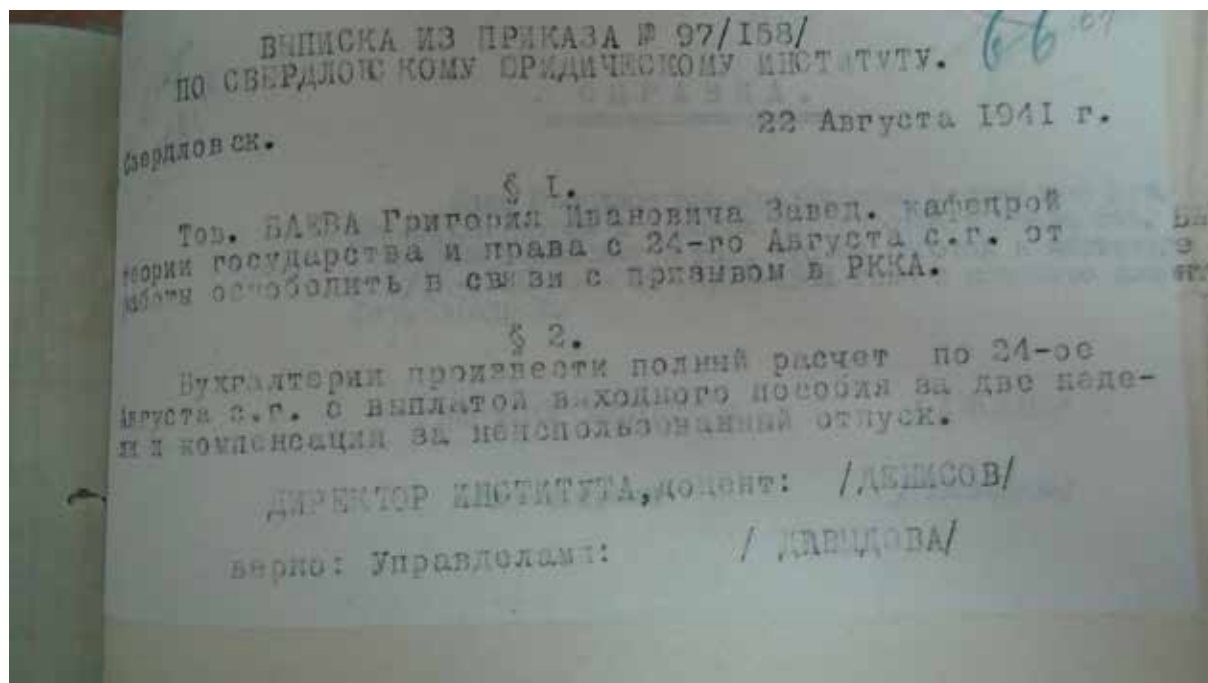
² ГАСО. Ф. 2143. Оп. 1-л. Ед. хр. 185. Л. 22об.

³ Архив УрГЮУ. Личное дело Г. И. Баева. Л. 60.

зывает, что месячный срок научной командировки является недостаточным, тем более когда работник над диссертацией получает такую возможность для начальной работы первый раз»¹. «Тов. Баев сделал научный доклад на объединенном заседании кафедр (теории и истории государства и права, гражданского права и процесса и уголовного права и процесса) на тему „Аналогия закона в советском праве“»².

В письме от 26 ноября 1939 г. заместитель директора Всесоюзного института юридических наук, доктор юридических наук, профессор, известный криминолог Алексей Адольфович Герцензон (1902–1970) спрашивал Г. И. Баева: «Уважаемый товарищ Баев. По нашим сведениям Вы занимаетесь вопросами общей теории государства и права. Для поддержания постоянной связи с Вами и, если потребуется, необходимой помощи Вам, Всесоюзный Институт Юридических Наук НКЮ СССР просит Вас сообщить: 1. Какими вопросами теории государства и права Вы занимаетесь?; 2. Можем ли рассчитывать поставить Ваш доклад на обсуждение в секции теории государства и права, на какую тему, когда?; 3. Работаете ли Вы над диссертацией, на какую тему? Необходима ли наша помощь? Не можем ли организовать защиту диссертации в Москве – во Всесоюзном Институте Юридических Наук; 4. Какие вопросы по теории государства и права Вы считаете необходимыми поставить для разработки в план работы Института в 1940 году?»³

Между Г. И. Баевым и Г. М. Колоножниковым, И. А. Антроповым была культурная пропасть, так как дореволюционные профессора успели получить полноценное среднее и высшее образование. Г. И. Баев являлся представителем новой советской «трудовой» интеллигенции неинтеллигентского происхождения, которая получила поверхностное образование и обладала весьма невысоким культурным уровнем. Григорий Иванович относился к старой профессуре с уважением.

¹ Отчет кафедры теории и истории государства и права за 1939/40 учебный год (Отчет о работе кафедр Свердловского юридического института за 1939/40 и 1940/41 учебные годы) // ГАСО. Ф. 2141. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 24об.

² Там же. Л. 25.

³ Архив УрГЮУ. Личное дело Г. И. Баева. Л. 53.

В августе 1941 г. Г. И. Баева призвали в Красную Армию. «Два месяца он служил в качестве старшего инструктора по пропаганде при политотделе 365-й стрелковой дивизии в Свердловской области. Но в октябре 1941 г. его отозвали в распоряжение военного трибунала 65-й морской стрелковой бригады, которая вошла в состав действующей армии Карельского фронта. В мае 1942 г. Г. И. Баева назначили членом военного трибунала Карельского фронта, а в ноябре 1942 г. он стал председателем военного трибунала 7-й воздушной армии, где и прослужил до конца апреля 1945 г.»¹

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» военные трибуналы в составе трех постоянных членов работали в армиях, корпусах, дивизиях и рассматривали преступления военнослужащих: побег с поля боя, дезертирство, членовредительство. Слушание дела надлежало начинать через 24 ч после вручения обвинительного заключения (ст. 11). Дело рассматривалось без защитника и прокурора (его функцию выполнял трибунал). Кассационное обжалование приговоров трибуналов не допускалось (ст. 14)². Чаще всего приговаривали к высшей мере наказания – расстрелу. С течением времени, правда, практика в корне изменилась. Широко стало применяться прим. 2 к ст. 28 Уголовного кодекса РСФСР: осужденный отправлялся на передовую для искупления вины кровью: «Приговор, присуждающий в военное время военнослужащего к лишению свободы без поражения прав, может быть по определению суда, вынесшего приговор, отсрочен исполнением до окончания военных действий с тем, что осужденный направляется в действующую армию. В отношении военнослужащих, проявивших себя в составе действующей армии стойкими защитниками Союза СССР, допускается по ходатайству соответствующего военного начальства освобождение от назначенного ранее наказания либо замена его на более мягкое наказание по определению суда, вынесшего приговор»³.

Фронтовой приказ № 581 от 7 ноября 1942 г. о награждении военного юриста III ранга, члена коллегии военного трибунала Карельского фронта Г. И. Баева медалью «За боевые заслуги»: «Тов. Баев на протяжении 9-ти месяцев являясь председателем военного трибунала 65-й МСБ⁴, неутомимо выполнял задачи по очищению рядов Красной Армии от проникших в нее чуждых элементов, по укреплению воинской дисциплины в соединении, подчиняя ее задачам командования. Судебные дела тов. Баев, как правило, рассматривал на передовой линии фронта нередко под огнем неприятеля. При его активном участии проведено большое количество бесед, способствовавших поднятию политико-морального состояния частей. Благодаря повседневной работе т. Баева с осужденными многие из них на фронте показали стойкость и мужество. За хорошую работу т. Баев выдвинут на должность члена коллегии трибунала фронта, где он продолжает оказывать помощь трибуналам соединений в их работе по укреплению дисциплины в частях. Как секретарь парторганизации военного трибунала фронта, тов. Баев проводит большую общественно-массовую работу. Тов. Баев достоин награды – медали „За боевые заслуги“. Председатель военного трибунала Карельского фронта военный юрист I ранга Ф. Бережной. 3 ноября 1942 г.»⁵. Подполковник юстиции военного трибунала 7-й воздушной армии

¹ Казарин В. Н. Председатели Иркутского областного суда: пять портретов советской юстиции // Сибирская ссылка. Сб. науч. ст. Вып. 3. Иркутск, 2006. С. 155.

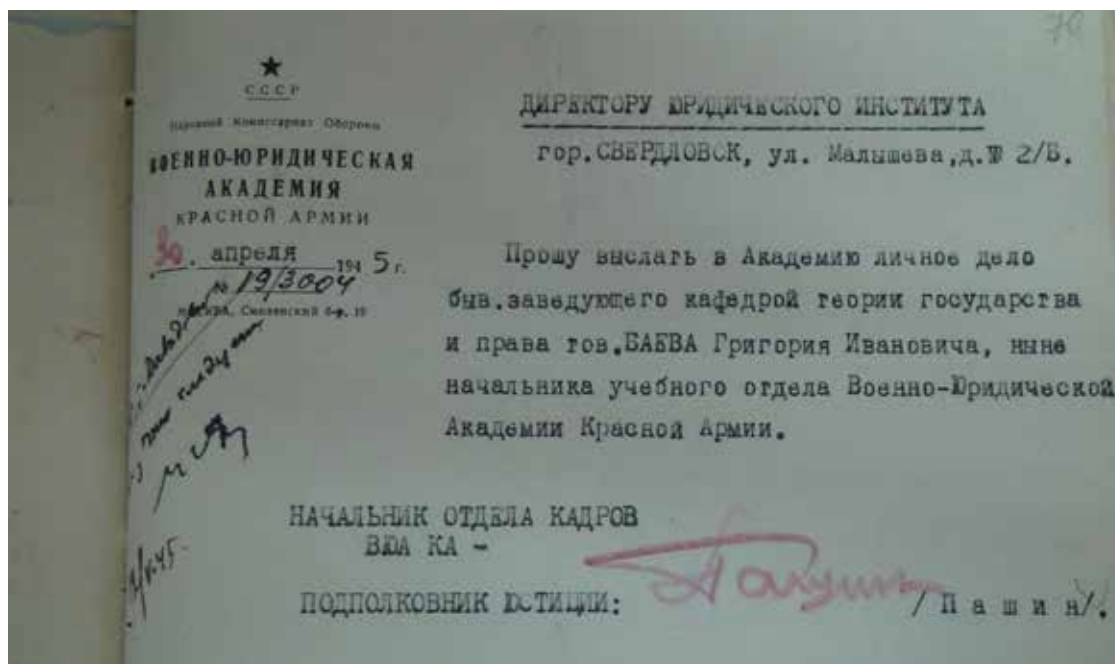
² Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29. О военной юстиции в годы Великой Отечественной войны см.: Козинцев А. Я. Государственная политика СССР в 39 – 50-е годы XX века в сфере юстиции: моногр. Куртамыш, 2008. С. 323–339; Ткачевский Ю. М. Ответственность за воинские преступления во время Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестн. Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2005. № 3. С. 34–47.

³ СУ. № 49. Ст. 330.

⁴ МСБ – механизированная стрелковая бригада.

⁵ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 71. № записи 10765424.

Г. И. Баев Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 декабря 1944 г. награжден орденом Отечественной войны II степени¹.

«В конце апреля 1945 г. Г. И. Баев был направлен в Военно-юридическую академию на должность начальника учебного отдела, а затем начальника заочного факультета. В августе 1946 г. приказом начальника Главного политического управления в порядке демобилизации старших возрастов Г. И. Баева уволили в запас... После демобилизации из рядов Советской армии в звании подполковника юстиции по решению ЦК ВКП(б) Г. И. Баев был направлен на работу председателем Мурманского областного суда. За время работы в Мурманске, городе, знакомом Баеву с военных времен, он избирался членом Мурманского горкома партии и депутатом Мурманского городского Совета депутатов трудящихся. По результатам проверки комиссии, возглавляемой заместителем министра юстиции РСФСР в июне 1949 г., отмечалось, что Г. И. Баев правильно организовал работу Мурманского областного суда. Областной суд справлялся с рассмотрением поступающих уголовных и гражданских дел и в основном правильно применял законы при разрешении судебных дел и правильно ориентировал своими определениями районные суды. Г. И. Баев уделял большое внимание работе судебных коллегий при рассмотрении дел во второй инстанции и сам лично принимал участие в рассмотрении дел. За 1948 г. и первый квартал 1949 г. под председательством Г. И. Баева было рассмотрено 245 уголовных и 212 гражданских дел. В числе недостатков в профессиональной работе Г. И. Баева строгая комиссия указала один: он не организовал изучение судебной практики по контрреволюционным делам. Общее заключение комиссии было весьма позитивным: Г. И. Баев знает советское законодательство и хорошо подготовлен политически. По своим деловым качествам и теоретической подготовке Баев может обеспечить работу председателя областного суда со значительно большим объемом работы. Следует отметить, что за время работы Баева председателем Мурманского областного суда ему дважды предлагали перейти на другую должность с повышением: в сентябре 1949 г. за-

¹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Ед. хр. 162. № записи 46483721.

местителем председателя Верховного суда Литовской ССР, а в ноябре 1949 г. – секретарем Мурманского обкома партии. От этих предложений Г. И. Баев отказался. Однако когда Григорию Ивановичу предложили должность председателя Иркутского областного суда, он согласился»¹.

5 марта 1951 г. Г. И. Баев стал председателем Иркутского областного суда. «К служебным обязанностям Г. И. Баев относился честно и добросовестно, пользовался заслуженным авторитетом среди судебно-прокурорских работников, а также в партийных и советских органах Иркутской области. В феврале 1952 г. его избрали депутатом Иркутского городского Совета депутатов трудящихся. Однако в 1956 г. Григорий Иванович тяжело заболел: сказались тяготы войны и чрезмерная нагрузка работы на ответственных должностях. В течение длительного времени он отсутствовал на работе по состоянию здоровья. 9 октября 1956 г. Григорий Иванович Баев, председатель Иркутского областного суда, умер. Министерство юстиции РСФСР, Иркутский обком и облисполком, Иркутский областной суд выразили соболезнования в связи с кончиной Г. И. Баева»².

Так на 52-м году оборвалась жизнь русского подвижника, самоотверженно служившего своей Родине и народу. Вера в коммунистическое будущее («земной рай») в соединении с любовью к Родине, которая впервые в мире указывает человечеству путь в это коммунистическое будущее, давала Г. И. Баеву, как и другим советским подвижникам, колоссальные силы. О них писал советский поэт Николай Тихонов: «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей» (1922). Эти люди делали невозможное и нередко безвременно рано сгорали.

*Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор – золото лимонов.
Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке;
Пересчитай людей моей земли –
И сколько мертвых встанет в перекличке.
Но всем торжественно пренебрежем.
Нож сломанный в работе не годится,
Но этим черным, сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы.*

Н. С. Тихонов, 1921 г.

Библиография

Архив УрГЮУ. Личное дело Г. И. Баева. Л. 30, 31, 53, 60.

Архив УрГЮУ. Личное дело П. А. Гордеева. Л. 2–3, 9.

Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.

Вышинский А. Я. Сталин и враги народа. М., 2012 // URL: http://royallib.com/book/vishinskiy_andrey/stalin_i_vragi_naroda.html.

ГАСО. Личное дело проф. Г. М. Колоножникова. Ф. 2143-р. Оп. 1-л. Ед. хр. 5. Л. 1–14.

ГАСО. Личное дело проф. И. А. Антропова. Ф. 2143-з. Оп. 1-л. Ед. хр. 51. Л. 1–165.

ГАСО. Личное дело проф. Ю. М. Позана. Ф. 2143-р. Оп. 1-л. Ед. хр. 6. Л. 1–67.

ГАСО. Ф. 2143. Оп. 1-л. Ед. хр. 185. Л. 22об.

К вопросу о столетнем юбилее университета: новое в биографии вуза (по материалам «Круглого стола») 18 мая 2016 г. // URL: <http://usla.ru>.

¹ Казарин В. Н. Председатели Иркутского областного суда. С. 155–156.

² Там же. С. 157.

- Казарин В. Н. Иркутский областной суд в 1950-е гг. // Сибирский юрид. вестн. 2006. № 2.
- Казарин В. Н. Председатели Иркутского областного суда: пять портретов советской юстиции // Сибирская ссылка. Сб. науч. ст. Вып. 3. Иркутск, 2006.
- Кодинцев А. Я. Государственная политика СССР в 39 – 50-е годы XX века в сфере юстиции: моногр. Куртамыш, 2008.
- Колоножников Георгий Мокиевич (Мокеевич) – Электрон. энциклопедия ТГУ // URL: [http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php?title=Колоножников,_Георгий_Мокиевич_\(Мокеевич\)&oldid=9860](http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php?title=Колоножников,_Георгий_Мокиевич_(Мокеевич)&oldid=9860).
- Кулагина Г. А. Свидетель века. Екатеринбург, 2005.
- Любавский М. М. У истоков советской криминалистики. Т. IV: В Казани. 1934–1939 гг. Машинопись воспоминаний; Т. V: Организация и работа криминалистической лаборатории Свердловского юридического института. 1939–1948 гг. Машинопись воспоминаний. Нижний Тагил, 1975.
- Отчет кафедры теории и истории государства и права за 1939/40 учебный год (Отчет о работе кафедр Свердловского юридического института за 1939/40 и 1940/41 учебные годы) // ГАСО. Ф. 2141. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 24об., 25.
- Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2014. Вып. 2. Свердловский юридический институт. 1931–1981. М., 1981.
- Стенограмма заседания научной конференции Свердловского юридического института от 4 апреля 1939 г. // ГАСО. Ф. 2143. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 4–5, 44.
- Ткачевский Ю. М. Ответственность за воинские преступления во время Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестн. Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2005. № 3.
- Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ. № 49. Ст. 330.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 71. № записи 10765424.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Ед. хр. 162. № записи 46483721.
- Шайдуллин Р. Герои вчерашних дней // Особый менталитет. 2015. № 3, 4.

Bibliography

- Arxiv UrGYuU. Lichnoe delo G. I. Baeva. L. 30, 31, 53, 60.
- Arxiv UrGYuU. Lichnoe delo P. A. Gordeeva. L. 2–3, 9.
- САМО. Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 71. № записи 10765424.
- САМО. Ф. 33. Оп. 686046. Ед. хр. 162. № записи 46483721.
- ГАСО. Ф. 2143. Оп. 1-л. Ед. хр. 185. Л. 22об.
- ГАСО. Lichnoe delo prof. G. M. Kolonozhnikova. F. 2143-r. Op. 1-l. Ed. xr. 5. L. 1–14.
- ГАСО. Lichnoe delo prof. I. A. Antropova. F. 2143-z. Op. 1-l. Ed. xr. 51. L. 1–165.
- ГАСО. Lichnoe delo prof. Yu. M. Pozana. F. 2143-r. Op. 1-l. Ed. xr. 6. L. 1–67.
- K voprosu o stoletnem yubilee universiteta: novoe v biografii vuza (po materialam «Kruglogo stola») 18 maya 2016 g. // URL: <http://usla.ru>.
- Kazarin V. N. Irkutskij oblastnoj sud v 1950-e gg. // Sibirskij yurid. vestn. 2006. № 2.
- Kazarin V. N. Predsedateli Irkutskogo oblastnogo suda: pyat' portretov sovetskoj yusticii // Sibirskaya sssylka. Sb. nauch. st. Vyp. 3. Irkutsk, 2006.
- Kodincev A. Ya. Gosudarstvennaya politika SSSR v 39 – 50-e gody XX veka v sfere yusticii: monogr. Kurtaмыш, 2008.
- Kolonozhnikov Georgij Mokievich (Mokeyevich) – Ehlektron. ehnciklopediya TGU // URL: [http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php?title=Kolonozhnikov,_Georgij_Mokievich_\(Mokeyevich\)&oldid=9860](http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php?title=Kolonozhnikov,_Georgij_Mokievich_(Mokeyevich)&oldid=9860).
- Kulagina G. A. Svidetel' veka. Ekaterinburg, 2005.
- Lyubavskij M. M. U istokov sovetskoj kriminalistiki. T. IV: V Kazani. 1934–1939 gg. Mashinopis' vospominanij; T. V: Organizaciya i rabota kriminalisticheskoy laboratorii Sverdlovskogo yuridicheskogo instituta. 1939–1948 gg. Mashinopis' vospominanij. Nizhnij Tagil, 1975.
- Otchet kafedry teorii i istorii gosudarstva i prava za 1939/40 uchebnyj god (Otchet o rabote kafedr Sverdlovskogo yuridicheskogo instituta za 1939/40 i 1940/41 uchebnye gody) // GASO. F. 2141. Op. 1. Ed. xr. 50. L. 24ob., 25.
- Problemy istorii obshhestva, gosudarstva i prava: sb. nauch. tr. Ekaterinburg, 2014. Vyp. 2.
- Shajdullin R. Geroi vcherashnix dnei // Osobyj mentalitet. 2015. № 3, 4.
- Stenogramma zasedaniya nauchnoj konferencii Sverdlovskogo yuridicheskogo instituta ot 4 aprelya 1939 g. // GASO. F. 2143. Op. 1. Ed. xr. 46. L. 4–5, 44.
- Sverdlovskij yuridicheskij institut. 1931–1981. M., 1981.

Tkachevskij Yu. M. Otvetstvennost' za voinskie prestupleniya vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) // Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 11. Pravo. 2005. № 3.

Ugolovnyj kodeks RSFSR 1926 g. // SU. № 49. St. 330.

Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1941. № 29.

Vyshinskij A. Ya. Stalin i vragi naroda. M., 2012 // URL: http://royallib.com/book/vishinskiy_andrey_stalin_i_vragi_naroda.html.

**СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ
«КНИГА ПАМЯТИ СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ»:
ИДЕЯ, ВОПЛОЩЕНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ****THE STUDENTS' RESEARCH PROJECT
«THE SLI – USLA – USLU BOOK OF MEMORY»:
AN IDEA, IMPLEMENTATION, PROSPECTS**

Уральский государственный юридический университет предлагает студентам первого курса возможность реализоваться в учебной, научно-исследовательской, творческой, спортивной и иных сферах. Несколько десятков первокурсников, обучающихся по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», выбрали занятия в Музее и Архиве УрГЮУ, включившись в работу Кружка СНО по истории государства и права России (научный руководитель – доцент Н. Н. Зипунникова).

В связи с 70-летним юбилеем Победы советских войск и союзников над фашистской Германией студентам, занимающимся в Архиве и Музее, было предложено присоединиться к значимому для вуза проекту – подготовке «Книги Памяти СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ» на основе архивных материалов. Данная деятельность подразумевала обработку документов выпускников Свердловского юридического института 1949 г., принимавших участие в Великой Отечественной войне. Этот год выбран не случайно: именно в 1949 г. окончил СЮИ Сергей Сергеевич Алексеев – заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН¹.

Была проделана значительная работа: написаны статьи о выпускниках-героях, организованы выставки в главном учебном корпусе УрГЮУ и экспозиция на девятой сессии Европейско-Азиатского правового конгресса (ЕАПК). Сложность и одновременно творческий характер работы в Архиве и Музее заключались в исследовательском, поисковом направлении деятельности. Студенты не работали с готовым материалом, а изучали архивные документы, анализировали данные и только после этого на основе собственных заключений и консультаций работников Архива готовили статьи и разрабатывали проект «Книги Памяти». За девять месяцев было обработано порядка сотни дел, просмотрено большое количество архивных материалов, изучено множество публикаций в различных источниках.

Настоящая статья представляет собой иллюстрированный отчет о научно-исследовательской деятельности студентов, занимавшихся ею преимущественно в 2014/2015 учебном году, с описанием каждого мероприятия, организованного в процессе подготовки «Книги Памяти».

Помимо подготовки «Книги Памяти» студенты занимались организацией тематических выставок. Первой стала прошедшая в конце ноября 2014 г. выставка, посвященная 120-летию со дня рождения выдающегося отечественного правоведа Бориса Борисовича Черепяхина (1894–1969), или, как называли его в СЮИ, где он работал в 1939–1952 гг., «Б. Б. Ч.». Б. Б. Ч. – яркая, масштабная, неординарная личность, его роль в формировании традиций отечественной науки гражданского права трудно переоценить. В Свердловском юридическом институте Б. Б. Черепяхин руководил кафедрой гражданского права и процесса, был заместителем директора Института. Он по праву назван основателем

¹ Алексеев Сергей Сергеевич // URL: <http://www.civilista.ru/civilist.php?id=6>; История, настоящее, будущее: 80 лет СЮИ – УрГЮА / отв. ред. В. А. Бублик, В. Д. Перевалов. Екатеринбург, 2011. С. 264–272 (раздел «Наша гордость»).

уральской школы цивилистики. Получивший юридическое образование в императорской России, Черепяхин стал учителем многих поколений советских студентов-юристов, в том числе военных лет, был наставником С. С. Алексеева, М. Я. Кирилловой, Е. Д. Шешенина и других известных правоведов¹.

Выставка была подготовлена студентками первого курса Анастасией Коробициной и Ульяной Батуевой под руководством Н. Н. Зипунниковой и сотрудника Архива УрГЮУ и Музея истории СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ А. В. Поповой².

Подготовка выставки, посвященной 120-летию со дня рождения Бориса Борисовича Черепяхина (слева направо: студентки У. Батуева, А. Коробицина, сотрудник Архива и Музея А. В. Попова)

На выставке были представлены экспонаты, повествующие о семье ученого, о принадлежности фамилии к дворянскому сословию, о детстве и юности Черепяхина и об учебе в Казанском императорском университете. Значительная часть экспозиции была посвящена «свердловскому периоду» жизни Б. Б. Ч. и членов его семьи: жены Ксении Францевны и дочери Татьяны. Представлены приказы о назначении заведующим кафедрой, заместителем директора Института, документы о защите в 1945 г. докторской диссертации, характеристики, фотографии в рабочем кабинете. Одно из центральных мест заняли дипломы доктора наук и профессора, а также архивные материалы об учениках профессора.

Следующий, 2015 г. стал юбилейным для еще одного известного ученого, чья жизнь и профессиональная деятельность были тесно связаны с СЮИ. Борису Авраамовичу Стародубскому (1925–2003) исполнилось бы 90 лет. Студенты-исследователи подготовили выставку в честь этого события³, а также оказали помощь в подготовке «круглого стола», посвященного памяти ученого⁴.

¹ Подробнее см.: Зипунникова Н. Н. Б. Б. Ч. как связь времен (к 120-летию со дня рождения Б. Б. Черепяхина) // Рос. юрид. журн. 2015. № 1. С. 232–240.

² Об этом см.: В экспозиции Музея представлена новая выставка – посвящение профессору Борису Борисовичу Черепяхину // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=3144&cid=13&obid=4944>.

³ 12 февраля 2015 г. исполнилось 90 лет со дня рождения профессора Бориса Авраамовича Стародубского. В большой экспозиции Музея подготовлена выставка памяти известного ученого и педагога // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=139&cid=139&obid=5186>.

⁴ Теоретический семинар памяти профессора Бориса Авраамовича Стародубского (1925–2003) // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=139&cid=139&obid=5274>.

Фрагмент выставки,
посвященной памяти профессора Б. А. Стародубского

Борис Авраамович был доктором юридических наук, известным специалистом в области истории государства и права и государственного права зарубежных стран, политологии. Его перу принадлежит значительное количество трудов, в том числе «Буржуазная демократия, миф и реальность»¹ (1977), «Политические режимы европейских бур-

¹ URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie1399.html>.

жуазных стран»¹ (1989). Борис Авраамович внес немалый вклад в работу нашего вуза. С 1971 по 1990 г. он заведовал кафедрой истории государства и права, был научным руководителем многих студентов и аспирантов Свердловского юридического института. Первым аспирантом по специальности «Государственное право буржуазных стран» на кафедре иностранного государственного и международного права у Б. А. Стародубского был Петр Иванович Савицкий, ныне профессор кафедры конституционного права.

Экспонатами выставки стали архивные документы, в том числе приказ Министерства высшего образования СССР от 5 августа 1949 г. об утверждении кандидата юридических наук Б. А. Стародубского в должности старшего преподавателя кафедры государственного права СЮИ, справка 1954 г. о педагогической нагрузке Б. А. Стародубского, документы об избрании и приказ о назначении в 1971 г. на должность заведующего кафедрой истории государства и права.

Главной целью студентов-исследователей в 2015 г. стала работа над «Книгой Памяти СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ». Данный проект предусматривал создание сборника биографий людей, завершивших обучение в СЮИ в 1949 г. (выпускников и отчислившихся по разным причинам), принимавших участие в Великой Отечественной войне. Также была подготовлена выставка, посвященная юбилею Победы в Великой Отечественной войне.

Фрагмент выставки,
посвященной 70-летию юбилею Победы
в Великой Отечественной войне

Основой выставки стали архивные документы, которые экспонировались впервые: фотографии, приказы, воспоминания преподавателей, сотрудников, студентов Свердловского юридического института, участвовавших в Великой Отечественной войне.

¹ URL: <http://chamo.lib.tsu.ru/lib/item?id=chamo:93999&theme=system>.

Особое место было отведено баннерам с портретами орденосцев-выпускников СЮИ.

Баннер с портретами орденосцев-выпускников СЮИ

Идею сотрудников Архива УрГЮУ, несколько лет работавших над созданием базы данных о выпускниках-фронтовиках, изготовить специальные баннеры с галереей портретов поддержали студенты Анастасия Бырина, Сергей Енгоян, Кристина Кравчукова и Анастасия Коробицина. На первом этапе работы они занимались систематизацией выпускников и обрабатывали их фотографии. Второй этап предполагал поиск орденосцев и выпускников, награжденных медалями во время Великой Отечественной войны. В результате было определено около 800 персоналий. Помимо прочего, данный этап

предполагал поиск образцов упомянутых наград. Заключительным этапом стала контрольная проверка сотрудниками Архива правильности данных и передача сведений дизайнерам для создания баннера.

В начале мая студенты в переходе между учебными корпусами на ул. Комсомольской смогли увидеть готовые баннеры, которые поразили всех масштабностью и красотой. Студенты, готовившие этот проект, не ожидали такого результата: они признались, что не пожалели сил, затраченных на работу. Это было и большим нравственным делом. Кроме того, созданный баннер стал отличным сопровождением к презентации студенческого проекта «Книга Памяти СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ».

Сама «Книга Памяти» послужила еще одним направлением нашей научной работы. В ней собраны в алфавитном порядке имена всех обнаруженных в фондах Архива фронтовиков, которые после окончания войны поступили в Свердловский юридический институт и завершили обучение в 1949 г. Решение о включении в «Книгу» имен не только выпускников, но и всех тех, кто отчислился по разным причинам в названном году, было коллективным. И сотрудники Архива, и студенты-исследователи посчитали, что это правильно, ведь учиться фронтовикам в первые годы мирного времени было очень трудно!

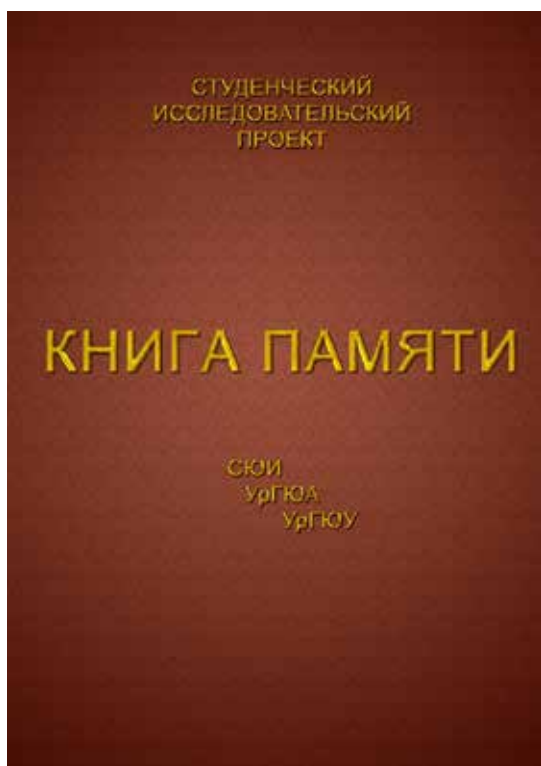
«Книга Памяти» является данью уважения студентам-фронтовикам, которые защищали честь не только нашей страны, но и родного края. Проект стал продолжением большой исследовательской работы, направленной на изучение документальной биографии вуза, расширение университетской историографии.

Подготовленная «Книга» – это первый выпуск продолжающегося, как мы надеемся, издания. В общей сложности нами было выявлено 98 фронтовиков. В их числе – и правовед с мировым именем С. С. Алексеев, и известные профессора СЮИ А. Ф. Козлов и А. А. Забелышенский. В очерки помимо кратких биографических данных были включены сведения об участии на фронтах войны. Очерки сопровождались извлеченными из архивных документов СЮИ фотоизображениями студентов. В ряде случаев таковые отсутствовали, что также отражено в «Книге». Вместо фото на соответствующих страницах размещен разработанный студентами знак.

Важно заметить, что дизайн «Книги» – творчество студентов-исследователей, особенно Владислава Харламова. В книге немало интересных дизайнерских находок, которые «рождались» постепенно, в результате творческого обсуждения подготовленных проектов. Со всей очевидностью это проявилось и в подборе шрифтов и важных элементов внутри книги, и в связи с обдумыванием такого ключевого элемента любой книги, как обложка. Были разработаны несколько вариантов дизайна книги. После правок удалось добиться сочетания минимализма и торжественности.

После сверки всех выявленных студентами данных профессиональными архивистами настал этап литературной обработки собранной информации и приведения ее к «общему знаменателю». За этот блок отвечал уже опытный студент-исследователь Георгий Краснов, выступавший одним из авторов статей о работе студентов в Архиве и Музее, опубликованных ранее¹. В число его задач входило и решение ряда научных вопросов. Так, было важно определиться, как указывать место рождения героев книги: на момент рождения, на момент учебы в СЮИ или на момент публикации (как известно, административно-территориальное деление развивалось, названия населенных пунктов менялись и т. д.). Закljučая описание «Книги», обратим внимание, что в очерках не затрагивался жизненный и профессиональный путь студентов СЮИ после 1949 г.

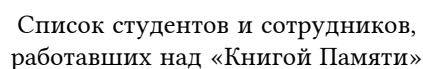
¹ Зипунникова Н. Н., Коптяев Н. О., Краснов Г. С., Перфильева Т. Д. Летопись СЮИ – УрГЮА: студенческий исследовательский проект // Электрон. прил. к «Рос. юрид. журн.». 2014. № 3. С. 23–49; *Их же*. Во славу Alma Mater (продолжая летопись СЮИ – УрГЮА) // Там же. № 4. С. 33–50.

Первоначальные варианты обложки «Книги Памяти СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ»

Окончательный вариант обложки
«Книги Памяти СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ»

ELECTRONIC SUPPLEMENT TO THE RUSSIAN JURIDICAL JOURNAL

Памяти», началась за несколько месяцев. За этот период были пересмотрены несколько идей и концепций проведения данного мероприятия, составлена программа выступления участников и смоделирована выставочная экспозиция.

19 мая 2015 г. в учебном корпусе № 2 (ул. Колмогорова, 54) состоялся «круглый стол», посвященный 70-летию Победы «Книга Памяти СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ». В его рамках студенты представили итоговый исследовательский отчет о работе в Клубе СНО по истории государства и права России. Работу «круглого стола» открыла научный руководитель, директор Музея Н. Н. Зипунникова, после чего с приветствиями выступили директор Института юстиции М. В. Гончаров и профессор М. И. Кондрашева (1938–2016), представлявшая Совет ветеранов Университета.

Открытие «круглого стола», посвященного 70-летию Победы
«Книга Памяти СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ»

Выступление профессора М. И. Кондрашевой
(1938–2016)

Отчет научно-исследовательского коллектива строился по сюжетно-тематическим блокам. Для удобства гостей задействовали два мультимедийных экрана. На первом была показана интерактивная карта фронтов Великой Отечественной войны. На втором экране рассказывалось о тех людях, которые учились в СЮИ, ушли на фронт и погибли, защищая честь нашей Родины. Исследователи представили краткие биографические справки студентов выпуска 1949 г. – героев «Книги Памяти», а также фронтовиков-выпускников СЮИ, впоследствии ставших преподавателями и учеными. Был проведен и анализ наград (ордена и медали) участников войны. Научные блоки дополнялись различными творческими выступлениями, придавшими «круглому столу» душевность, открытость и теплоту.

Участники «круглого стола»

В завершение «круглого стола» студенты-исследователи поделились впечатлениями о проделанной работе, выразили благодарность руководству Архива и Музея истории СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ за возможность прикоснуться к истории родного Университета, а также за стремление воспитать любовь к Родине.

Участники «круглого стола»

Также в рамках «круглого стола» была организована тематическая выставка, состоявшая из архивных документов и музейных экспонатов, часть объектов была использована при составлении «Книги Памяти».

Выставка в рамках «круглого стола»

Продолжением разговора о фронтовиках-выпускниках СЮИ 1949 г., начавшегося на «круглом столе», стала презентация «Книги Памяти» в главном учебном корпусе УрГЮУ (ул. Комсомольская), которая состоялась 21 мая 2015 г. в рамках еще одного «круглого стола». Он был подготовлен Музеем Университета, кафедрой истории государства и права и редакцией журнала «Российское право: образование, практика, наука». За нашим выступлением с интересом наблюдали не только студенты Университета (преимущественно Института прокуратуры), но и ставшие участниками обсуждения первый проректор УрГЮУ профессор М. С. Саликов, советник Уполномоченного по правам человека в Свердловской области И. Н. Литвинова, декан юридического факультета Уральского государственного педагогического университета Г. С. Тумалевич, корреспондент газеты «Уральский рабочий» Д. В. Суворов, преподаватели Университета.

Открыла мероприятие лекция-презентация доктора юридических наук, заведующего кафедрой истории государства и права УрГЮУ, профессора Александра Сергеевича Смыкалина, который рассказал о том, как в годы войны готовили судей, прокуроров, следователей и адвокатов. Поскольку временные рамки нашего выступления были ограничены, мы представили вниманию зрителей «сокращенную» версию нашей презентации. Нам удалось рассказать об участниках пяти фронтов, выпускниках 1949 г., а также о студентах, пропавших без вести. После завершения отчета о проделанной работе ведущий нашей встречи предоставил слово другим участникам. И. Н. Литвинова не только поблагодарила за приглашение, но и продемонстрировала курсовую работу своего отца,

который также учился в СЮИ. Презентация «Книги Памяти СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ» в главном учебном корпусе стала важным этапом для студентов-исследователей, однако на этом наша деятельность не закончилась.

18–19 июня 2015 г. в здании Правительства Свердловской области была организована девятая сессия Европейско-Азиатского правового конгресса «Право и национальные интересы в современной геополитике». Конгресс объединил делегации разных стран: Белоруссии, Бразилии, Индии, Германии, Китая, Казахстана, Нидерландов, Польши, США, Украины, Франции, Швеции, ЮАР. Всего на форуме встретилось более 700 участников. Студенты-исследователи подготовили к конгрессу передвижную выставку «СЮИ в годы Великой Отечественной войны: известное и неизвестное».

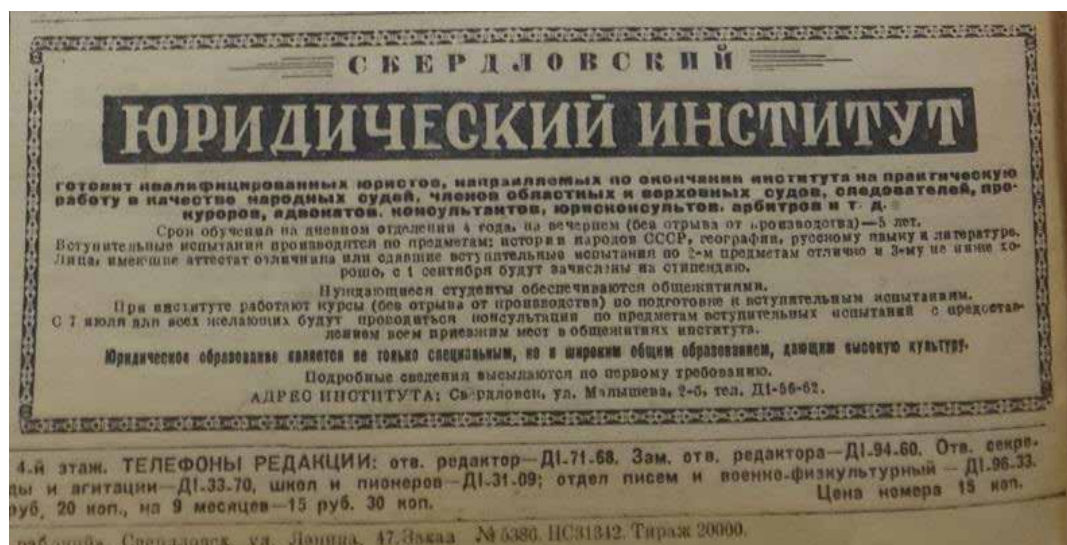
Передвижная выставка на ЕАПК

Тематика выставки была выбрана не случайно, ведь Свердловский юридический институт не прекращал работу в военное время и продолжал готовить специалистов: судей, прокуроров, адвокатов и следователей. Численность профессорско-преподавательского состава в военный период выросла почти вдвое, количество кафедр увеличилось до восьми. В Институте работали видные ученые-юристы из Москвы, Ленинграда, Харькова, Минска: профессора А. П. Гагарин, С. М. Гофман, Г. А. Курсанов, Е. С. Лола, Р. П. Орлов, доценты А. В. Григорьев, Ф. М. Левитан, С. А. Розмарин, М. Л. Шифферман.

Летом 1941 г. в газете «Уральский рабочий» было размещено объявление о приеме студентов на 1941/1942 учебный год. На первый курс было принято более 200 человек.

В 1943 г. СНК СССР предоставил СЮИ право принимать к защите кандидатские и докторские диссертации¹.

¹ Смыкалин А. С. Юридическое образование на Урале в годы Великой Отечественной войны // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=5457>.

Объявление о приеме студентов на 1941/1942 учебный год
(экспонат передвижной выставки на ЕАПК)

Фрагмент газетной публикации
(экспонат передвижной выставки на ЕАПК)

В основном в военное время в СЮИ обучались женщины¹. Студенты Института помимо учебной деятельности занимались различными работами на общественных началах: трудились в тылу, на заводах, выезжали в колхозы для уборки урожая, участвовали в строительстве оборонных объектов, в заготовке топлива, продовольствия, кормов². Кроме того, Институт помогал госпиталю, и студенты принимали раненых, работали медсестрами и санитарками, выступали с концертами. При этом сохранялся высокий уровень знаний: в дипломах были оценки «отлично» и «хорошо».

¹ Смыкалин А. С. Указ. соч.

² Свердловский юридический институт. 1931–1981. М., 1981. С. 13.

Экспонаты передвижной выставки на ЕАПК

Участникам конгресса была предоставлена возможность ознакомиться с фотографиями из личного архива семьи профессора Б. Б. Черепяхина, его трудовой книжкой, а также открыткой – поздравлением от кафедры иностранных языков СЮИ 1947 г.

Экспонаты передвижной выставки на ЕАПК

Особое внимание участники конгресса уделяли оригиналу зачетной книжки С. С. Алексеева, почетного профессора Университета, выпускника СЮИ, создателя уральской научной школы права, одного из авторов текста Конституции РФ. В ней гости видели только отметки «отлично».

В рамках выставки были представлены и иные уникальные документы: архивные материалы об учебе студентов В. Б. Куцкевича, В. А. Черных, полного кавалера орденов Славы Ф. И. Бурцева, сотрудника, Героя Советского Союза А. И. Петраковского; зачетные книжки студентов; отчет о практике Е. С. Горинштейна; дипломы об окончании СЮИ выпускников, погибших в годы войны (Е. Н. Малякина, Г. П. Савицкого), а также служебная книжка краснофлотца П. Н. Минкина и ряд фотографий.

Участники ЕАПК знакомятся с экспонатами
(слева направо: В. Д. Перевалов, В. Ф. Яковлев, С. Д. Митин, В. А. Бублик)

Благодаря общим усилиям и командной работе мы смогли достичь нашей главной цели – разработать и выпустить в свет «Книгу Памяти СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ». Издана она была в Издательском доме Университета. При помощи сотрудников Архива УрГЮУ, Музея истории СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ нам удалось представить нашу работу студентам, преподавателям и сотрудникам нашего вуза, городу, а также на международном форуме. Нами было организовано несколько выставок, подготовлены статьи и отчеты в университетские СМИ (в газеты и на сайт), проведены «круглые столы», которые позволили заинтересовать других студентов и ознакомить весь Университет с нашей исследовательской работой.

Возможность заниматься музейно-архивной деятельностью в Институте юстиции Уральского государственного юридического университета предоставляется уже пять лет. Очень символично, что подготовкой майского форума 2016 г., посвященного юбилейной проблематике в истории вуза, занимался пятый, юбилейный, набор студентов-исследователей. Мы также включились в работу, оказывая творческое, организационное, исследовательское содействие первокурсникам. Систематическая деятельность студентов разных курсов в Кружке СНО по истории государства и права России с элементами музейного и архивного дела формирует преемственность работы, укрепляет усилия по изучению истории Университета, истории юридического образования, истории страны, делая также возможной качественную реализацию амбициозных исследовательских проектов.

*Авторы материала –
студенты УрГЮУ Батуева Ульяна Владимировна, Белова Елизавета Ивановна,
Бырина Анастасия Константиновна, Енгоян Сергей Ашотович,
Коробицина Анастасия Альбертовна, Харламов Владислав Геннадьевич,
Шевченко Дмитрий Александрович*

Библиография

12 февраля 2015 г. исполнилось 90 лет со дня рождения профессора Бориса Авраамовича Стародубского. В большой экспозиции Музея подготовлена выставка памяти известного ученого и педагога // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=139&cid=139&obid=5186>.

Алексеев Сергей Сергеевич // URL: <http://www.civilista.ru/civilist.php?id=6>.

В экспозиции Музея представлена новая выставка – посвящение профессору Борису Борисовичу Черепяхину // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=3144&cid=13&obid=4944>.

Зипунникова Н. Н. Б. Б. Ч. как связь времен (к 120-летию со дня рождения Б. Б. Черепяхина) // Рос. юрид. журн. 2015. № 1.

Зипунникова Н. Н., Коптяев Н. О., Краснов Г. С., Перфильева Т. Д. Летопись СЮИ – УрГЮА: студенческий исследовательский проект // Электрон. прил. к «Рос. юрид. журн.». 2014. № 3.

Зипунникова Н. Н., Коптяев Н. О., Краснов Г. С., Перфильева Т. Д. Во славу Alma Mater (продолжая летопись СЮИ – УрГЮА) // Электрон. прил. к «Рос. юрид. журн.». 2014. № 4.

История, настоящее, будущее: 80 лет СЮИ – УрГЮА / отв. ред. В. А. Бублик, В. Д. Первалов. Екатеринбург, 2011.

Свердловский юридический институт. 1931–1981. М., 1981.

Смыкалин А. С. Юридическое образование на Урале в годы Великой Отечественной войны // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=5457>.

Стародубский Б. А. Буржуазная демократия, миф и реальность. М., 1977 // URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie1399.html>.

Стародубский Б. А. Политические режимы европейских буржуазных стран. Свердловск, 1989 // URL: <http://chamo.lib.tsu.ru/lib/item?id=chamo:93999&theme=system>.

Теоретический семинар памяти профессора Бориса Авраамовича Стародубского (1925–2003) // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=139&cid=139&obid=5274>.

Bibliography

12 fevralya 2015 g. ispolnilos' 90 let so dnya rozhdeniya professora Borisa Avraamovicha Starodubskogo. V bol'shoj ehkspozicii Muzeya podgotovlena vystavka pamyati izvestnogo uchenogo i pedagoga // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=139&cid=139&obid=5186>.

Alekseev Sergej Sergeevich // URL: <http://www.civilista.ru/civilist.php?id=6>.

Istoriya, nastoyashhee, budushhee: 80 let SYuI – UrGYuA / отв. red. V. A. Bublik, V. D. Perevalov. Ekaterinburg, 2011.

Smykalin A. S. Yuridicheskoe obrazovanie na Urale v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=5457>.

Starodubskij B. A. Burzhuaaznaya demokratiya, mif i real'nost'. M., 1977 // URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie1399.html>.

Starodubskij B. A. Politicheskie rezhimy evropejskix burzhuaaznyx stran. Sverdlovsk, 1989 // URL: <http://chamo.lib.tsu.ru/lib/item?id=chamo:93999&theme=system>.

Sverdlovskij yuridicheskij institut. 1931–1981. M., 1981.

Teoreticheskij seminar pamyati professora Borisa Avraamovicha Starodubskogo (1925–2003) // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=139&cid=139&obid=5274>.

V ehkspozicii Muzeya predstavlena novaya vystavka – posvyashhenie professoru Borisu Borisovichu Cherepaxinu // URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=3144&cid=13&obid=4944>.

Zipunnikova N. N. B. B. Ch. kak svyaz' vremen (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya B. B. Cherepaxina) // Ros. yurid. zhurn. 2015. № 1.

Zipunnikova N. N., Koptyaev N. O., Krasnov G. S., Perfil'eva T. D. Letopis' SYuI – UrGYuA: studencheskij issledovatel'skij projekt // Ehlektron. pril. k «Ros. yurid. zhurn.». 2014. № 3.

Zipunnikova N. N., Koptyaev N. O., Krasnov G. S., Perfil'eva T. D. Vo slavu Alma Mater (prodolzaya letopis' SYuI – UrGYuA) // Ehlektron. pril. k «Ros. yurid. zhurn.». 2014. № 4.

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

Главный редактор Издательского дома
Уральского государственного юридического университета
А. Н. Митин

Редакторы *Н. Н. Рассохина, Т. А. Шиловских, О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *А. А. Холодилова*

Подписано к использованию 21.03.17.
Уч.-изд. л. 16,62.
Объем 2,38 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит

Издательский дом
Уральского государственного юридического университета.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23.
Тел.: 375-58-31, 374-32-35. E-mail: idom@list.ru